

Не уронить
авторитет войск

НА

БОЕВОМ ПОСТУ

Для
спецвзвода
нет плохой
погоды

Экзамен
ценою в
жизнь

4 '99

ЗАСТАВА у Терека

Читайте в номере
репортаж
нашего корреспондента.

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

ли у них основания сомневаться, что такой уровень подготовки сил и средств, который мы имеем, позволит обеспечить надежную охрану ядерно-опасных объектов?

— То, что нам удалось увидеть, позволяет сделать вывод, что наши военнослужащие подготовлены не хуже, в том числе и для действий в экстремальных ситуациях, хотя мы имеем более сложную систему подготовки и комплектования подразделений. У нас вместе с военнослужащими-контрактниками службу несут и военнослужащие по призыву, у американцев — только полициеские.

Специалистов-инструкторов они готовят в академии, потом те разъезжаются по объектам и обучают там личный состав подразделений охраны. У нас своя специфика. Мы готовим личный состав не только для охраны, но и для выполнения задач по защите государства в случае агрессии. Такая система до сих пор себя оправдывала. Явных опасений в ее ненадежности нет. Может, в ходе переговоров американцы выдвинут еще какие-нибудь доводы в пользу своих предложений.

— После того как функции по конвоированию и охране объектов ИТК передали органам исполнения наказания, охрана важных государственных объектов осталась одной из основных задач для личного состава округа?

— Все-таки на первом плане для округа, как и для внутренних войск в целом, главной остается задача по охране общественного порядка в пунктах постоянной дислокации и готовность выполнить аналогичные задачи вне пунктов постоянной дислокации. Для этих целей у нас созданы и создаются оперативные части

и специальные моторизованные воинские части, где сосредоточена большая часть личного состава округа. На второй план выходит задача по охране важных государственных объектов, и особенно ядерно-опасных. Что касается ВГО, то сейчас нам предстоит выполнить постановление правительства России о прекращении охраны ряда объектов силами и средствами внутренних войск. В нашем округе такая работа уже идет, до 1 мая текущего года мы должны передать в другие ведомства охрану пяти объектов.

— Алексей Иванович, как изменилась структура округа и насколько уменьшилось количество личного состава после передачи конвойных функций органам исполнения наказания?

— На сегодня округ как оперативная единица остается в составе внутренних войск. С 1996 года мы впервые перешли на бригадную систему, сегодня у нас нет ни одной дивизии. Многие части были сокращены полностью, в отношении некоторых эта работа завершается. Избавляемся мы сейчас от частей смешанного состава. Сегодня мы имеем одну мобильную бригаду особого назначения, остальные части либо чисто оперативные, либо чисто специальные моторизованные. У нас пока остается бригада смешанного состава в Сыктывкаре, в составе которой кроме СМВЧ есть и две учебные части.

— Какова судьба офицеров и прапорщиков — бывших конвойников? Все ли их пожелания учтены при разрешении кадровых вопросов, или все же жалоб избежать не удалось?

— В связи с этими оргштатными

мероприятиями мы не ощутили какой-либо проблемы с трудоустройством офицеров и прапорщиков. 78 офицеров переведены в органы исполнения наказания Министерства юстиции. Тем, которые решили перейти в другие силовые структуры, оказали всяческое содействие. Офицеров, которые решили продолжить службу во внутренних войсках, мы трудоустроили в своем округе. Те, которые имеют право на пенсию, обеспечены жильем, представлены к увольнению. Процесс этот продолжается, но на сегодня жалоб от бывших военнослужащих конвойных частей не поступает.

— Товарищ генерал, одной из задач, определенных главнокомандующим войсками округа на текущий год, является обеспечение высокой боеготовности частей и подразделений оперативно-го резерва. В свое время вам довелось повоевать в Чечне. Скажите, пожалуйста, какие выводы из чеченской кампании вы сделали для совершенствования боевой подготовки?

— В приказе главнокомандующего внутренними войсками 1999 год объявлен годом учебы. Программа обучения должна соответствовать организационно-штатной структуре части и ее предназначению. С учетом выполнения боевых задач в Чечне мы намереваемся больше внимания уделить подготовке к ведению боевых действий в ночных условиях, активнее будем готовить к действиям в составе штатных взводов, рот, батальонов. Потому что, по опыту опять же чеченских событий, сводные подразделения, которые мы создавали, не оправдали себя. Когда личный состав со своими командирами действует в составе полностью укомплектованных штатных

Алексей Иванович КЛИМЕНТЬЕВ родился в 1946 году в Башкирии. После окончания в 1966 году Саратовского военного училища внутренних войск служил командиром взвода в Томске. С 1969 года — курсовой офицер, затем преподаватель Саратовского училища. В 1979 году закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Прошел должности командира батальона, начальника штаба полка, командира полка. С 1991 года — начальник штаба Северо-Западного округа внутренних войск МВД России, с 1998-го — командующий войсками округа.

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

подразделений, обеспечен средствами ведения боя, то и задачи он решает более успешно.

Еще одна особенность — подготовка к ведению боевых действий в условиях города. Здесь тоже необходимо учесть ошибки чеченской кампании.

Следует сделать выводы и из недостатков в подготовке специалистов таких специфических служб, как разведка, инженерно-саперная, кинологическая, авиация.

— В последнее время во внутренние войска часто прибывают офицеры из Вооруженных сил. Много ли у вас таких в округе, и как вы оцениваете их профессиональную подготовку? Насколько весом их вклад в организацию боевой учебы?

— Требования главкома на этот счет предельно конкретны: принимать на службу профессионально пригодных и имеющих жилье. Мы вначале оцениваем уровень профессионализма офицера, а потом заключаем контракт.

В связи с развертыванием нашего окружного госпиталя сегодня мы испытываем потребность в медиках. Нужны нам и специалисты по авто- и бронетанковой технике, связи.

Но это не главная наша кадровая проблема. Сегодня для нас проблема — увольнение офицеров ротного звена. Нам пока не удается создать какие-то приемлемые для них условия, чтобы предостеречь молодых офицеров от поспешного решения об увольнении. Пока такая проблема остается и в нынешнем году.

— Каков процент военнослужащих-контрактников сегодня в округе на должностях солдат и сержантов, и как они участвуют в решении поставленных перед округом задач?

— Если говорить о процентном соотношении, то сегодня доля военнослужащих-контрактников на этих должностях составляет около 15 процентов. Сложности здесь в

том, что на этих должностях много женщин. Одно время их принимали на службу с целью повысить процент укомплектованности. Но тогда это было оправданно, были другие задачи — конвоирование осужденных и охрана ИТК. Службу выполняли без отрыва от пунктов дислокации. Сегодня задачи несколько иные. Часто приходится выезжать в командировки. Женщине сложнее на несколько месяцев оторваться от семьи, от детей. Поэтому такие должности, где это возможно, стараемся укомплектовать мужчинами-контрактниками или солдатами по призыву.

— Насколько я знаю, много хлопот доставляют вам и военнослужащие по призыву. В Московском округе внутренних войск проводят эксперимент. Прошлой осенью было направлено 500 призывников-москвичей, в частях создаются советы родителей военнослужащих, с помощью которых командование намеревается решить многие проблемы по профилактике неуставщины, укреплению законности и правопорядка. Какие новшества предпринимаются вами в этом направлении?

— Главкомом внутренних войск поставлена задача в 1999 году при комплектовании частей призывниками главный упор делать на территориальный принцип. Уже на протяжении двух-трех лет этого принципа мы и придерживаемся. Но не с целью эксперимента, а из-за финансовых трудностей. Большую часть призывников мы набирали из Ленинградского военного округа, и прежде всего — из Санкт-Петербурга.

По опыту последних десяти-пятнадцати лет сегодня можно сказать, что такой принцип для нас не совсем приемлем. Это влечет за собой частое самовольное оставление частей, массовые наплывы родственников, особенно по праздникам, что дезорганизует нормальную работу воинского коллектива. Окружение

друзей, многие из которых уклоняются от призыва, занимаются неизвестно какой деятельностью, способствует проникновению в казармы такого зла, как наркомания.

— Алексей Иванович, велика ли роль ваших подразделений СМВЧ в профилактике уличной преступности в нашей северной столице, или если вы по каким-либо причинам патрульные наряды не выделите, то город этого и не заметит?

— Я считаю, что наши подразделения выполняют большую работу. Судить об этом могу по тому, что ни один из представителей органов местного самоуправления не высказался о ликвидации в городе специальной моторизованной воинской части. Если на улицах городов встречаете людей в милицейской форме, то в большинстве случаев это наши военнослужащие. Особенно это заметно в таких городах, как Калининград, Новгород, Псков. Но, к сожалению, не везде стремление иметь специальную моторизованную часть в городе влечет выполнение мэрами и губернаторами требований Закона о внутренних войсках о содержании военных городков на балансе органов местного самоуправления, о финансировании их отдельной строкой местного бюджета. Хорошо эти вопросы решаются в Республике Коми, Калининграде, Пскове, Мурманске.

— Каковы у вас взаимоотношения с мэром и правительством Санкт-Петербурга? Какую помощь они оказывают округу?

— Отношения у нас рабочие, деловые. Ежедневно мэр Санкт-Петербурга собирает руководителей силовых структур региона, заслушивает доклады о выполнении поставленных задач, интересуется проблемами. И мэр, и правительство Санкт-Петербурга понимают наши трудности, но они не в силах решить все вопросы немедленно. Самая большая проблема — выделение жилья.

(Окончание на стр. 6)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

№ 4 ♦ 1999

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ – МВД России

ИЗДАТЕЛЬ – Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений –
рекламодатели, за качество печати –
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

А. КЛИМЕНТЬЕВ

Не уронить авторитет войск 1

Необходимо искать новые, нестандартные формы работы с людьми. В наше нестабильное время нужно проявлять большее участие в их судьбах, в решении их проблем.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

С. КОЛЕСНИКОВ, А. ЛЕБЕДЕВ

Не поступившись честью 9

Смерть выбирает лучших 10

В. НИКОЛЬСКИЙ

Экзамен ценою в жизнь 11

Родители бережно хранят краповый берет Вячеслава. Вместе с орденом Мужества, которым он был награжден посмертно.

СЛУЖБА

Ю. КИСЛЫЙ

Для спецвзвода нет плохой погоды 14

В. СИТУХА, В. ЛЬВОВ, В. ФЕДОРОВ

Наша броня крепка! 18

Укротители огня (фоторепортаж) 20

Н. КАМШЕКИН

Застава у Терека 22

Войсковая застава, прикрывающая участок административной границы между мятежной Чечней и Ставропольским краем, живет своей особой, тревожной жизнью.

И. СОФРОНОВ

Зимний рейд кадетского спецназа. 24

Кадетский корпус, носящий имя Героя России офицера-спецназовца внутренних войск старшего лейтенанта Игоря Гурова, воспитывает своих питомцев по десантно-спецназовским законам и правилам, жестким и непреклонным, суровым и конкретным, как сама жизнь.

И. МУЧАК

Старая песня о главном в воспитании военнослужащих 29

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО**Г. БОНДАРЕВСКИЙ**

Кавказ всегда был горячим регионом 32

*Наш нештатный корреспондент капитан Альберт Истомин беседует с ведущим специалистом по Кавказу Российской Академии наук Григорием Львовичем Бондаревским.***А. ЩЕГЛОВ**

Пока сердца для чести живы 36

РЕТРОСПЕКТИВА**Н. СЫСОЕВ**

Его жаловал Николай II и ненавидел Распутин 41

*Все донесения о поведении фаворита царской семьи Григория Распутина ложились на стол командира Отдельного корпуса жандармов генерал-майора В. Ф. Джунковского.***В. АГАПОВ**

«Щирый хохол» Сашко Бронштейн 46

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ**М. НАЙДИЧ**

Шагающий через века (к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина) 49

Н. БЕРЕЗОВСКИЙ

Крыша (рассказ) 51

В. БАРАНОВ

Концерт (рассказ) 62

Ю. ТОСКАЛЕВ

«Я научился видеть сердцем...» (стихи) 68

КАЛЕЙДОСКОП**Ю. ДУРНЕВ**

Гагаринское древо 70

Л. ЧЕРНОДУБРОВСКИЙ

Он был живая песня 72

Г. ШАХОВ

Светик-многоцветик 75

Представляем четырнадцатикратную чемпионку России и двукратную чемпионку Европы по дзюдо мастера спорта международного класса старшего лейтенанта Светлану Гундаренко.

Шахматный клуб 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.**Редакционная**
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А., ДОМОЖИРОВ В. К. (зам. главного редактора), ЕРМАКОВ П. И., ЕРМИЛОВ А. М. (зам. главного редактора), ЖУРАВЕЛЬ В. П., КАРЕВ А. Н. (ответственный секретарь), КАРПОВ Б. В., КИСЛЫЙ Ю. П., КУДРЯШОВ В. И., ЛЕВКОВИЧ В. Г., МУЧАК И. Н., ПАНЧЕНКОВ В. В., СЫСОЕВ Н. Г., ТОНКОНОГОВ В. П., ФАТЕЕВ К. К., ШАРАПОВ Н. С., ШЕРЕМЕТА В. А., ЮРЧЕНКО С. П.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э. П.**Верстка**ГЕРАЩЕНКО В. П.
ПЕТРОВОЙ Л. А.**Корректоры**БОГДАНОВА Е. А.
ГАВРИЛОВА Е. Ю.**На 1-й странице обложки фото**
А. АЛЕКСАНДРОВА**Журнал зарегистрирован**
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник"При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна© Журнал
"На боевом посту", 1999Сдано в набор 22.02.99 г.
Подписано к печати 1.04.99 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2300Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 552Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175**Ордена "Знак Почета" типография**
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

(Окончание. Нач. на стр.1)

— Зима уже закончилась, как обстоят дела с продовольственным обеспечением частей и подразделений округа? Доживем до нового урожая?

— К сожалению, вопрос сложный. Решать его приходится ежедневно. Имеем задолженность по оплате за хлеб. Часто бывают перебои в поставке то одного, то другого вида продовольствия. Иногда нет поставок мяса, приходится переходить на консервы. Поддерживаем тесный контакт с первым заместителем начальника окружного управления материально-технического и вещевого снабжения, который непосредственно занимается обеспечением войск. Поэтому пока удастся выделять все по нормам положенности, обеспечивать усиленное питание военнослужащим, имеющим дефицит веса. О переходе на двухразовое питание речь пока не идет.

— Насколько вами решены социальные проблемы раненных в Чечне военнослужащих, семей погибших, и что еще предстоит сделать в будущем?

— Работа эта была несколько осложнена многоступенчатостью решений по вопросам социальной защиты этих категорий военнослужащих и членов их семей. Были одни льготы и компенсации, еще не успели их реализовать, следом пошли другие. Если сейчас и поступают письма и запросы в наш адрес, то это не потому, что ущемляются права военнослужащих, а потому, что многое не успеваем сделать просто физически. Сегодня решены все вопросы по выплатам денежных компенсаций. Мы были должны тем, кто уже уволился, около 16 миллионов рублей. На сегодня до 9 миллионов уже выплачено. Работа эта продолжается.

— В приказе главнокомандующего об итогах служебно-боевой деятельности войск в 1998 году

ваш округ по многим позициям назван в числе отстающих. Хотя я знаю, что до этого многие годы он занимал первое место в войсках. Неужели он так резко сдал свои позиции? Вы считаете, это объективная оценка, или командование войск просто пытается подобным образом активизировать работу вновь назначенного командующего округом?

— Тенденция к снижению уровня воинской дисциплины появилась не в прошлом году. Еще в 1997 году по состоянию воинской дисциплины округ занял предпоследнее место в войсках. Остановить процесс не удалось. Были на то и объективные причины. Когда охраняли объекты ИТУ, была стройная организационно-штатная система работы всех командиров и управленческих звеньев. В ходе реорганизации не смогли перестроить психологию людей, настроить на работу в новых условиях и с новыми требованиями.

Вопрос о назначении командующего округом решался около восьми месяцев. Это, по-видимому, тоже сказалось. Были допущены ошибки и при назначении временно исполняющих обязанности командиров бригад, полков и низших звеньев.

Сегодня мы внимательно проанализировали все эти причины, наметили конкретные мероприятия. Мы считаем, что есть реальные возможности в этом году изменить положение дел по воинской дисциплине в лучшую сторону.

— В Северо-Западном округе внутренних войск вы человек не новый, длительное время были начальником штаба округа. Скажите, пожалуйста, насколько в таком случае применима к вам поговорка «Новая метла по-новому метет»? Какие формы и методы работы вы взяли на вооружение от бывшего командующего, а что пытаетесь делать по-своему?

— С бывшим командующим войсками округа мы работали длительное время, многие формы и методы работы внедряли сообща. Все, что

приемлемо в нынешних условиях, мы используем и сегодня вместе с моими заместителями. Неплохо рекомендовали себя такие принципы работы, как коллегиальность в выработке решений, обсуждение их на военном совете и ответственность конкретных исполнителей за воплощение их в жизнь. Вместе с тем приходится и перестраиваться, искать новые, нестандартные формы. Особенно если это касается работы с людьми. В наше нестабильное время необходимо проявлять большее участие в их судьбах, в решении их проблем.

— С каким настроением вы смотрите в будущее? Вы считаете, что сможете вывести округ в передовые, или в нынешней ситуации главное — не ухудшить показатели?

— Главное для нас — быть готовыми выполнить поставленные перед нами задачи, предотвратить возможные потери людей, не уронить авторитет наших войск в глазах местного населения в пунктах постоянной дислокации. Все это будет способствовать тому, что по итогам года мы сможем оказаться хотя бы в числе середняков.

Вел беседу
подполковник Иван МУЧАК

ГРЯЗНЫЕ ЛУЖИ... на страницах «МК»

Я ветеран дивизии имени Дзержинского, впервые пересек ее КПП более сорока лет назад, в 1956 году. К тому времени за плечами уже был солидный стаж военной службы. Прошел войну, был тяжело ранен и контужен, награжден медалями «За отвагу» и дважды — «За боевые заслуги». Затем учеба в военном училище, служба во внутренних войсках в Германии. Но с таким высоким уровнем боевой подготовки, воинской дисциплины и уставного порядка, которые должны быть в идеале, я впервые столкнулся лишь в дивизии имени Дзержинского.

И вот теперь хочу через журнал, который мы, ветераны, любим и регулярно читаем, защитить честь родной дивизии. Взяться за перо и написать письмо в редакцию меня заставили злые публикации о внутренних войсках на страницах некоторых изданий. Особенно больно и обидно читать нам, ветеранам, заметки корреспондентов «Московского комсомольца», которые словно в соревнование вступили друг с другом — кто больше выльет грязи на головы солдат и офицеров Дзержинки.

Хочу со всей ответственностью заявить вам, господа журналисты, — большинство «жареных» фактов, которыми вы обильно сдобриваете вашу стряпню, высосано из пальца. А другие недостатки представлены так, будто в этом виноваты исключительно офицеры и солдаты дивизии. Обвинить вас в этом я имею все основания, потому что чуть ли не ежедневно бываю в дивизии, общаюсь с военнотружущими и ветеранами и, смею вас уверить, знаю о проблемах соединения не понаслышке. О чем же пишете вы? Давайте обратимся к вашим «шедеврам».

В газете «Московский комсомолец» от 17 декабря прошлого года была опубликована статья М. Грдневой и

С. Ларионова «Дикая дивизия. Солдат Дзержинки заставляют есть бутерброды с зубной пастой». Это ж надо додуматься — «бутерброды с зубной пастой!» Но не будем обращать внимания на этот досужий вымысел. Он недостойн того. Остановимся на том, как, по словам виртуозов пера, дивизию внезапно посетил министр внутренних дел С. Степашин. Оказывается, о его приезде никто ничего не знал. Командование отсутствовало, а дежурный офицер был пьян.

На кого рассчитаны эти строки? Кто им может поверить? Служившие в армии (да и не служившие) знают: обо всех «внезапных» приездах высокого начальства известно заранее. И готовятся к этому соответствующим образом. Так было и в тот раз. Для встречи министра, как того требует устав, был выстроен почетный караул. Все командование находилось у штаба, а о пьяном дежурном не могло быть и речи.

Что же касается недостатков, то они есть. И министр прямо на них указал. Но вопрос в другом: виновато ли командование дивизии, если на те скудные средства, что выделяет наше родное правительство, ни накормить вдоволь служивого, ни одеть-обуть его более-менее сносно при нынешней дороговизне нет никакой возможности. И что может сделать в сложившейся ситуации офицер, если государство от него, бездомного и безденежного, просто отвернулось. Решай, мол, свои проблемы сам. Так не лучше ли журналистам из «МК» обратить свои острые перья в другую сторону — выяснить, в чьи карманы утекают денежки бюджетников и почему широко разрекламированное очередное погашение всех долгов перед людьми в погонах на деле, мягко говоря, не соответствует истине? Но они вряд ли об этом напишут.

А вот дивизию досужие писаки

продолжают обливаться помоями с усердием, достойным иного применения. Через несколько дней (24 декабря) все в том же «МК» читаем очередную опус — «Не надо бояться человека с ружьем. Оно уже не стреляет». Автор статьи Ю. Калинина, прежде чем писать, удосужилась посетить дивизию. Откушав солдатского карча, который ей, между прочим, понравился, она и в этом усмотрела подвох. И на манер попугая из юмористической миниатюры в исполнении Геннадия Хазанова получилось: «Тиграм в клетки мяса недокладывают».

После обеда люди обычно добреют. Однако у журналистки неожиданно обострилось восприятие. Она вдруг заметила, что у двух встретившихся ей солдат на губах выскочила лихорадка, в одной из казарм забились канализация, а еще на ее пути попала... лужа. Из всего увиденного журналистка сделала сенсационный вывод — «ружье не стреляет», то бишь — ОДОН ни на что не способна.

Невольно напрашивается вопрос: зачем командованию войск приглашать таких журналистов? Они все равно не дадут объективной информации о существующих в войсках проблемах. Такой задачки хозяева им не ставят. Искать они всегда и везде будут «разлившиеся лужи» и зловонную грязь...

И вот еще о чем хотелось бы сказать. Мы, ветераны, регулярно собираемся, обсуждаем все наболевшие проблемы, встречаемся с солдатами и сержантами срочной службы, знаем, чем живут воины и в чем испытывают нужду, оказываем помощь командованию соединения в преодолении трудностей.

Уверен, если понадобится, ОДОН способна выполнить поставленную задачу. Что касается имеющихся недостатков, они будут устранены. В этом я не сомневаюсь.

Николай ЗИМИН,
майор в отставке,
ветеран Великой
Отечественной войны и
дивизии им. Ф. Дзержинского

Память

Гордятся земляком

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Пишет вам 8«А» класс. Мы получили ваше письмо и очень рады тому, что вы согласились с нами переписываться. Вы прислали нам очень интересный материал об Анатолии Ягодине. Некоторые из ребят не знали подробностей биографии нашего земляка, который учился в нашей школе. Теперь у нас есть и его книга «Если б выжить мне довелось...», и многие газетные и журнальные публикации, посвященные этому талантливому военному журналисту и поэту, погибшему на чеченской войне. Мы с огромным интересом прочитали его стихи.

Мы сходили к маме Анатолия. У нее как раз был и его младший брат Вадим Венедиктович. Они рассказали нам о детстве Анатолия, о тех

годах, когда он был нашим ровесником и учился в нашей школе. Мы сфотографировались на память с мамой и братом Анатолия Венедиктовича.

Высылаем вам фотографию нашего класса с учительницей истории Ириной Владимировной Кочетковой. На фотографии, кстати, есть и стенд, посвященный А.Ягодину. Вы нам писали, что собираетесь приехать в Ворсму. Всегда ждем. Нам очень хочется встретиться с боевыми друзьями нашего земляка, чтобы узнать о нем что-то новое. Если появятся еще какие-то материалы о его жизни и творчестве, пришлите нам, пожалуйста.

С уважением — 8«А» класс

*Нижегородская область,
Павловский район,
г. Ворсма, средняя школа № 2*

От редакции.

18 апреля — третья годовщина гибели на чеченской войне нашего боевого друга старшего лейтенанта Анатолия Венедиктовича Ягодина.

Теплее становится на душе, когда знаешь, что наш товарищ не забыт своими земляками. Скромные знаки памяти — стенд в родной школе, поздравления с Новым годом и 8 Марта его маме — эти свидетельства ребячьей доброты подтверждают простую истину: наш Анатолий свою короткую жизнь прожил не зря. Он оставил свой светлый след в родной Ворсме.

Это коротенькое письмо, присланное в редакцию восьмиклассницей Верой Галкиной, и любительская фотокартонка юных земляков Анатолия Ягодина как бы говорят: «Мы помним!»

По страницам Книги памяти

НЕ ПОСТУПИВШИ СЬ

ЧЕСТЬЮ

Декабрь в Чечне — месяц туманов, слякоти и особой промозглости, которая много повидавшим людям может напомнить, пожалуй, лишь одно место на карте страны — Питер в межсезонье. Только в закованной в гранит северной столице при всей сырости не найдешь столько грязи, сколько в зимней Ичкерии. Грязи не простой — особой, чеченской, склизкой, как размокшее мыло. Дурное время декабрь. Серо, сыро. Настроение ни к черту.

У капитана Жирова — в мирной жизни весельчака, балагура и оптимиста — в декабре 96-го было как раз такое настроение. Вернее, полное отсутствие оно-го. Ему, служившему в одной из частей Северо-Западного округа внутренних войск, эта мокрая небесная взвесь щемила сердце — погода, как в Питере, но там мир, домашнее тепло, там остались жена, дочурка...

Война заканчивалась, шел вывод войск. Полным ходом. Ежедневно по декабрьской грязи, по чеченским разбитым дорогам к границам республики двигались колонны наших войск. Особой радости не испытывал никто. Накопившаяся в людях усталость, горечь от вопроса «Ради чего два года гибли наши ребята?» и огромное нервное напряжение, которое, увы, не ослабло даже на четвертый месяц хасавюртовского мира, тяжелым камнем лежали на сердце офицера, впрочем, как и большинства служивых. А еще постоянное ощущение опасности — совместные комендантуры, патрули были слишком хрупкими, слишком неустойчивыми образованиями. Любая искра — и авто-

мат бородатого «коллеги» будет направлен в твою сторону. Все боялись провокаций. Бегство к миру было стремительным.

Почти каждый день в Чечне продолжали гибнуть российские военнослужащие. И это при том, что боевые действия официально считались законченными.

Жизнь капитана Геннадия Юрьевича Жирова была одной из последних, положенных на алтарь этого странного мира.

Из обстоятельств гибели (документ за подписью начальника штаба части полковника И. Плешакова):

«11 декабря 1996 года в 9 часов 30 минут колонна в составе 38 машин с имуществом части вышла из г. Гудермес (Чеченская республика) в н.п. Аксай (Республика Дагестан). При подходе к КПП № 5, находящемуся в 1,5 км от пункта временной дислокации, вышла из строя автомашина

КамАЗ. По решению старшего колонны она была оставлена на КПП. О происшедшем сообщили в часть. Колонну сопровождал капитан Жиров Г. Ю. с представителями чеченской комендатуры, которые довели колонну до границы с Дагестаном и затем вместе возвратились на попутной машине на КПП №5. Там уже находился другой автомобиль части — «Урал», в который были перегружены вещи из сломавшегося КамАЗа. Капитан Жиров Г. Ю. с представителями комендатуры пересели в «Урал» и выехали в н.п. Аксай.

В населенном пункте Герзель-аул автомашина была остановлена группой вооруженных боевиков в количестве 12-15 человек, которые потребовали сдать оружие и автомобиль. Капитан Жиров Г. Ю. отказался выполнить это требование и ответил, что машина принадлежит войсковой части и ее необходимо пропустить. Получив отказ, офицер

сделал предупредительный выстрел из автомата и тут же был расстрелян боевиками. Водитель машины рядовой К. Семенов вооружен не был, его вытащили из машины и тоже расстреляли в упор...»

В информационных сводках, прошедших в тот день по телеэкранам страны, о гибели двух российских военных было сказано мимоходом, как об очередном инциденте на «трудном пути к миру». На родных же Геннадия этот «инцидент» обрушился тяжким горем, похоронив надежду на встречу.

Под Питером в небольшом поселке Лебяжье папу ждала дочь, втайне надеясь, что Новый, 1997 год семья встретит в полном составе. Что в доме будет уютно, тепло, как и положено в новогоднюю ночь...

Некоторые трезвые головы, узнав обстоятельства гибели Геннадия Юрьевича, умно вопрошали: «Зачем полез на рожон?

Что хотел доказать? За что погиб? И так дело к концу шло, ну отдал бы автомат, машину, имущество — невелика потеря, тем более один против 15 человек. Глядишь, и отпустили бы с миром, жизнь бы себе сохранил и солдату. А так...»

«Как правило, мы всегда теряем лучших людей. Тех, у которых повышенное чувство ответственности, долга, чести» — это последние строчки из письма жены Геннадия Жирова. Это ответ тем трезвым головам, которые в любой ситуации знают, как вывернуться, сохранить свою жизнь. Сохранение чести и достоинства они в расчет не берут.

У капитана Жирова было не повышенное чувство чести, тут при всей правильности слов супруги, можно не согласиться с ней. У капитана Жирова было истинное чувство чести и долга. Оно не позволило ему встать на колени перед бандитами.

СМЕРТЬ ВЫБИРАЕТ ЛУЧШИХ

В 19 лет Максим Щукин потерял маму. Наталья Владимировна долго болела и, не выдержав борьбы с недугом, ушла... Дом словно опустел, душа, казалось, тоже. Кого любить теперь? О ком заботиться? Все время, пока мать боролась с хворью, сын жил надеждой на лучшее, на то, что мама выздоровеет, что снова в доме будет светло и радостно. Как прежде. Не сбылось...

Смерть бесконечно родного человека стала для жизнерадостного, удивительно веселого и компанейского парня тяжелым испытанием. Никак не вязалось горе с его характером, легким, контактным. Таким он был для всех, кто его знал. И люди плати-

ли ему тем же — любовью и пониманием.

Друзей у Макса всегда было много. Хотя настоящих, тех, за которых не думая отдал бы все, что имел, было двое — Роберт и Славка. Они-то и помогли другу пережить те страшные черные дни, потому что и в горе, и в радости всегда были вместе. Максима старались поддержать все, кто его знал, — и учителя колледжа, который он закончил, и 3-я бригада хлебокомбината, где он работал, и любимая девушка, с которой он познакомился там же.

Парень выстоял, не сломался. Может, только улыбка его стала чуть менее открытой.

А через две недели после похорон Макс был призван в армию. Оттуда Максим писал письма домой отцу и друзьям, но о его службе хотели знать все, с кем ему уда-

лось познакомиться до призыва, — за парня переживали и в бригаде, и в школе, и в колледже. Он же эти переживания старался непременно погасить — ну не умел он ныть и причитать по поводу трудностей.

С таким характером служить было легко. Появились новые друзья, ценящие юмор и открытость Макса. Так же легко, как сходилась с людьми, Максим закончил сержантскую «учебку», получив общую оценку «отлично».

А потом в родную Уфу пришло письмо, из которого отец, Василий Федорович, и друзья узнали, что Максима ждет Чечня. Сердца близких людей забились тревогой — только бы ничего с парнем не случилось!

Свое двадцатилетие сержант Щукин встретил 20 июня в районе боевых действий. Спустя неделю, 26 июня, он вошел в группу сопровождения колонны техники, совершающей марш по маршруту Беслан (Северная Осетия) — Урус-Мартан (Чеченская республика). Десант из 7 человек, среди которых был и Максим, находился во время движения на БТРе с бортовым номером 796. Он замыкал колонну, прикрывая технику от нападения с тыла. До границы с Чечней движение было спокойным. Но под станицей Ассиновская случилось то, чего не ожидал никто. Колонна полностью прошла мимо небольшой развилки, где проселочная дорога пересекалась с основной трассой. БТР немного отстал и, догоняя колонну, прибавил скорость. Внезапно по проселочной дороге наперерез боевой машине на огромной скорости понесся старенький «Беларусь» — кто бы мог подумать, что у задрипанного трактора, стоявшего неподалеку, вдруг проявится такая резвость! Вылетев на перекресток, подняв клубы пыли, он внезапно остановился в каких-то 20 метрах перед идущим на приличной скорости БТРом. Из

трактора выскочил человек и ментально пересел в стоявший неподалеку легковой автомобиль, который тут же, дав полный газ, стал удаляться по другой проселочной дороге.

Все произошло очень быстро — в несколько секунд. Водитель 796-го, вдруг увидев прямо перед собой вставший трактор, пытался остановить многотонную машину, но тщетно — БТР со всего хода протаранил «Беларусь» и, сойдя с шоссе, опрокинулся в кювет. Удар был очень сильный — от трактора остались одни железные лохмотья. Десант с брони слетел мгновенно. Двое из семи человек, сидевших на БТРе, попали под бронемашину. Одного — сержанта Опарина удалось выта-

щить. Второго — им оказался Максим Щукин — как ни старались ребята, вытащить не удалось. Тонны боевого железа давили на парня долго. Очень долго — 15 минут. Когда же другим подошедшим БТРам удалось снять с Максима смертельную тяжесть, жизнь уже покинула его.

Произошедшее не было случайностью. Акция была тщательно спланирована — бандиты придумали еще один способ борьбы с российскими военными, еще один способ убийства...

Материалы подготовили
майор
Сергей КОЛЕСНИКОВ,
старший лейтенант
Александр ЛЕБЕДЕВ

ЭКЗАМЕН ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ

*Пол под ногами твоими
не скрипнет,
С радостным лаем навстречу
не бросится пес.*

*«Славик, привет!» —
друг твой больше не крикнет.
Все ты с собою в могилу унес.*

Из стихотворения, посвященного
рядовому Вячеславу Брусову.

О службе в спецназе Вячеслав Брусов мечтал еще в школе. Наверное, поэтому все свободное время проводил в спортзале или на городском стадионе. Осваивал приемы борьбы, бокса, рукопашного боя. Когда пришла пора призыва, в военкомате попросил направить его в подразделение специального назначения. Юноше пошли навстречу. Так красивый и сильный паренек из уральского города Коркино оказался во внутренних войсках, стал бойцом отряда «Русь». И через полгода, как и сотни других братишек-спецназовцев, был направлен в район

боевых действий. Тогда оперативная обстановка в мятежной Чечне вновь резко обострилась. Для наведения порядка в район вооруженного конфликта был направлен спецназ внутренних войск — бойцы отрядов «Русь» и «Витязь». С тех пор командировки на войну для Славы Брусова стали регулярными...

Валерий Александрович Брусов, отдавший армии лучшие годы, прошедший Афганистан, пожалуй, лучше других знал, какой опасности подвергается младший сын в далекой и беспокойной Чечне. Вынужденный сменить армейский мундир на милицкий китель, занимая далеко не рядовую должность в город-

ском отделе внутренних дел, он, конечно, мог использовать свое служебное положение и связи и существенно облегчить нелегкую армейскую долю сына. Несмотря на бодрый тон сыновних писем, сердцем понимал, какая тяжелая фронтальная ноша свалилась на плечи его младшенького. Легких дней, как известно, на войне не бывает. Сам постиг эту истину в Афгане. Поэтому не раз отцу хотелось поднять трубку и позвонить людям, которые могли надолго задержать Славу на основной базе отряда за тысячу верст от стреляющей Чечни. Но Брусов-младший, узнав об этом, был категоричен: никаких вмешательств в его жизнь.

Что после таких слов оставалось делать отцу с матерью? Гася тревогу в сердце, терпеливо ждал весточек с Кавказа. Благо они приходили регулярно. Короткие, порой написанные спешно на борту вертолета или в бэтре. По ним Людмила Леонидовна и Валерий Александрович отслеживали солдатские будни Славы. А они для него и подчиненных подполковника Анатолия Голскокова были напряженными, как никогда: «русичи» не только охраняли командующего группировкой федеральных сил в Чечне и сопровождали высококих представителей чиновников, но и активно участвовали во многих боевых операциях. Что касается лично Вячеслава, то группа спецназа, где он служил, вместе с командиром старшим лейтенантом Валерием Чумаковым за время командировок исколесила почти всю Чечню. Изымала оружие и боеприпасы в Аргуне, Гудермесе, Самашках, Бамуте.

Заполняя наградные на отличившихся бойцов, офицер отмечал многих. В том числе и рядового Брусова. Как истинный фанат своего дела, в бою Слава действовал расчетливо и хладнокровно, никогда не терялся в сложных си-

туациях. Наверное, поэтому никогда не попадал впросак, а поставленные перед ним боевые задачи выполнял четко и уверенно.

К началу сентября чеченская командировка «русичей» превалила за восьмимесячную отметку. Слякотная весна, летняя жара, полившие осенью дожди не сломали боевого духа спецназовцев. Каждый из них был полон решимости покончить с боевиками раз и навсегда. Но дудаевцы упорно сопротивлялись, действовать стали еще наглее. Ночные рейды в тыл федеральных войск, об-

Слава Брусов с родителями

стрелы блокпостов, нападения на военнослужащих стали обыденным явлением. Ко всему прочему «духи» заметно активизировали минную войну.

В минуты затишья Слава часто вспоминал свою летнюю поездку домой. Отпуск ему предоставили в начале июня, и через несколько дней он уже был в родном городе.

На Урал в Коркино семья Брусовых переехала в 1989 году. Это был уже третий переезд за время службы Валерия Александровича. И последний, потому что семейные обстоятельства сложились так, что Брусов-старший вынужден был расстаться с военной службой. Через полгода семья справила новоселье, и вскоре Коркино стал для Славика и его

старшего брата Александра таким же любимым городом, как Козельск и Тейково, где прошли их детские годы. В Коркино Славик успешно закончил девять классов, затем поступил в училище железнодорожников и через три года получил специальность помощника машиниста электровоза. Учился он старательно, преподаватели настоятельно советовали ему поступать в институт. «Только после армии», — охотно соглашался он и все свои усилия сосредоточил на подготовке к военной службе, справедливо счита-

тая, что для юноши это самая надежная школа жизни. Занимался спортом, зимой любил ходить на лыжах, много и увлеченно дрессировал своего четвероногого друга — немецкую овчарку Зауэра.

Товарищи очень любили Славу, и когда он на следующий день после приезда домой появился на улице, сверстники окружили, засыпали вопросами о солдат-

ском быте, о войне на Кавказе. Но Слава был немногословен. Спецназ заметно изменил его. Он стал строже относиться к себе, своим словам и поступкам. И все свободное время старался проводить с родными и близкими.

— По вечерам Славик любил заходить на кухню, — вспоминает Людмила Леонидовна. — Сядет на диван и наблюдает, как я вожусь у плиты. В отпуске он ел удивительно мало, чем очень обижал меня. Зато очень любил пить со мной чай. За разговорами не замечали, как летело время.

Отпуск пролетел как один день. 25 июня Славик уехал обратно в часть. Он долго стоял в вагоне у открытого окна и, про-

Материнское горе не избыть, не измерить...

цаясь с родными, махал рукой, пока поезд не скрылся из виду.

И вновь из Чечни пошли в Коркино письма. В одном из них Брусов-младший прислал фотографию, как потом оказалось, последнюю. Объектив запечатлел его с товарищем возле вертолета с «калашниковым» в руках. Спецназовцы спешили на очередную операцию и перед посадкой на борт сфотографировались на память. А он писал родителям, что в боях не участвует, все время занимается боевой учебой, готовится к экзамену на право ношения крапового берета, отвлекал родителей от тяжелых дум лирическими рассказами о красоте здешней природы.

«На календаре сентябрь, а стоит жара. У нас такой даже летом не бывает. Солнце светит так ярко, что смотреть на него можно только прищурившись. Зато ночи здесь прохладные. Темнеет и светает мгновенно. У нас дома небо прозрачное, а здесь оно как будто в дымке, даже когда на нем нет облаков. Сижу сейчас на солнышке и смотрю на горы. На их вершинах лежит снег. Странно.

Вроде бы и жара, а он лежит и не тает. У меня все отлично, здоровье отличное, настроение прекрасное, но домой все равно тянет. Чем меньше остается служить, тем больше хочется в Коркино. Всем огромный привет с юга России. Я вас всех помню, скучаю, жду с нетерпением писем. Слава».

Но вернуться домой в краповый берет Славе не довелось. Ранним утром следующего дня спецназовцы выехали на очередную боевую операцию. Для рядового Вячеслава Брусова она стала последней. Четырнадцать часов тяжело раненный Слава боролся со смертью, но все попытки врачей спасти его жизнь оказались тщетными...

В город Коркино «черный тюльпан» доставил цинковый гроб с телом Вячеслава 22 сентября. Людмила Леонидовна, увидев через окошко в металле мертвое лицо сына, зашлась в безудержном плаче. Обряжая Вячеслава в последний путь, в кармане его выжженной солнцем полевой куртки нашли письмо. То самое, что он написал перед выездом на

боевое задание и не успел отправить.

Хоронить Вячеслава пришли многие горожане. В стотысячном Коркино не привыкли к «грузу 200». Для его жителей война казалась чем-то далеким, незнакомым и страшным. Наверное, поэтому смерть Славы потрясла многих его земляков. Гроб с его телом несли на руках через весь город. Людмила Леонидовна только на третий день поняла, что произошло с ее сыном. До этого материнское сердце отказывалось верить в его гибель.

Сослуживцы Вячеслава, приехавшие на похороны боевого друга, привезли с собой краповый берет. Вячеслав Брусов всегда мечтал о нем, по праву считал себя достойным святыни спецназовца. И получил его посмертно. Так единодушно решили сослуживцы, отмечая боевые заслуги отважного парня. Сейчас краповый берет бережно хранят его родители. Вместе с орденом Мужества, которым Вячеслав Брусов был награжден посмертно.

Владимир НИКОЛЬСКИЙ

Учись до боя...

ДЛЯ СПЕЦВЗВОДА НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ

Боевая тревога — в городе ору-
дуют террористы. Захвачен
автобус с пассажирами. Жизнь зал-
ожников висит не волоске. Пре-
ступники не намерены блефовать.
Потерпев неудачу при попытке
скрытного проникновения на пред-
приятие оборонного комплекса, они
требуют астрономическую сумму в
баксах и «вертушку» — другой воз-
можности безнаказанно скрыться у
бандитов нет.

На перекрестке дороге перегора-
живает грузовик, свернувший со
встречной полосы. Почуввав нелад-
ное, преступники занервничали,
взяли под прицел пассажиров. Но
учинить расправу не успели. Из-
под тента машины выскакивают
крепкие парни в камуфляже. По
трапам, высадив стекла, шквалом
влетают в салон... Через несколько
секунд оба террориста с заломлен-
ными назад руками выходят из ав-
тобуса. Под шквал аплодисмен-
тов...

Но пора раскрыть карты. Этот

теракт никакой опасности не пред-
ставлял. Да и теракта как такового
не было. На телеэкране — видеоза-
пись показательных занятий, проведен-
ных подразделением спецназа вну-
тренних войск в День города.

— Хотите наяву посмотреть, как
воюют наши «спецы»? — выключив
телевизор, спросил заместитель ко-
мандира полка по работе с личным
составом. — Есть такая возмож-
ность. Сегодня у спецвзвода трени-
ровка на учебном объекте.

Вместо ответа кладу в карман
куртки фотоаппарат.

— Тогда не будем терять време-
ни.

...Заболоченный участок у лесо-
посадки, густо поросший травой и
камышом, они преодолели стреми-
тельно, на одном дыхании. Как буд-
то под ногами была не липкая, чав-
кающая грязь, а утрамбованная ка-
менистая твердь. Их лица в боевой
раскраске из «подножного матери-
ала» дышали таким неподдельным
азартом, что мне, наблюдавшему с

бережка за движением штурмовой
группы, невольно захотелось взять
в руки автомат и шагнуть в камы-
шовые заросли. А затем тряхнуть
старинной — вместе с этими парня-
ми рвануться к объекту атаки... К
счастью, мое желание тут же пога-
сил своевременно всплывший в па-
мяти афоризм преподавателя кафе-
дры физподготовки родного учили-
ща: «Все люди делятся на две кате-
гории — тренированные и нетрени-
рованные».

Судя по всему, солдатиков во
взводе тренируют что надо, подум-
ал я, когда спецназовцы вышли из
воды и по знаку командира так же
бесшумно, быстрыми рывками-
промельками стали приближаться
к невзрачному зданию с облуплен-
ными стенами. Здесь укрылись
«террористы», захватившие «залож-
ника». По сценарию занятия «зло-
умышленники» предполагают, что
болото обеспечивает им один безо-
пасный фланг. Нашим же только
того и надобно. Промокли до пояса,

зато — как снег на голову... Впрочем, и в реальной обстановке наличие естественных преград перенацеливает внимание противника на более доступные участки местности, откуда логичнее ждать атаки. Так что все по жизни.

Стараясь не мешать бойцам, занимаю удобную позицию для фотосъемки. Заранее прикидываю, кого из парней держать под прицелом «мыльницы», чтобы в кульминационный момент не смазать резкость.

Решено, веду плечистого сержанта «краповика», с которым успел познакомиться накануне занятия. Это Ирик Гилязов — лучший «спец» из числа воинов срочной службы. Командир взвода старший лейтенант Николай Козлов с гордостью за подчиненного сказал: «При сдаче экзамена на берет наш Ирик в спарринге отправил в нокаунд матерого инструктора». Да и самому мне бросилась в глаза спецназовская грация и ловкость сержанта.

Приготовиться...

Штурм! Раз — живой трамплин под левым окном, деревянный трап — на соседнем подоконнике, два — Гилязов внутри здания, три — один из «преступников» обезврежен. Все произошло настолько быстро, что я не успел поймать штурмующих в видоискатель.

Повтор — результат аналогичный.

— В боевой ситуации угождать корреспонденту никто не станет, пошлют подальше, — вполголоса иронизирую над своей нерасторопностью.

— И долбить по нам будут не парашку, — обронил в ответ кто-то из парней. Нет, послышалось. Это меня внутренний голос достает. Почаще, мол, работай с фотоаппаратом на тактических занятиях «беретов». Дабы не промазать, нажимая на спусковую кнопку затвора под аккомпанемент очередей и взрывов в решающий миг спецоперации или масштабных учений, если, конечно, предоставится такая возможность.

К слову, много бы дал за то, чтобы побывать на учениях в этом полку внутренних войск. Под его охраной — завод Минатома, работаю-

щий на оборону страны, и город, опоясанный КСП и проволочным ограждением. Режим службы караулов, система подготовки оперативного батальона и взвода спецназа подчинены здесь предельно жестким требованиям: не допустить проникновения на закрытую территорию посторонних лиц, а появляться непрошенные гости с преступными намерениями — крепко наказывать экстремистов. Пока Бог миловал от таких напастей. Но кто даст гарантию, учитывая суровые реалии нынешнего времени, что какие-нибудь отморозки «волчьей» масти в один прекрасный день не заявят о себе в полный голос, попытавшись прорваться на ядерно-опасный объект? Вот почему учебные операции антитеррористических сил проводятся в условиях, приближенных к боевым. Как я узнал, после такого учения, оцененного на «хорошо» представителем штаба дивизии, в части родилась строевая песня с куплетом про лихой спецназ, который «круче вашего в сто раз». Правда, крутых эпитетов взвод удостоен авансом — для укрепления морального духа воинов, осваивающих науку побеждать в спецназовской школе. По большому счету расти им еще и расти. Сознывая это, «краповики», понюхавшие пороку в горячих точках, не позволяют молодым бойцам задирать нос, нацеливают их только на отличные результаты.

Есть у них еще один стимул, побуждающий идти дальше, добиваться большего. Раньше, когда во внутренних войсках приоритетная роль отводилась конвою, военнослужащих соединений и частей по охране важных государственных объектов причисляли к войсковой элите, именовали «спецами». Да и сейчас по старой традиции используется в обиходе это неофициальное название, напоминающее об ответственности и профессиональной гордости стражей ВГО. То есть по всем статьям у взвода старшего лейтенанта Козлова — два «спецовских» корня. А коль так, ратная выучка, боевые качества спецназовцев, выражаясь языком математики, должны быть возведены в квад-

рат. Все ж таки не свечной заводик от недругов оберегают...

Наблюдая за работой штурмовиков, мысленно увидел их в другой обстановке и, подключив воображение, стал закручивать пружину горячего сюжета. Вместо одноэтажного домишка — производственный корпус завода. Ситуация хуже некуда. Террористы намереваются устроить большой шум на объекте. Из окон лупят снайперы, контролируя подступы к зданию. Как просочились они через многочисленные заслоны — отдельный вопрос. Сейчас важно другое — как нейтрализовать преступников и завершить операцию без потерь. Справятся бойцы с их нынешним уровнем подготовки?

Дорисовать картину схватки, ориентируясь на действия солдат под прицелом фотоаппарата, не успел. Взглянув на часы, руководитель занятия дает отбой. Подведение итогов: взыскательный анализ тактических ошибок. В реальной обстановке, под пулями, из пятиерых атакующих двое наверняка были бы сражены очередями — подставились. Ловчее надо маневрировать, парни. Прикрывающие, синхроннее вести огонь, страхуя прорыв в здании. Штурмовики, не отставать от сержанта.

Опытный профессионал контртеррора наверняка увидел бы и другие просчеты. Ну да не беда. Не ошибается тот, кто не работает. А в спецназе, как известно, лентяев не держат. Тем паче — в «спецовском». Поэтому можно быть уверенным: поработав над ошибками, воины сумеют упредить противника. И условного — на учениях, и настоящей — в боевой операции.

Покидая импровизированный полигон, солдаты подставляют покрытые капельками пота лица ласковым солнечным лучам, стирают со щек макияж из болотной грязи. У всех приподнятое, мажорное настроение. Хотя и были допущены некоторые огрехи, в целом неплохо потрудились, шлифуя боевое мастерство в учебных атаках. Опять же аппетит нагуляли, вволю побегав на свежем воздухе, а тут и час обеда

СЛУЖБА

подошел; затем долгожданный перекур (у большинства — бездымный: нагрузочки неслабые), и снова — занятия и тренировки по распорядку дня спецназа...

— Распорядок у нас строгий, — отправив бойцов в столовую, посвящает меня в дела подразделения

вича Лысюка, прапорщики Валентин Шамаков и Алексей Яковлев, сержант Ирик Гилязов, младший сержант-контрактник Владимир Титов, ранее служивший в отряде «Росич». Эти пятеро — «краповики», на них равняется молодежь. К боевому ядру подразделения причис-

ного времени, как принято у «витязей». В таком режиме и пошла у нас работа. Через год держали серьезный экзамен на учениях. Результаты порадовали: четверка для начала совсем неплохо. Теперь стараемся повыше поднимать планку. Ведь у молодых есть хороший образец для подражания — действия подготовленных бойцов.

— А бывалым воинам наверняка есть о чем вспомнить, — намеком подвожу моих собеседников к теме: история взвода в боевых примерах.

Не ошибся. По-военному лаконичные рассказы офицера и прапорщиков о запомнившихся эпизодах служебно-боевой деятельности убеждают: в истории подразделения, пока еще небогатой, достаточно ярких страниц, показывающих, как растет «спецовский» спецназ.

Этот самый взвод

старший лейтенант Козлов. — Ежедневно проводятся занятия по специальной, боевой, физической подготовке. Отрабатываем задачи по пресечению диверсионных актов, освобождению заложников в зданиях и транспортных средствах. В ходе учений решаем практические вопросы организации взаимодействия с сотрудниками ФСБ, милиции, ОМОНа. Раз в неделю — боевые стрельбы, выполняем наши спецупражнения. Плюс высотная подготовка. Тренируемся на территории военного городка расформированной армейской части и в учебном городке пожарной охраны. Все бойцы работают с огромным желанием, гордятся тем, что повезло служить в «спецовском» спецназе. Коллектив очень дружный, сплоченный. Между солдатами срочной службы и контрактниками установились товарищеские отношения. Старшие во всем помогают младшим, охотно делятся опытом. Моя опора — замкомвзвода прапорщик Андрей Новоселов — бывший «витязь», выученик Сергея Ивано-

вича также младшего сержанта-контрактника Вячеслава Аппакова, ефрейторов Эльвира Альмухаметова, Руслана Давлетгильдина и Рафиса Хисамутдинова.

— Это сейчас мы более-менее твердо стоим на ногах. А в 95-м году, когда формировался взвод, начинали фактически с нуля, не имея ни учебной базы, ни подготовленных бойцов, — дополняет рассказ командира Андрей Новоселов. — Все делали сами. Своими руками оборудовали спортзал, закупили высотное снаряжение, боксерские груши, мешки, лапы (с финансами администрации города, спасибо). Укомплектовали подразделение крепкими спортивными ребятами. Но все же трудностей в обучении на первых порах хватало. Понятно, молодому коллективу, где нет опытных солдат-спецназовцев, взять разбег не так-то просто. И тут важно было по-боевому настроить парней, помочь им поверить в свои силы и возможности. Способ один — пахать от зари до зари, интенсивно использовать каждую минуту учеб-

...Включив диктофон, снова будто наяву вижу горячую картину, которую представил во время занятия на учебном объекте. В реальности, конечно, ситуация маловероятная. Какие бы уловки ни использовали злоумышленники, вряд ли им удастся проникнуть на промплощадку или в производственный корпус надежно охраняемого завода. А вот готовиться даже к самому неожиданному развитию событий надо настоящим образом. Как говорят в народе, чем черт не шутит...

Итак, кульминационный момент учений. Силами оперативного батальона «преступники» блокированы. Принято решение: штурмовым группам во главе с прапорщиками Шамаковым и Новоселовым неожиданно ворваться в здание и захватить «террористов».

«К бою!»

Применив дымовые гранаты, атакующие приблизились к объекту и после подрыва двери молниеносным броском проникли в помещение. «Террористы», не ожидавшие стремительного натиска, были обезврежены в считанные секунды.

Хорошую оценку получил взвод и по результатам учебной операции, проведенной совместно с бойцами ОМОНа. Штурмуя городской банк, захваченный вооруженными

«преступниками», работали по-спецназовски решительно и жестко. «Бандиты» сдались без боя.

— Из этого учения почерпнули много полезного для себя, — рассказывает старший лейтенант Козлов. — Взяли на вооружение несколько тактических приемов омоновцев. У них снайперы выполняют роль разведчиков, тесно взаимодействуют с группами захвата. А у штурмовиков великолепные навыки действий в условиях города. Теперь на своих занятиях используем способы маскировки и прикryтия, которые показали нам милицйские коллеги. Наряду с этим боль-

шое внимание уделяем подготовке спецназовцев к проведению разведывательно-поисковых операций в лесистой местности. Здесь большую помощь оказывает младший сержант Титов, воевавший в Чечне. Его опыт здорово пригодился, когда мы решили сделать сюрприз оперативному батальону — при проведении тактических занятий захватить головной разведдозор и доставить языков в расположение полка. Группы прапорщиков Новоселова, Шамакова и Яковлева устроили засаду на лесной просеке, по которой совершала марш пешая колонна. Несмотря на то, что дозорные не ве-

вали, вели наблюдение, своевременно обнаружить капкан им не удалось. Наши бойцы обезоружили и скрутили четверых солдат в мгновение ока. Затем быстренько вытащили «пленных» на трассу, там тормознули автобус, в двух словах объяснили водителю ситуацию (действуя на территории, контролируемой противником, с шофёром, конечно, не церемонились бы) и привезли языков в часть. Короче, замысел удался на все сто.

Мысленно аплодируя «спецам», записываю еще одну историю. На сей раз обстановка не учебная. Самая что ни на есть боевая.

А случилось вот что. Из армейской части ушел вооруженный солдат. На дороге захватил «Волгу», взял в заложники хозяина машины и, угрожая автоматом, приказал ехать в сторону леса. Но преступнику не повезло, его заметили на посту ГАИ. Таким образом, было четко определено направление поиска. Поднятый по тревоге взвод спецназа на санитарном «уазике» стал преследовать дезертира. Заехав в лес, бойцы увидели стоящую на обочине легковушку, а чуть поодаль — беглеца, державшего под прицелом заложника. Преступник догадался, что «таблетка» — по его душу. Открыл огонь. Спецназовцы быстро спешились и начали окружать озверевшего подонка. К счастью, заложник оказался не промах. Улучив момент, навалился на стреляющего преступника, прижал к земле автомат. Тут и «спецы» подоспели. Ирик Гилязов вырвал из рук дезертира ствол...

Пока беседовали в канцелярии, небо заволочло густыми тучами, по стеклам заструились первые капли дождя.

— Похоже, ливень начинается. А у вас, наверное, после обеда занятия, — посочувствовал я.

— Тем лучше, что дождь, — улыбнулся Николай Козлов. — Для спецвзвода нет плохой погоды. Верно я говорю, мужики?

**Полковник
Юрий КИСЛЫЙ**
Фото автора

Уральский округ
внутренних войск

РЕЗИНОВЫЕ ДУБИНКИ

для работников
охраненных предприятий
и органов внутренних дел

Товар сертифицирован

Производитель резиновых дубинок
ООО "ШИННИК"

109088, г. Москва,
ул. Шарикоподшипниковская, д 11
Тел. (095) 279-90-11

Опытно-конструкторские работы

НАША БРОНЯ КРЕПКА!

Как и предполагали в редакции, статья «Броня крепка?», опубликованная в №10 журнала за 1998 год, вызвала большой интерес у читателей. Откликаясь на их пожелания, публикуем в продолжение этой статьи материал с ответами на ряд вопросов военнослужащих внутренних войск и сотрудников правоохранительных органов, которым часто приходится надевать броню.

В статье «Броня крепка?» прозвучала убедительная критика современных средств индивидуальной защиты. Читатели спрашивают: «Какие требования к «броню» авторы считают обоснованными и что они могут улучшить?» Отвечая на этот вопрос, считаем необходимым подчеркнуть: мы не проводим самостоятельные исследования по комплексу требований к экипировке солдата. Но такие исследования проведены соответствующими институтами Министерства обороны, их выводы и рекомендации, на наш взгляд, выглядят весьма убедительно и понятны любому профессионалу.

Полная экипировка солдата не должна превышать 1/3 его собственного веса. В противном случае резко увеличивается утомляемость, снижается эффективность действий. Получается, что вес экипировки среднего статистического бойца должен быть не более 25 кг. Если из этого веса вычесть суммарный вес оружия, боезапаса, одежды и других носимых предметов, то на «броню» остается не более 8 кг. Из них 1 кг на шлем, остальное — на бронезилет.

При этом огромное значение имеет удобство ношения и другие эргономические показатели конструкции. Перечислим лишь основные факторы, которые влияют на самочувствие бойца: температура воздуха (от —20 до +40 градусов), относительная влажность (от 30 до 90 процентов), скорость ветра (в подавляющем большинстве случаев от 0 до 10 м/сек), скорость пешего передвижения (до 6 км/час), общий переносимый вес (до 45 кг). Все эти воздействующие факторы, в конечном итоге, приводят к увеличению частоты сердечных сокращений и повышению температуры тела человека. Как показывают проведенные исследования, улучшение эргономических характеристик экипировки может на 15 — 20 процентов уменьшить нагрузку по сравнению с неудобным изделием. Повышение требований к защитным характеристикам современной экипировки привело к увеличению ее веса и площади. В летнее время это способствует перегреву организма, большому потоотделению без отвода жидкости (естественного испарения). В холодное время нахождение в мокрой одежде после физической нагрузки еще более дискомфортно и опасно для здоровья. Поэтому в конструкции новой экипировки, включающей бронезилет, мы примем соответствующие меры к недопущению перегрева и его последствий за счет естественной (а возможно, и принудительной) вентиляции и сбора потовыделений.

Каждый, кто носил рюкзак, знает, что при одинаковой массе груза огромное значение имеет расположение его центра тяжести. Чем он ближе к естественному для человека, тем удобнее носить груз. С учетом этой за-

кономерности мы хотим объединить в единое целое бронезилет и разгрузочный жилет. Такое совмещение уменьшит суммарный вес экипировки и улучшит защиту.

Одним из важных факторов удобства снаряжения является его правильная подгонка, при которой независимо от физической нагрузки не стесняется дыхание. С одной стороны, человека нельзя затягивать в плотно облегающий тело панцирь. С другой стороны, ни один из носимых предметов не должен болтаться, иначе много сил уйдет на гашение колебаний, можно заработать потертости и набить мозоли. Это еще одна проблема, которую надо решать, обобщив имеющийся опыт, опробовав с помощью специалистов, побывавших в боевых ситуациях, несколько вариантов конструкции. Эту задачу планируем решить в течение ближайших месяцев.

Известно, что удобство — понятие субъективное. Сколько людей, столько и мнений. Но основные положения о том, что должен представлять из себя бронезилет с точки зрения потребителя, мы намерены получить путем опроса бойцов и офицеров внутренних войск, которым довелось воевать в Чечне и других горячих точках. Конечно, невозможно изготовить идеальное изделие. Для «брони» — это всегда компромисс между защитой и удобством, защитой и весом, защитой и оружием нападения, которое есть у противника. Но у любого (не только военного) высококачественного изделия есть одна закономерность. Всегда хорошим или удовлетворительным признается тот образец, у которого из всего многообразия желаемых параметров хотя бы один, а в идеале три достигают максимально возможного уровня. Мы считаем, что для бронезилета максимально возможными должны быть такие параметры, как защитные свойства и удобство ношения. Приемлемым должен быть вес. Может быть, больше 7 кг, но не намного. Возможно, придется варьировать

площадь защиты для обеспечения нормального веса, а также для удобства передвижения, ведения стрельбы и других действий.

Если поставить задачу создания «брони», удовлетворительной по всем параметрам в отдельности, но не имеющей ничего высококачественного, то получится изделие средних потребительских свойств, которых у нас много. Что-то у одних лучше, что-то у других, а в целом все одинаковы, и нельзя отдать предпочтение какому-то одному. Поэтому вопрос: «Какого класса защиты должен быть современный бронезилет и какие части тела и от чего защищать?» — адресуем читателям. Могут быть различные мнения. Мы выскажем свое. Насколько оно верно — судить вам.

Во всех странах приняты свои нормы на защитные свойства бронезилета. В основу всех стандартов положен принцип обеспечения защиты от оружия, стреляющего определенной пулей, летящей с определенной скоростью. Большое многообразие оружия, и еще большее — пуль привело к тому, что эти стандарты, а соответственно бронезилеты, несопоставимы между собой, и номенклатура их огромна. Мы считаем, что степень защиты должна зависеть только от назначения изделия, т.е. ситуации, в которой «броня» может оказаться полезной. К таким ситуациям мы относим два случая: применение короткоствольного и холодного оружия; применение любого оружия. Первая ситуация характерна для оперативных работников, охраны внутри зданий. Вторая — для групп захвата и подразделений, предназначенных для ведения общевойскового боя.

Таким образом, должно быть всего два класса защиты: один — от любых пистолетов и пистолетов-пулеметов (соответствует 2-му классу защиты по ГОСТ Р 50744-95 г.); другой — от всего стрелкового оружия вплоть до снайперской винтовки (соответствует 6-му классу защиты того же ГОСТа). Все то, что находится между этими степенями защиты, надумано, не подходит под типичные ситуации, а потому не нужно.

В соответствии с выделенными нами классами защиты первый бронезилет

должен быть мягким скрытого ношения, а второй — жестким открытого ношения, так как в общевойсковом бою маскировать «броню» нет необходимости. При этом площадь защиты жесткого жилета будет зависеть от функций бойца, выполняющего в нем боевое задание.

Теперь обратимся к самым актуальным вопросам тех, кто носит «броню»: «А сколько это будет весить?», и тех, кто отвечает за ее приобретение: «Сколько это будет стоить?».

Мягкий бронезилет скрытого ношения при обеспечении круговой защиты будет весить не более 2,5—3 кг. Безусловно, по стоимости он перетянет как «броню», состоящую из нагрудной и спинной стальных пластин в капрановом чехле и защищающую только от ПМ, так и мягкий бронези-

Средние слои мягкого бронепакета (тыльные слои сняты) с пистолетной пулей ТТ, частично развернутой боком

лет, состоящий из 20 слоев арамидной ткани и обеспечивающий круговую защиту от ПМ и мелких осколков. Но шанс остаться живым и не получить травму, которая приведет к инвалидности после попадания из «парабеллума», «узи», «магнума» или ТТ, вполне оправдывает расходы на приобретение более дорогих доспехов.

Жесткий бронезилет отличается от мягкого установкой дополнительных элементов на грудь и спину. Конструктивно эти элементы состоят из

стальных пластин и специального слоя, разворачивающего пулю боком. Наличие разворачивающего слоя позволяет достигнуть требуемого класса защиты (6-го) при том же количестве слоев арамидной ткани, что и в мягком бронезилете. Тут следует напомнить, что определяющими факторами стоимости жесткой «брони» будет количество слоев арамидной ткани (или же общее количество арамидной ткани в квадратных метрах), а веса — конфигурация и толщина стальных элементов и специального слоя.

Разумеется, наша главная задача — добиться, чтобы вес жесткого бронезилета требуемого класса защиты не превышал 7 кг. В этом плане мы достигли значительных успехов и уже близки к намеченному рубежу. Оценивая возможную стоимость жестких бронезилетов, следует отметить, что цена восьмикилограммового бронезилета с керамическими пластинами 6-го класса защиты доходит до 1500—1800 \$. А если цена нашего изделия, да еще с разгрузкой будет в 1,5—2 раза меньше, чем керамического, то это дешево или дорого? Вопрос риторический.

И последнее: когда все это появится на вооружении? Мы надеемся, что к середине 1999 года изделия будут сертифицированы во внутренних войсках и в конце 1999 года начнется их серийный выпуск с использованием только отечественных высокоэффективных арамидных тканей. Но сотрудники нашего технического центра занимаются не только бронезилетами. Мы будем работать над применением новых принципов построения бронепакетов для шлема, противоминной одежды и обуви, легкобронированной техники и т.п.

Пока в России и за ее пределами стреляют, наши знания и опыт будут нужны.

Виктор СИТУХА,
генеральный директор
Технического центра
специальных технологий,
Валерий ЛЬВОВ,
главный инженер ТЦСТ,
Виктор ФЕДОРОВ,
главный конструктор ТЦСТ

Фото Виктора ФЕДОРОВА

УКРОТИТЕЛИ
ОТЖИЯ

Торьковское шоссе — одна из самых оживленных магистралей Подмосквья. Недалеко от трассы расположены дачные поселки и небольшие деревушки. Здесь множество деревянных строений, которые создают массу проблем для пожарных подразделений. Особенно в летнее время часто случаются возгорания. Вот тогда-то на помощь пострадавшим приходят люди в комбинезонах и касках с брандспойтами в руках. Они бесстрашно ведут борьбу с «красным петухом», спасая зачастую человеческие жизни. При этом рискуют своими.

В одной из воинских частей, дислоцированной в Реутово, побывали наши корреспонденты, где познакомились с личным составом пожарного караула, возглавляемого младшим сержантом Сергеем Селивановым. Его помощники сержанты Николай Гарчиков и Сергей Корольков рассказали журналистам о том, как они действуют в экстремальных ситуациях. Показали свои способности на деле.

Этих молодых парней, призванных из разных уголков необъятной России, объединила профессия пожарного. Надо было видеть, с каким уважением и любовью военнослужащие относятся к закрепленной за ними технике и вооружению! Автомобили всегда находятся в постоянной боевой готовности. В любую минуту к старшему телефонисту рядовому Евгению Поздину может поступить сигнал тревоги. И тогда бойцы расчета рядовые Николай Шилов и Сергей Шелохвостов, Виталий Медведев и Алексей Зеленов, Сергей Тараканов и Гусейн Багандов, Сергей Бакчин и Александр Никаноров, экипировавшись в считанные секунды, помчатся туда, где вновь бушует пламя.

Особой чести здесь удостоены военные водители ефрейторы Константин Пятницкий и Алексей Рыжков. При нынешнем дефиците запасных частей и горючего они все равно справляются с поставленными задачами и по первому зову ведут красные машины спасать попавших в беду людей.

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

В зоне особого внимания

ЗАСТАВА у Терека

От полноводного Терека до заставы, которой командует старший лейтенант Юрий Войтенко, около пятисот метров. Это если по прямой, через холмистое с редкими деревьями поле. Мы же на стареньком автобусе, который постоянно буксовал на размытой дождем проселочной дороге, от близлежащей станции добирались сюда почти полтора часа. Когда-то здесь располагался животноводческий комплекс, а теперь егоцелевшие строения стали основной базой войсковой заставы, прикрывающей участок административной границы между мятежной Чечней и Ставропольским краем. Окруженная со всех сторон рядами колючей проволоки и длинными окопами с многочисленными ходами сообщения и дотами в местах возможного прорыва чеченских боевиков, застава живет своей особой, тревожной жизнью.

— **С**той, кто идет? — Грозный окрик часового заставил замедлить шаг.

— Начальник караула с проверяющим, — ответил шедший рядом лейтенант Юрий Шадрин. Командир заставы был болен, и этот офицер сам вызвался сопровождать меня.

— Начальник ко мне, остальные на месте, — приказал стоявший на вышке воин.

Осторожно ступая по мокрым и скользким ступенькам, офицер поднялся на пост. Убедившись, что перед ним начкар, часовой разрешил подняться на вышку и мне.

Знакомимся. Рядовой Степан Симонян. Призван из города Армавира, в войсках служит больше года. Старожил заставы. Для него это уже третья командировка в северо-кавказский регион, сюда, на границу с Чечней. Не многовато?

— Ну что вы, товарищ подполковник, — говорит Степан. — У нас во взводе есть ребята, которые провели в здешних краях больше половины своей службы. Добровольно, конечно. Жили в палатках. Ночью службу несли, а днем оборудовали позиции заставы. Мы, можно сказать, пришли уже на все готовое. Спим в теплых помещениях, кормят нас нормально. Посты, сами видите, оборудованы надежно. В случае чего есть где укрыться. И от автомата, и от гранатомета.

И действительно. Наблюдательный пункт на крыше здания, где нес службу рядовой Степан Симонян, надежно страховали мешки с песком, тщательно уложенные друг к другу и спрятанные за толстым срубом из бревен и железобетона. Узкие бойницы,

укрывая воина от посторонних глаз, позволяли ему внимательно наблюдать за всеми, кто появлялся возле заставы.

— Личный состав караула и приданная ему маневренная группа находятся в постоянной боевой готовности, — говорит лейтенант Юрий Шадрин. — Впрочем, можете убедиться в этом сами. Видите, на дороге показался непрошенный гость. — Офицер показал рукой на появившуюся вдали грузовую машину.

Взревев мотором, стоявшая возле караульного помещения «бэмпэшка» рванула с места и, разбрасывая комки грязи, удивительно легко вползла в открытый возле ворот КПП широкий окоп. Башня медленно развернулась, и ствол пушки грозно уставился на медленно ползущий по грязи грузовик.

— На подготовку БМП к бою экипажу дается три минуты, — заметил начкар. — Поэтому бойцы не покидают ее в течение всех суток.

Выскочившие из помещения часовые спешно заняли позиции в окопах.

Но тревога оказалась ложной. Натужно гудя мотором, ЗИЛ свернул на другую дорогу, ведущую к видневшимся за голыми деревьями домам станции.

— Всем отбой! — передал по радиации лейтенант Шадрин, и через

минуту окопы обезлюдели, а БМП вновь заняла свое исходное место.

— А если бы машина свернула к заставе? — спросил я у лейтенанта.

— Тогда имеем полное право задержать ее. А в случае невыполнения наших требований... В общем, сами понимаете. Для упрямых и любопытных специально надпись покрупнее сделали, — и Юрий указал на глухую стену здания, где во всю его длину чернели слова грозного предупреждения: «Стоять! Запретная зона. Стреляют!»

— И часто приходится применять оружие? — интересуюсь я у лейтенанта Шадрина.

— Слава Богу, нет. Обстановка сейчас на границе достаточно стабильная. Чечены на той стороне иногда постреливают. Особенно когда празднуют что-то. Но мы к этому относимся с должным пониманием.

Юрий — выпускник Владикавказского командного училища внутренних войск. Закончил его в 1996 году и с тех пор служит в Северо-Кавказском округе. Вместе с бойцами своего взвода в служебные командировки для прикрытия границы с Чечней выезжал неоднократно. Срок нынешней пошел уже на второй месяц. Но до плановой замены еще далеко. Сегодня в карауле его взвод.

— Подчиненными доволен. Службу несут бдительно и стойко, — с гордостью говорит молодой офицер.

Да, стойкости бойцам заставы не занимать. Моросивший с утра мелкий дождь вдруг перешел в снег, укрыться от которого было негде, поэтому часовые, поживаясь от ветра, еще плотнее кутались в мокрые плащ-накидки.

— Товарищ лейтенант! За время несения боевой службы происшествий не случилось, — четко доложил офицеру часовой следующего поста рядовой Сергей Смышляев.

— Фамилию свою оправдывает с лихвой, — с улыбкой замечает Юрий. — Ловит все на лету и службу несет умело.

Перед постом Сергея натянута колючая проволока, густо уве-

шанная пустыми банками из-под консервов.

— Это на тот случай, если боевики попробуют ночью на заставу сунуться. Или подступы к ней заминировать, — объясняет боец. В темноте проволоки не видно. Если бандиты заденут ее, банки так загремят, что не только на заставе, в станице слышно будет. Сигнализация добрая. Правда, за время моего нахождения на заставе она пока еще ни разу не срабатывала.

Мы с начкаром идем дальше. Впереди по ту сторону колючки замечаю бойца с собакой.

— Это наш кинолог. Собака у него специально на запах взрывчатки обучена. Вот и обходит боец с ней в определенные часы территорию вокруг заставы, ищет сюрпризы, установленные «духами», — поясняет Юрий.

— Ну и успешно?

— Пока подрывов не было. Но, как говорится, береженого Бог бережет.

Вместе с нами за овчаркой внимательно наблюдают еще двое часовых. Знакомлюсь и с ними. Волгоградец пулеметчик рядовой Вячеслав Мордвинцев вместе со своим трудягой — «калашниковым» несет службу на самом ответственном посту. Здесь самое уязвимое для прорыва боевиков место. Поэтому и оборудована позиция с учетом этой особенности и позволяет выдержать самую ожесточенную атаку. А в случае опасности на помощь Вячеславу в любую минуту готов прийти его земляк часовой соседнего наблюдательного пункта рядовой Александр Колесников. Срок службы у волжан подходит к концу. И чего греха таить, оба с нетерпением ждут увольнения в запас.

Переходя от одного поста к другому, беседуя с людьми, я и не заметил, как мы вновь оказались у ворот КПП. После долгого топанья по грязи я с удовольствием ступил на твердый пол казармы. Стараясь не шуметь, осторожно прошел в комнату командира заставы. Старший лейтенант Юрий Войтенко не спал, а просто лежал, укутавшись в теплое одеяло. Уже второй день у него была высокая температура, и фельдшер

заставы настоятельно рекомендовал ему отлежаться.

— Как здоровышко? — поинтересовался я у больного.

— Спасибо, уже лучше.

Юрий закончил Пермское командное училище четыре года назад. Ротой командует полтора года. Как старший по должности, исполняет обязанности командира заставы. Хозяйство вроде бы и небольшое, но хлопотное. Помимо личного состава родной роты на БМП под началом у него еще и взвод огневой поддержки. В общем, забот много. И самая главная — надежное прикрытие ответственного участка границы.

— Пока все нормально. Обстановка спокойная. Хотя взрывы и выстрелы на том берегу Терека слышны часто, — говорит Юрий. — По данным разведки, в районе села Гвардейское у боевиков оборудовано стрельбище, где они совершенствуют свое бандитское мастерство. От нас это всего в полтора километрах. Поэтому всегда приходится быть начеку.

Когда я покидал заставу, в караул понесли бачки с пищей.

— Доппай взять не забыли? — спросил у одного из поваров старшина заставы прапорщик Валерий Островский. И, получив в ответ кивок, строго заметил: — Будет хоть одна жалоба на качество пищи, накажу по всей строгости. — Увидев меня, улыбнулся: — Срочную сам на границе служил, знаю, что при такой службе положенного пая не всегда хватает. А сытый солдат службу веселей несет. И нам ее, похоже, нести здесь еще долго. Так что пожелайте нам удачи.

Удачи вам, ребята! Пусть она всегда сопутствует вам в вашей нелегкой службе.

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

*Временная оперативная
группировка сил
на Северном Кавказе
г. Моздок*

Воспитание на традициях

“...Начало тридцатых годов было временем героических рекордов... Старшина Маргелов выступил с инициативой лыжного скоростного пробега Минск — Москва. Командование с большим вниманием отнеслось к патриотической инициативе будущего командира — ему было поручено отобрать в команду лучших лыжников. Все курсанты хотели оказаться в числе избранных, но отбор был жестким. Например, своего друга, будущего Маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского, он не взял по причине его громадного роста, побоялся, что не выдержит тот длительный переход на лыжах...”

А. В. Маргелов.
“Генерал армии Маргелов”

К концу девяностых суматошный и жестокий двадцатый век порядком подрастерял романтику и героику тридцатых годов. Распад СССР, локальные войны и финансовые кризисы, экологические катаклизмы и техногенные катастрофы... До романтики ли здесь?! Не потому ли любое событие, выпадающее из общего и ставшее уже привычным проблемно-пессимистического ряда, становится заметным и значительным, обсуждается подробно и помнится долго.

Именно таким нестандартным явлением стал лыжный переход воспитанников Нижегородского

Вперед, к Москве...

ЗИМНИЙ РЕЙД КАДЕТСКОГО СПЕЦНАЗА

кадетского корпуса, совершенный в феврале этого года. Мальчишки 16—17 лет прошли почти тем же самым маршрутом, которым более шестидесяти пяти лет назад вел своих лыжников десантник № 1, будущий командующий ВДВ Герой Советского Союза генерал армии Василий Филиппович Маргелов. Такой марафон — суровое испытание.

Но не равняйте нижегородских кадетов с большинством их сверстников из нынешнего поколения, которое выбирает “пепси”. Кадет-

ский корпус, носящий имя Героя России офицера-спецназовца внутренних войск старшего лейтенанта Игоря Гурова, воспитывает своих питомцев по десантно-спецназовским законам и правилам. Жестким и непреклонным, суровым и конкретным, как сама жизнь. У многих из ребят за плечами по шесть-семь прыжков с парашютом, хорошая школа рукопашного боя, экзамены на право ношения голубого берета (максимально приближенные к зачету, сдаваемому “краповиками”), многокилометро-

вые марш-броски и многое другое, от чего их нормальные ровесники шарахаются как черт от лаdana.

А еще — вполне определенное, истинно мужское понятие о чести, дружбе, надежном товарищеском плече, о службе своему Отечеству, которое сумели внушить им и начальник корпуса Андрей Шалаев, разведчик-десантник, привезший из Афганистана вместе с двумя боевыми медалями еще и около двух десятков осколков, до сих пор сидящих в его теле, и преподаватели — бывшие военнослужащие спецподразделений внутренних войск Олег Хрусталев и Сергей Жур, прошедшие через горнило чеченской войны.

Совершенный переход убедительно доказал: удастся возродить в стране военно-патриотическую работу среди молодежи — не надо будет изыскивать миллионы на лечение от наркомании, алкоголизма и прочих модных болезней, так щедро подаренных нам Западом в начале девяностых; сохраним историческую память славян и их вековые традиции — будем иметь здоровую нацию.

Но до этого вывода, как и до всех остальных, надо было еще дойти. В прямом и переносном смысле. Встав на лыжи и пройдя сотни километров по лесам и полям Белоруссии и России, очень много увидеть своими глазами, почувствовать и понять...

В прошлом году участие нижегородских кадетов в подобном снежном марафоне произвело настоящий фурор среди всех присутствующих на финише. Корпус был удостоен Почетной грамоты командующего ВДВ. Поверив в свои силы, в нынешнем году решили размахнуться со всего плеча. Еще в январе Андрей Шалаев, верный своей десантно-разведывательной привычке, "высадился" в Минске для проведения разведки боем. Результат превзошел все ожидания. Планируемым переходом заинтересовались многие властные и силовые структуры Республики Беларусь, общественные молодежные организации.

Нижегородским кадетам была

На границе Полоцкого района встречали хлебом-солью

обещана поддержка от администрации белорусского президента, Министерства обороны. А Белорусский патриотический союз молодежи (БПСМ) развернул столь широкую масштабную работу по подготовке, проведению и освещению перехода в местных и республиканских СМИ, что приходилось лишь удивляться энергии и доброжелательности братьев-славян.

Забегая вперед, скажем, что все свои обещания белорусская сторона выполнила с лихвой. И лишь разразившаяся в республике эпидемия гриппа помешала минским суворовцам присоединиться к нижегородским сверстникам, пройти бок о бок с россиянами лесами и полями общей некогда Родины.

Но как бы там ни было, ранним утром 8 февраля, после краткого митинга на площади Минина у древних стен Нижегородского кремля, выслушав напутствия ветеранов-фронтовиков, представителей военкомата и департамента образования, после прощания с родителями и одноклассниками, небольшой караван увез лыжную группу с берегов Волги и Оки в заснеженное Полесье.

Пока "Икарус" с дремлющими в нем кадетами и КамАЗ с лыжами и прочим скарбом проглатывают километры на трассе Москва — Минск, самое время поближе познакомиться читателя с экипировкой участников и маршрутом лыжного перехода.

К его началу кадетский корпус

приобрел утепленные зимние костюмы армейского образца, замуфлированные расцветкой "Березка". Данный фасон и окрас рекомендован армейским и специальным подразделениям при действиях на Среднем Урале и в российском Нечерноземье. На голове — шапочка-маска, используемая кадетами как при движении на лыжах, буксировке за транспортом, так и при показательных выступлениях. На ногах — сапоги-бурки, войлочные голенища которых обеспечивают нормальную вентиляцию, сохраняют тепло и исключают повышенное потоотделение.

Все это — походная форма одежды. Кроме нее имелась еще и показательно-повседневная, в которой ребята выступали в воинских частях, школах, техникумах. На время перехода камуфляж (обыкновенный войсковой "арбуз") вместе с берцами, котелком и прочими личными вещами укладывался в РД (ранец десантный), который размещался там, где ему и положено быть, — за спиной лыжника. Таким образом, каждый из ребят, идя на лыжах, тащил на себе по 12—16 килограммов полезного груза.

Лыжи, крепления и палки — обыкновенного армейского образца. Естественно, был и необходимый запас резины, шурупов, проволоки, инструмента для текущего ремонта и обслуживания. Ежедневный состав лыжной группы не превышал 20—22 человека. Остальные, несшие перед этим служ-

бу в суточном наряде, обеспечивали работу кухни, готовили места ночевки и выступлений, производили погрузочно-разгрузочные работы.

По территории Белоруссии маршрут лыжной группы пролегал от Минска через города Борисов, Лепель, Полоцк, Витебск, Оршу, Дубровно.

Вечером 9 февраля, пока руководители похода улаживали последние формальности в ЦК БПСМ, а автор этих строк попал в плен к минским коллегам-журналистам, кадеты разместились на первый ночлег в гвардейском Краснознаменном, орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского Белостокском мотострелковом полку. К слову сказать, в той самой казарме, где когда-то проходил срочную службу будущий белорусский президент.

Я не случайно перечислил все регалии и отличия первой белорусской воинской части, предоставившей нижегородцам кров. Белорусы гордятся своей военной историей, до сих пор носят советские знаки различия, погоны, гвардейские знаки, не делая попыток пересмотреть прошлую жизнь, разделив ее на до- и постсоветский периоды. Любый прапорщик или офицер с нескрываемым чувством достоинства говорит: "Мы присяге не изменяли". И так — буквально в каждой воинской части, где доводилось останавливаться на отдых. Конечно, относиться к этому можно по-разному. Но без уважения — нельзя.

Рано утром 10 февраля начался непосредственно лыжный этап перехода Минск — Москва. Строем, с лыжами на плече и РД за спиной кадетский взвод пешим порядком оставил территорию гвардейского полка и, растворясь в утренних зимних сумерках, тронулся в путь. От КПП до окраины белорусской столицы совсем недолгий полчасовой путь. Далее — лыжи на ноги, палки в руки и — вперед!

Прапорщик Александр Плеснев, некогда бывший воспитанником военно-патриотического клуба "Десантник" (на базе которого и основан кадетский корпус), служивший

затем в спецназе ГРУ, все дни перехода неизменно возглавлял лыжную группу, задавая темп движения и личным примером демонстрируя нынешним кадетам образец выносливости, силы и неприхотливости. По проторенной им лыжне группа с приличной скоростью преодолела первые двадцать километров, менее чем за три часа выйдя к кургану Славы — одному из главных памятников минувшей Великой Отечественной на белорусской земле.

Двадцать минут на фотографирование, отдание воинских почестей, напутственные слова — и вновь скрипит снег под нашими лыжами. Все ниже и ниже опускается солнце, все дальше за спиной остается Минск, все ближе город Борисов.

Первый отрезок пути, хоть и забрал много сил, оставил ребятам достаточно энергии для вечернего выступления в гарнизонном Доме офицеров. Сначала в зале присутствовала лишь местная борисовская молодежь. К середине выступления стали подтягиваться подразделения дислоцированной рядом воинской части. Пришлось прогнать заготовленную программу дважды к полному восторгу уже видевших прыжки и кульбиты кадетов и к восхищению вновь прибывших.

В половине восьмого утра продолжили движение вперед, на Лепель. С погодой в тот день нам явно не повезло. Началась оттепель, столбик термометра поднялся до плюс трех. Идти в распутицу приходилось вдоль трассы, иногда — буквально по обочине. На то время это был оптимальный маршрут. Но, скучая по русскому морозцу, шли. Где-то часа через полтора после начала движения одному из кадетов потребовалась помощь, а скорее всего — просто выдохся парень. Что ж, не надо курить втайне от мамы и Андрея Александровича, начальника. Дыхалка подвела.

Сшедшего с дистанции усадили в сопровождавшую нас МЧСовскую "Ниву". А его РД автор решил взвалить на плечи, мельком поймав на себе иронический взгляд Саши

Плеснева: ну-ну, мол, попробуй, журналист...

Забегая вперед, скажу, что это была моя самая опрометчивая идея за весь поход. Но уж, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов. Да и неудобно как-то перед пацанами идти налегке, с одной лишь кинокамерой через плечо. Первые четыре-пять километров, пройденных с "повышенной нагрузкой", вес ранца не чувствовался. Потом же РД прибавлял в весе через каждую сотню метров. К моменту большого привала я уже мысленно проклял и этот РД, и лыжи, и переход, и собственное сумасбродство, и вообще все на свете. Вытирая струящийся из-под шапочки-маски пот, незаметно через глазок видеокамеры разглядывал расположившихся на лесной поляне тяжело дышащих кадетов, стараясь уловить их настроение и прочесть мальчишеские мысли. Как они-то ко всему этому относятся и все это переносят?

Похоже, мысли наши двигались в одном направлении. Но парни держались молодцами. Получив от старшины обеденную порцию — осьмушку ржаной буханки, половину луковицы и шмат сала, неторопливо пополняли запас истраченных калорий. Пуская по кругу флягу с водой, утоляли жажду. Что-то, а воду приходилось экономить. Где ж ее найдешь в лесу или в поле? Может, из этих алюминиевых армейских фляг, которые несли на груди, не давая воде замерзнуть, и черпали наши мальчишки силу?..

Обеденные полчаса пролетают быстро. Пока лыжная группа экипируется, к "Ниве" сопровождения уже прикреплен фал. Правда, его длина не позволяет транспортировать всю группу сразу. Поэтому разбиваемся на отделения по 6—8 человек. Саша Плеснев, продолжая путь, увлекает за собой два отделения. А мы с ребятами из МЧС начинаем буксировку третьего. То была первая буксировка за время перехода.

Зрелище любопытное: "Нива" с мигалкой и эмблемой МЧС России на приличной скорости (25—30 км/ч) движется по проселочным белорусским дорогам, таща за со-

бой виноградную гроздь из лыжников в камуфляже.

Отмахав таким способом километров двенадцать, вытаскиваем из машины лыжные палки и продолжаем движение пешим порядком. А машина возвращается назад, за второй группой. Через некоторое время, когда наше отделение отмерило по белорусской земле очередные пять километров, "Нива" подтащила к нам еще восемь человек. Пеший караван двинулся дальше. А челнок с мигалкой вернулся за оставшимися.

В полном составе группа собралась уже в сумерках, оставив за спиной не один десяток километров. Болело все, что может болеть: мозоли на ногах, ладони, сжимавшие лыжные палки и скользкий капроновый фал, плечи, натертые ремнями РД, гудели спина и колени. От пропотевших курток валил пар...

Уже в темноте по огню костра и при помощи радиостанции группу отыскала родная "Нива", приведшая за собой машины с гостеприимными хозяевами — ребятами из лепельского горкома БПСМ и представителями командования местной воинской части. Оставшийся небольшой отрезок пути до города прокатились в кузове КаМАЗа. О счастье — нас уже ждал горячий душ, сытный ужин и сон. До подъема оставалось целых шесть часов...

Подробно описываю первый день перехода потому, что все последующие были похожими. Изменения зависели лишь от фантазии принимающих нас хозяев, будто специально соперничавших друг с другом в гостеприимстве и хлебопекстве. А в основном механизм похода работал по отлаженной схеме: ранний подъем, плотный завтрак, выход на маршрут, движение, обед на лесной опушке (меню вам уже известно), опять движение (пока не потемнеет — в глазах или на улице), размещение на ночлег. В местах стоянок разворачивали небольшую импровизированную выставку, рассказывающую о кадетском корпусе, генерале Маргелове, выступали с получасовой программой, демонстрируя навыки кадетов

во владении приемами рукопашного боя. Ребята пели песни под гитару и общались со сверстниками. Порой даже оставались силы для танцев на импровизированных дискотеках, устраиваемых тут же к восторгу белорусских школьников и студентов.

Пройдет время, отступит усталость, сойдут натертые на ногах и плечах мозоли. Но память от этих встреч останется надолго.

На границе Полоцкого района лыжную группу встречали хлебом-солью девушки в национальных одеждах, продрогшие в ожидании встречи и закутанные после нее в камуфлированные пропотевшие и пышущие жаром кадетские куртки. Кстати, тот белорусский караван, завернутый в несколько целлофановых пакетов, — настоящее произведение кулинарного искусства, нижегородцы привезли в родной город. Хотите — верьте, хотите — нет, но по прошествии десяти дней хлеб оставался мягким, не зачерствел. С душой был испечен, с благодарностью принят...

Пребывание кадетов в Витебске совпало с празднованием 10-летия вывода советских войск из Афганистана. Ребята приняли участие в митинге у памятника погибшим воинам-интернационалистам, воочию убедились, что в Белоруссии хранят память о не вернувшихся с той войны. Пообщались с солдатами и офицерами гвардейской воздушно-десантной дивизии (в разведроту одного из полков которой волевал в Афгане и Андрей Шалаев), сверстниками из местных поисковых клубов и классов военно-патриотического воспитания (аналогов наших российских кадетских классов и корпусов).

В Орше — городе первого залпа знаменитых "катыш" — нижегородцы побывали в музее поискового клуба "Росич", ребята и руководители которого откапывают в родной земле все, что оставила в ней война, — от прекрасно сохранившихся или проржавевших автоматов, касок, котелков и прочего железа, опаленного огнем сражений, до останков павших солдат и командиров, освобождавших бело-

русскую землю от поработителей, и лишь теперь, более чем через полвека, стараниями "росичей" возвращающихся из небытия и обретающих имена и подobaющие защитникам Отечества могилы. После таких экскурсий в прошлое, идя по лыжне, наши мальчишки совсем по-другому воспринимали окружающие их леса и поля, по-настоящему лишь теперь осознав и поняв: когда-то здесь прошла война.

Часть ВДВ, расположенная в Подмоскowie, у Медвежьих Озер, — традиционное место финиша снежных десантных марафонов.

Встретив на финише команды Рязанского училища ВДВ и других частей крылатой пехоты, генерал-полковник Георгий Иванович Шпак уделил особое внимание кадетскому спецназу. Обращаясь к мальчишкам из Нижнего Новгорода, командующий ВДВ назвал их гвардейцами-кадетами, а на общем построении участников лыжного перехода определил им место на правом фланге. И первыми, с кем запечатлелись на групповом снимке генерал и Герой России полковник Александр Васильевич Маргелов (сын легендарного десантника №1), были нижегородские кадеты. Большой чести трудно себе представить. Мальчишки наши в тот день были по-настоящему счастливы. И горды тем, что совершили.

Две недели многому научили. Заставили утвердиться в правильности выбора жизненного пути. Помогли лучше узнать соседнюю братскую республику, ее радушный народ, проникнуться симпатией к белорусам и вызвать не менее теплые чувства к россиянам, которых кадеты достойно представляли все время пребывания на "сопредельной территории", бывшей некогда нашей единой Отчизной. Для укрепления дружбы и добрососедства между нашими народами эти "внучата Маргелова" сделали за две февральские недели больше, чем иной политик за всю свою жизнь.

А еще ребята получили столько практических и наглядных уроков

мужества”, отстояли столько “вахт памяти”, сколько хватит не на одну школьную программу.

Все это зерна, которые дадут свои всходы. Есть и практические результаты. Нижегородские кадеты продемонстрировали на самом высоком уровне абсолютную готовность и профпригодность к службе в самых боевых, элитных подразделениях российских силовых структур — и по физической, и по морально-психологической своей подготовке.

22 февраля кадеты посетили Центральный музей внутренних войск МВД России. Экскурсия произвела на ребят огромное впечатление.

В одном из залов экскурсовод подвела наших парней к стенду, рассказывающему о лыжном переходе, совершенном в тридцатые годы группой командиров одного из полков войск НКВД по маршруту Верхне-Ангарск — Мурманск.

— Протяженность перехода составила около 9000 километров, и пролегал он по таким местам, где не только человек, а дикий зверь

редко попадался на глаза лыжникам. К разработке маршрута привлекались многие ученые — географы, метеорологи, медики, биологи. И все они утверждали, что пройти тем путем невозможно. Не в силах человеческий организм перенести

холод, снежное безмолвие и прочие испытания, которые ждут смельчаков. Но через 151 день после старта от берегов Байкала лыжная группа в полном составе финишировала в Мурманске... Пройдемте к следующему стенду...

И когда большая часть кадетов послушно проследовала за экскурсоводом, у карты того перехода задержалась группа из шести-семи ребят. Несколько пар глаз серьезно и сосредоточенно изучали карту-схему, губы мальчишек едва заметно шевелились, шепча названия городов и населенных пунктов, лежащих на пути тех лыжников. А в мальчишечьих глазах азартным чертенком уже прыгал вопрос-решение: “Ну а почему бы и нет?!”.

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

Фото автора и
Ильи КУЗЬМИЧЕВА

Нижегород —
Минск — Москва

Фото с Героем Советского Союза
А.В. Маргеловым — на память

Экскурсия в Центральный музей
внутренних войск МВД России

Вопрос ребром

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ГЛАВНОМ

В ВОСПИТАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

«Основным методом воспитания у военнослужащих высокой дисциплинированности является убеждение. Однако убеждение не исключает применения мер принуждения к тем, кто недобросовестно относится к выполнению своего воинского долга».

Ст. 2 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 года.

Много воды утекло с тех пор, как Верховный главнокомандующий своим указом утвердил новые общевоинские уставы. Больше всего офицеры ждали Дисциплинарный, который должен был значительно расширить возможности командиров поощрять и наказывать подчиненных. И дождались. Права предоставлены действительно большие, что поначалу и радовало. Но со временем становилось ясно: многие поощрения и взыскания являются недействительными, другие применить невозможно из-за отсутствия материальных средств.

Заместитель командира по работе с личным составом одной из частей Московского округа внутренних войск в интервью пятилетней давности сказал, что «некоторые неработающие сегодня права начальников по отношению к подчиненным заложены в уставы на перспективу, ведь не век же мы будем в безденежье стоять с протянутой рукой». Перспектива эта, к сожалению, с каждым годом все отдалается и отдалается. Век не век, но, похоже, в двадцать первое столетие точно вступим с протянутой рукой.

Многие положения других общевоинских уставов, в отличие от Дисциплинарного, не очень подвержены «старению». А вот если дисципли-

нарные права начальников не вписываются в социально-политическую ситуацию в стране, то это, мягко говоря, лишает их действительности. Парадокс «положений устава на перспективу» заключается в том, что те права, которыми могут воспользоваться командиры, неэффективны, а те меры, которые смогли бы сыграть воспитательную роль, невозможно применить. Положение усугубляется тем, что большинство офицеров не проявляют должной инициативы в выборе средств воспитательного воздействия на подчиненных. Устав требует от них однозначно «поощрять достойных, строго, но справедливо взыскивать с нерадивых». Это само собой уже подразумевает следующее: делай, что говорят, а успех придет следом, сам собой.

Предназначение всех поощрений и взысканий в конечном итоге — укрепление воинской дисциплины, вернее, поддержание в воинской части строгого уставного порядка. Сегодня отошли от оценки состояния дел в подразделении по количеству объявленных в нем взысканий. Развязали тем самым руки офицерам: швыряй выговоры направо и налево, арестовывай через одного, наказывай хоть по нескольку раз в день. Многие это так однозначно и восприняли, ста-

ли действовать, но дисциплина от этого не улучшилась. Статистика свидетельствует: после ввода в действие новых уставов число солдат и сержантов, привлеченных к ответственности за неуставные взаимоотношения, ежегодно увеличилось на двадцать-тридцать процентов. Такова же и динамика роста числа осужденных военнослужащих.

Пока шел по военному городку к штабу части, где хотел пообщаться с офицерами по проблемам дисциплинарной практики, успел поговорить с несколькими солдатами и сержантами.

На мой вопрос: «Какое поощрение для них самое желательное?» — почти все сначала в недоумении пожимали плечами, а после некоторых раздумий говорили почти об одном и том же: «Не нужны мне никакие поощрения. Скорее бы отслужить и живым-здоровым вернуться домой». Естественно, с трудом они могли перечислить и поощрения, которые согласно уставу применяются к солдатам и сержантам. И только один выразил желание заслужить знак «За отличие в службе» I и II степени.

Зато более единодушными они были при ответах на вопрос: «Какое взыскание для вас самое нежелательное?». Все, естественно, не хотели бы быть подвергнутыми аресту с содержанием в гауптвахте. А относительно других взысканий они говорили так: выговор, строгий выговор что мертвому припарка. Счет им теряют как командиры, так и их наказанные подчиненные. Лишение очередного увольнения? Так его и так нет. Командир может отпустить в город, если родители к солдату приедут. Лишение нагрудного знака отличника? Не только солдаты и сержанты срочной службы, прослужившие по пять лет офицеры его никогда в глаза не видели. Наряд вне очереди на работу? А кто ж там не бывал, ничего страшного. А рядовой Дмитрий Крутлов на мой

вопрос, имеет ли он дисциплинарные взыскания, ответил так: «Я пять раз толчок драил». На поверку оказалось, что у него в личном деле ни одного взыскания не записано, зато есть одно поощрение: благодарность от командира отделения «за добросовестное отношение к хозяйственным работам». Вот такие пирожки получаются. Раньше политработники вели беспристрастную борьбу с искривлениями дисциплинарной практики, строго следили, чтобы наказанный солдат не был поощрен иначе как «снятием ранее наложенного взыскания», чтобы поощрения и взыскания следовали строго по командирской вертикали снизу вверх. И никто никогда не задумывался, насколько «наряд вне очереди на работу» является взысканием для солдата, у которого вся служба сплошные «хозяйственные работы». В условиях, когда о боевой учебе почти забыли, а проявлять разумную инициативу при рытье котлована солдату затруднительно, остается нейтральный термин, которым сплошь и рядом пользуются офицеры и сержанты: поощряют всех «за усердие в службе».

Не знаю, к каким размышлениям побуждают командиров приведенные выше высказывания их солдат, но мне показалось, что роль поощрений и взысканий в воспитании солдат сегодня не может быть значительной. И причина скорее всего кроется в социальном аспекте.

Сколько бы мы себя ни убеждали, что «воинская дисциплина основывается на осознании каждым военнослужащим своего воинского долга», в действительности оказывается все гораздо сложнее. Хотя в идеале все так и должно быть. Но это возможно только тогда, когда армия — несокрушимая и легендарная, а воинская служба — священный и почетный долг. Ибо нельзя строить воспитание на страхе перед наказанием. На страхе основывается только рабство. Но ведь призыв в армию осуществляется не на основе добровольного согласия, а на основе страха перед уголовной ответственностью. Никто уже не

скрывает, что армия сегодня стала действительно рабоче-крестьянской, за последние восемь-девять лет на несколько порядков снизился уровень образования призывников. Уже давно в обществе замутили воду альтернативной службой, но до сих пор не приняли закон, ее регламентирующий. Многие псевдопатриотические, псевдодемократические, а попросту антинародные, антигосударственные издания спекулируют на этом и сеют пацифистские настроения среди молодежи, призывают ее попираť законы и откровенно распространяют рекомендации, как уклониться от службы. От призыва можно попросту откупиться, что многие и делают. Сотни таких, которые не хотят ни альтернативной, ни действительной военной службы, попросту скрываются от призывных комиссий и не прибывают по повесткам в военкоматы. За вычетом всех их остаются те несчастливцы, которым и предстоит надеть военную форму. Именно несчастливцы, потому, к сожалению, что службу ратную они воспринимают как роковую неизбежность, и только единично искренне заявляют о желании служить в армии. Если прибавить к этому, что многим предстоит два года жить в казармах с отвратительными социальными-бытовыми условиями, то становится ясно, что не до «осознания своего воинского долга», коль государство своего долга перед вооруженными защитниками не осознает. Это реалии, не учитывать которые просто невозможно. Они накладывают существенный отпечаток на весь процесс воспитания, значительно снижают возможности применения такого метода, как убеждение.

Остается последнее, более действенное средство — принуждение. Многие офицеры рассуждают так: если пришел в подразделение недисциплинированный, грубый, неуравновешенный молодой человек, то воспитывать его бесполезно. Его нужно ставить в определенные уставные рамки. В подразделении необходимо создавать такие условия, которые исключали бы неуставные

взаимоотношения или внедрение нездоровых традиций. Из семи перечисленных в уставе взысканий, возможно, действенным окажется только арест с содержанием на гауптвахте. А в остальном — это старые, испытанные временем методы: усиленный контроль, принуждение, кропотливая работа с сержантским составом. Для этого, естественно, необходимо в полную силу работать всем офицерам. А их к тому же еще и не хватает, особенно в звене взвод-рота. Но это уже слова из другого куплета «старой песни о главном».

Ведь многие солдаты и сержанты и не нарушители воинской дисциплины. Они не отказываются выполнять распоряжения, просто молча бойкотируют его, проявляют неоправданную медлительность, нерасторопность. «Тормоза» — называют таких на солдатском жаргоне. Их вроде и наказывать не за что, и проку от их деятельности мало. Какие меры принуждения можно тут применить? Многие сержанты, нередко и офицеры, оказываются не на высоте в подобных ситуациях. Поэтому не случайно отмечен рост таких правонарушений, как рукоприкладство, а с 1997 года появились осужденные за физическое оскорбление подчиненных. В приговорах военных судов фигурирует такое выражение, как «ложно понятые интересы службы». А ведь многие начальники совершают преступления действительно в интересах службы. Парадокс. Можно ведь на все и рукой махнуть. А вооруженные правами только Дисциплинарного устава офицеры и сержанты чувствуют себя беспомощными. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению решения судов и тем более не оправдываю преступные действия командиров и начальников. Но ведь проблема есть, появилась она не сегодня, а готовых рецептов, как выходить из ситуации, пока никто не предлагает.

Вспоминаю, как несколько лет назад беседовал с сержантом, которого обвиняли в применении неуставных методов воздействия на подчиненных. В объяснительной записке он откровенничал: «Я, за-

меститель командира взвода, убежден, что в армии действует только одно правило для воспитания личного состава. Это правило кнута и пряника. Сейчас самым действенным считается кнут. Я признаюсь, что при воспитании личного состава превышал свои служебные полномочия. Но ведь если бы этого не делал, то был бы вообще бардак. А так дисциплина хоть и слабая, но поддерживается».

Многие командиры просто не знают, как реализовать предписанные Дисциплинарным уставом меры принуждения. Принуждать как: грубым окриком, матерным словом, кулаком? Наверное, можно, но это преступно, да и аморально. Наглядно продемонстрировать принцип принуждения можно разве что в самолете во время десантирования. «Прыгай!» — кричит командир взвода молодому солдату. «Боюсь. Не буду!» — отвечает тот. «Прыгай!» — повторяет взводный, пинок под зад и — пошел. Если удачно приземлился — еще и спасибо скажет командиру взвода.

А как быть на земле грешной?

Объявлять дисциплинарное взыскание? Так это уже будет не принуждение, а наказание за нарушение воинской дисциплины. Держать солдата в постоянном страхе перед взысканием? Беда сегодня не в том, много или мало взысканий может объявить начальник, а в том, что этих взысканий никто не боится. Не способны они, за исключением разве что гауптвахты, поставить сегодня недисциплинированного солдата в рамки требований устава. Но ведь всех не пересажаешь, не превращать же полк в дисциплинарную воинскую часть.

В Дисциплинарном уставе одним из условий, чем достигается крепкая воинская дисциплина, записано: созданием в воинской части необходимых материально-бытовых условий. Это последний пункт статьи четвертой, а я бы записал его первым. Потому как все остальное — и требовательность командиров, и боевая подготовка, и строгий внутренний порядок — производные от него.

И беда сегодня не в том, что командир не может так или иначе

поощрить подчиненного, а в том, что это поощрение солдат не хочет получать. Это поощрение ему просто не нужно, оно не может служить побудительным мотивом к добросовестному исполнению им своих обязанностей, не может являться ориентиром, к которому он хотел бы стремиться. Все поощрения сегодня рассчитаны на такую черту характера, как тщеславие. Тщеславные люди копят благодарности, грамоты, нагрудные знаки. Эффективно сработать такой прием может только в сытом обществе. А у нас, когда в некоторых частях переходят на двухразовое питание, а камуфляж занасивают до дыр, в пору переходить на награждение за усердие в службе буханкой черного хлеба сверх нормы. Или возродить старую революционную традицию награждать шароварами. Не красными революционными, Бог с ними, хотя бы камуфлированными. Лишь бы новыми, без дыр.

Подполковник
Иван МУЧАК

Выписывайте и читайте

Журнал "Право в Вооруженных Силах"

— это постатейный комментарий законов "О статусе военнослужащих", "О воинской обязанности и военной службе", приказов руководителей силовых структур Российской Федерации, а также рубрики:

- Увольняемому с военной службы
- Социальная защита военнослужащих (Защити себя сам!)
- Жилищное право и военнослужащий
- В помощь руководителям занятий по ОГП (правовые темы)
- Дела судебные
- В записную книжку призывнику
- Армия с женским лицом
- Диалог с читателем (ответы на вопросы читателей)
- Командир и право

Выходит с июля 1997 года. Периодичность — ежемесячно. Объем — 64 стр. Стоимость подписки — 144 руб. Подписной индекс — 72527.

Журнал "Право в Вооруженных Силах" с вкладкой, в которой публикуются нормативные акты о военной службе, правах и льготах военнослужащих и уволенных лиц.

Выходит с января 1999 года. Периодичность — ежемесячно. Объем — 82 стр. Стоимость подписки — 168 руб. Подписной индекс — 47914.

"Право в Вооруженных Силах — консультант" — серия книг, практических пособий и комментариев законодательства о военной службе, правах и льготах военнослужащих и уволенных лиц.

Начало выхода — июль 1999 года. Периодичность — один раз в два месяца. Объем каждой книги — 250—350 стр. Стоимость подписки — 120 руб. Подписной индекс — 79205.

Адрес редакции: 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40, тел./факс: (095) 334-9265, 334-9804.

Актуально

Кавказ — это сложно. События последних десяти лет так сильно натянули нити, связывающие его с Россией в единое целое, что случись еще одно неуклюжее движение, и мы потеряем даже то малое, что у нас осталось. Без глубокого изучения этого региона с богатыми традициями и своеобразным укладом жизни ослабить напряжение попросту невозможно. Так считает ведущий специалист по Кавказу Российской Академии наук Григорий Львович БОНДАРЕВСКИЙ.

Его не случайно пригласили недавно в Главкомат внутренних войск МВД России, где он выступил перед генералами и офицерами, уже который год на практике занимающимися распутыванием кавказских узлов.

Предлагаем интервью, которое взял у Г.Бондаревского наш нештатный корреспондент капитан Альберт ИСТОМИН.

КАВКАЗ ВСЕГДА БЫЛ ГОРЯЧИМ РЕГИОНОМ

— Григорий Львович, во внутренних войсках МВД России около тысячи двухсот человек не вернулось из последнего похода на Кавказ. Можете ли вы ответить на очень болезненный для всех военных вопрос: ради чего они отдали свои жизни в кровопролитных боях?

— Дать однозначную оценку этой военной кампании очень не просто, я постараюсь сделать это, разбив ваш вопрос на несколько более узких.

Первое. Нужно ли было принимать меры, чтобы Чечня осталась в составе Российской Федерации? Пока я не говорю о вводе войск, а лишь о принятии мер. С моей точки зрения, обязательно нужно. Чечня — часть российской территории, в которой абсолютное большинство жителей хотели спокойной, мирной жизни. Но в этой республике, увы, возобладали амбиции группы людей, стремящихся любой ценой к власти, к гигантским доходам. Преступность здесь приобрела угрожающие масштабы. Триста миллиардов российских рублей ушло в республику благодаря фальшивым авизо. Сибирская нефть закачивалась в Грозный для переработки, но начиная с 1992 года обратно не возвращалось ни одной тонны. В Чечне находили убежище бандитские группировки. Бездействовать дальше было невозможно, опухоль

сепаратизма, которая была выгодна криминальному промыслу, грозила перекинуться уже на Дагестан. А Дагестан — это побережье Каспийского моря.

Второй момент. Целесообразно ли было вводить войска? Думаю, здесь мы поспешили. Еще оставались политические меры разрешения кризиса. Документы свидетельствуют, что руководство страны не сумело договориться с Дудаевым. Политики не сумели спрогнозировать то развитие событий, какое случилось в реальности. А ведь он мог удержаться от дальнейших властных притязаний, если бы ему предложили, например, то, что имеет Шаймиев в Татарстане.

Третий момент. Насколько правильно была проведена военная операция? Пока шли разговоры, а проще сказать, болтовня, Дудаев за три года сумел создать собственные вооруженные силы. Это почему-то вообще не принималось во внимание, хотя ГРУ работало прекрасно и информация разведки поступала постоянно. Дальновидные военачальники просили время для подготовки серьезнейшей операции, хотя бы три-четыре месяца, но их разумные предложения отвергли. Наверху всерьез поверили, что Грозный можно взять одним парашютно-десантным полком. Наверху царил шапкозакидательское настроение.

Почему-то никто не вспомнил о горьких уроках истории. Между тем во время известной кавказской войны в середине XIX века при взятии только одного аула Ахульго русские войска потеряли 3 тысячи человек. Для того чтобы подчинить племена Кавказа, России тогда пришлось сконцентрировать двухсоттысячную армию.

Наших ребят, простых солдат и офицеров, которые честно выполняли свой долг во время боевых действий в Чечне в 1994-1996 гг., упрекнуть не в чем. Позор тем, кто посылал некомплектованные дивизии, собирал полки с бору по сосенке, не дал времени подготовиться.

Трагедия еще и в том, что военные действия как форма обогащения были выгодны многим коррумпированным группировкам.

— Вы правы, горцам не откажешь в умении воевать. Еще классиком сказано: «Гремя, через Кавказ пустынный/ промчался клик: война! война!/ И пробудились племена./ На смерть идут они охотно...»

— Исторически народы Кавказа часто оказывались на острие событий. В течение тысячи лет находясь на путях между Каспийским и Черным морями, они отражали многочисленные нападения. Сюда рвались знаменитые кровавые завоеватели Александр Македонский, Чингисхан, Тимур. Все они поломали зубы в горном Дагестане. Главный воин Персии Надиршах, который завоевал господство в Иране, поработил Индию и захватил самый ценный трофей в истории — громадный «павлиний» трон из золота, в алмазах и изумрудах, совершил четыре похода на Кавказ и каждый раз терпел поражение.

В течение XVII-XVIII веков также шла сплошная кровавая война за Кавказский регион. Со стороны Черного моря и Крыма наседали турки, с юга — персы и иранцы. С шестнадцатого века в борьбу вступила третья мощная сила — Московская Русь.

Кавказцев загоняли в горы, не давали им пахотной земли. У них веками вырабатывалась особая этнопсихология, формировался своеобразный менталитет. Некоторые племена стали жить исключительно добычей от набегов, считая войну единственной своей задачей.

— Русские, получается, тоже шли к горцам с огнем и мечом?

— Когда мы говорим об отношениях с Кавказом, надо брать в расчет не только военный аспект, но и огромную положительную роль взаимосвязи, экономического и социального взаимовлияния. Россия в корне отличалась от других империй, она не высасывала соки из своих колоний, а дарила им прогресс и цивилизацию. Столицы всех семи республик Северного Кавказа построены руками русских казаков, солдат, крестьян. Они же проложили дороги, а потом провели железнодорожные пути, пробурили нефтяные колодцы, подняли нефтяную промышленность, инкорпорировали дикие прежде регионы в русский рынок, приобщили их к мировой цивилизации. Развитие было настолько мощным, что в 1900 году по добыче бакинской нефти мы переплюнули даже американцев. Здесь были построены первые в мире танкеры. Нефть из Баку пошла на Дальний Восток, в Южную Азию.

И когда я слышу или читаю, что говорят в Грозном, том самом, который был основан в 1819 году как русская крепость Грозная, когда я слышу оскорбления и проклятия не в адрес руководства, а всего русского народа, во мне закипает возмущение. Конфликты с чеченцами начались в середине XIX века, когда их племена стали спускаться с гор в долины Терека и Аргуни. Туда же шли русские казаки с севера. Да, была война. Но ведь после нее совершенно дикие народы, вернее клановые объединения, у которых даже письменности не было, вошли в состав великой державы, подарившей им цивилизацию, понятие единой нации. Напомним, что

никаких чеченцев в истории не было. Существовала деревушка Чечен, потом в русских документах стала упоминаться Чечня, Чечения и так далее. Почему сейчас выдумали государство Ичкерия? Не существовало такого. Это название маленького клочка земли на северо-востоке нынешней республики. Только и всего.

— Свообразно строились взаимоотношения власти и чеченцев и во время Великой Отечественной войны...

— Чтобы овладеть Кавказом, немцы сосредоточили огромные силы. За гитлеровской группировкой «Б» шел корпус «Ф», укомплектованный пленными, добровольцами, эмигрантами из стран Востока. Сюда же рвались армии Клейста и Роммеля. Потерять Кавказ, а вместе с ним Баку для Советского Союза значило оставить свою армию без горючего и проиграть войну. О тюменских месторождениях нефти тогда еще никто не знал. В это критическое время ЦК партии обратился с призывом к народам Закавказья и Северного Кавказа. За три месяца были сформированы 3 грузинские, 3 азербайджанские, 2 армянские и 5 дивизий из жителей Северного Кавказа, которые и остановили фашистов.

В «благодарность» в 1944 году Берия по приказу Сталина провел операцию по депортации народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев. Им незаслуженно инкриминировали связь с гитлеровской Германией. Я имел возможность воспользоваться всем трофейным архивом абвера и могу сказать точно: там нет ни одной чеченской фамилии. Шли разговоры, якобы кто-то хотел подарить Гитлеру белого жеребца. Потом выяснилось, что это правда, но идея принадлежала кабардинцам, а вовсе не чеченцам.

Боль от чудовищной несправедливости чеченцы сохраняют в сердце еще надолго. Ведь отзывали даже фронтовых офицеров, в том числе орденосцев и Героев Со-

ветского Союза, чтобы отправить их всех в казахстанские степи. Когда чеченцы оказались выброшенными из своих гор и лесов, были оболганы и оскорблены, они окончательно сплотились как нация. Тогда же усилилось влияние мусульманского духовенства. Нынешние чеченцы, с которыми сейчас приходится вести переговоры, все родились в Казахстане. Их озлобление баюкали ветры чужих степей...

Об этом страшном пятне в отечественной истории не надо умалчивать. Но, рассказывая о нем, надо делать оговорку, что русский народ пострадал от изуверств Сталина ничуть не меньше. И советский строй, который сейчас можно хулить как угодно, впервые в истории создал прецедент образования республик по национальному признаку. В результате чеченцы, дагестанцы и многие другие народности получили государственность, свою письменность, литературу, свою школу.

— Для полного счастья не хватает только полной независимости...

— Вопрос в том, что они с ней будут делать? Идти на ухищрения, к которым прибегало грузинское правительство в 1918 году? В апреле оно совершенно секретно продало Батум немцам, в мае — туркам, а в декабре — англичанам. Я читал возмущенные, с английским матом, резолюции лорда Керзона, когда тот выяснил, что купил уже проданный город. Экономически Чечня не может существовать как самостоятельное государство. Ее нефтяные источники на исходе, промышленности нет. Зато различные организации с красивыми названиями под видом благотворительности перегоняют туда оружие. Разыгрываются сложнейшие комбинации, в том числе с участием западных спецслужб, с единственной целью — ослабить влияние России в этом регионе.

Кавказ жизненно важен для нашей страны — это выход через Волгу и Каспий в Центральную

Азию, к Ирану. Великая Российская держава, держава мореплавателей, которая разгромила турецкий флот, имеет сейчас только два порта на Черном море — Новороссийск и Туапсе. Нас отбросили к границам времен Ивана Грозного. Вдумайтесь!

Нам необходимо заботиться об укреплении обороны. Пока шел де-леж: больше на один эсминец отойдет Украине или меньше (а с моей точки зрения, это несущественно, потому что у нас денег нет ни на тот, ни на другой вариант), мы потеряли самое главное — станции спутникового слежения противоракетной обороны, которые остались в Закавказье.

Мы терпим поражение за поражением. Три года назад украинские таможенники ночью высадились на маленькой необитаемой песчаной банке, называемой Таманским полуостровом, и объявили, что Керченский полуостров — территория самостийной. Сейчас наши корабли, идущие в Ростов, Таганрог, должны платить огромные пошлины. Не слишком ли мы щедры?

Когда речь заходит о Северном Кавказе, мы говорим о Чечне, Дагестане, Карачаево-Черкесии и других республиках, но молчим о Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области. Почему мы не учитываем интересы десятиллионного российского казачества? Все вместе они составляют единый Северный Кавказ.

Через него проходят две важнейшие железнодорожные магистрали, соединяющие Дагестан и Азербайджан, Грузию и Армению. В результате войны с Чечней они были перерезаны, Грузия, Армения, Азербайджан оказались изолированными от России. Свято место пусто не бывает. Туда ринулись американцы, англичане, турки, персы и другие. Это говорит об экономическом и стратегическом значении региона. Как же можно допускать мысль о независимости Чечни? Нужны уступки, переговоры, экономическая помощь, но со-

хранить республику в составе России следует обязательно.

Разве можно допустить, чтобы оказалась парализованной важнейшая нефтяная труба из Азербайджана в Новороссийск? Бакинская нефть сейчас на исходе, но шельф Каспийского моря оказался чрезвычайно богат. По подсчетам западных специалистов, уже к 2010 — 2012 гг. на Каспии будет добываться больше нефти, чем в Персидском заливе. Это миллиардные доходы, политическое и экономическое влияние.

Еще в 1918 году англичане планировали прибрать к рукам Кавказ. Было выделено больше 10 миллионов фунтов стерлингов, сегодня это больше миллиарда долларов, чтобы скупить весь гражданский и военный флот Каспийского моря, чтобы поставить под контроль бакинскую нефть.

Сегодня остро стоит вопрос: по чьей территории пойдет «золотосносный» поток? Турция любой ценой, железом и кровью, добивается, чтобы черное золото шло по ее территории. Несмотря на договор 1936 года, где черным по белому записано, что они не имеют права в мирное время запрещать проход по проливам Босфор и Дарданеллы, турки ищут любые поводы для его невыполнения. Они спровоцировали две аварии на Босфоре, чтобы заявить, что российские танкеры никуда негодны, и есть одно спасение: гнать нефть не Черным морем, а по их территории.

Надо сказать, что мы проиграли бы в этой политико-экономической битве, но у соперников случилась крупная неприятность. Курды — самый большой в мире народ, не имеющий собственной территории, — подняли восстание как раз по всей трассе намеченного трубопровода. Западные нефтяные компании, понятно, испугались. Тогда американское правительство заявило, что выделит им миллиард долларов компенсационных, чтобы только исключить из игры Россию и отправить нефть через натовскую Турцию. Но нам

повезло во второй раз. Резко упали цены на нефть. Снова активизировалась наша дипломатия: даешь Новороссийск!

Сейчас многие комбинации на Кавказе объясняются именно крупными интересами английского и американского капитала. Причем Чечня — лишь разменная карта в большой игре. Задача — не пустить нефть по территории России. Отсюда растут корни проекта строительства короткого нефтепровода из Грозного в Тбилиси, многочисленные проекты строительства дороги, связывающей Среднюю Азию с Кавказом.

— С 1988 года внутренние войска гасили пламя межнационального конфликта в Нагорном Карабахе. Как случилось, что область, в которой абсолютное большинство населения — армяне, стала азербайджанской территорией? Слушая вас, резонно предположить, что и здесь кроется какая-то сложная интрига...

— Вы не ошиблись. Я очень долго сам искал разгадку и нашел ее в совершенно секретных архивах министра иностранных дел Великобритании времен гражданской войны в России лорда Керзона. Когда я пробился к ним, мне было запрещено что-либо записывать или снимать.

В 1920 году Российская республика находилась в состоянии войны с Турцией, но по политическим соображениям лидер турок Мустафа Кемаль Ататюрк, несмотря на все разговоры о большевиках как яростных врагах ислама, все же решил отправить миссию к Ленину, чтобы договориться о мире на Кавказе. Когда англичане узнали о замысле турок, они немедленно предложили Кемалю направить делегацию в Лондон.

Беседу с турецким послом Керзон построил таким образом. Хотите взять Армению, половину Азербайджана и жирный кусок Грузии? Берите, но при одном условии — отзывайте миссию из Москвы.

Я не знаю, как тогда работала

советская разведка, но через десять дней стенограмма этой беседы лежала на столе у Ленина. Вождь большевиков поручил вести переговоры с турками наркому по иностранным делам Чичерину и наркому по делам национальностей Сталину. Им было отдано распоряжение: идти на любые уступки, за одним исключением — Батум туркам не отдавать.

Разговор с миссией, которая прежде побывала у англичан, проходил очень сложно. Тогда Ленин вызвал Чичерина и велел разыграть спектакль, суть которого сводилась к тому, что Чичерина во время переговоров пригласят к телефону, а Сталин поговорит с дипломатами по-своему. Что значит «по-своему» можно узнать из газеты «Правда» за март 1921 года, где опубликована огромная статья Сталина под заголовком «Против тезисов товарища Чичерина». Она сводилась к тому, что с «мерзавцами» турками, этими английскими агентами, разговаривать вообще не о чем — душишь, вешать и осуществлять на их территории революцию.

Турки поняли ситуацию, и 16 марта 1921 года был подписан договор о мире, дружбе и даже братстве между нашими государствами. Скрепя сердце они отдали нам Батум. Но поставили условие, что Нахичевань и Карабах должны остаться полностью под азербайджанским протекторатом. Ведь азербайджанцы — мусульмане. И через них турки хотели иметь выход на Кавказ.

— Григорий Львович, последний вопрос. Что ожидает Россию на Кавказе в ближайшем будущем?

— Недавно вышла книжка Бжезинского «Великая шахматная доска». Так он видит Россию и Северный Кавказ. Он прогнозирует, что через очень короткое время Российская Федерация превратится в конфедерацию Российской, Уральской и Дальневосточной федераций. А заправлять везде будут американцы.

В прошлом году я получил текст полуконфиденциального доклада главного специалиста по странам СНГ заместителя Госсекретаря США Тэлбота. Он касался интересов США на Кавказе и в Средней Азии. Задача наша, говорит Тэлбот, ослабить влияние России на Северном Кавказе — это зона стратегических интересов США.

Это не голый лозунг. В Закавказье и на Северном Кавказе идет военное строительство, сюда под различными прикрытиями направляются специалисты НАТО. Создается большая угроза для нашего юга. Этот вопрос должен стать предметом самого пристального внимания и тщательного изучения для вас, военных, потому что в вашей большой и важной практической работе нужно видеть, во имя чего приходится рисковать жизнью. Миссию, которую выполняют военнослужащие внутренних войск, бойцы специальных подразделений МВД России, несущие боевую службу в Северо-Кавказском регионе, трудно переоценить. Это сфера национальной безопасности страны.

Лучшая политика на Северном Кавказе сегодня — терпение и экономическая помощь. Надо, чтобы чеченцы договорились между собой и выбрали легитимное правительство, с которым можно будет разговаривать. Страшный вред в нынешних условиях приносят средства массовой информации. Смакуя похищения и террористические акты, они только играют на руку басаевым и радуевым. Однако в Чечне начинают понимать: нельзя строить политику на похищениях и нефтяном шантаже. Чечня и Россия должны договориться. Бряцать оружием — значит играть с огнем. А это выгодно только нашим врагам.

Фото
Василия ПАНЧЕНКОВА

Забывшие истины

ПОЖА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ ...

Традиция самопожертвования: парадокс или закономерность?

*Но продуман распорядок
действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет
в фарисействе.
Жизнь прожить —
не поле перейти.*

Б. Пастернак. "Гамлет"

“Жизнь — это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут”. Это высказывание принадлежит известному французскому просветителю Жану де Лабрюйеру.

Сказанные более трехсот лет назад, эти слова по глубине их смысла не утратили своей актуальности и поныне. Жить — вообще весьма небезопасное занятие, к тому же зачастую сопряженное с риском. Как минимум, для своего здоровья. И все-таки человек рискует. И не только здоровьем. Расплачиваться за содеянное иногда приходится самой дорогой монетой и высшей ценностью — собственной жизнью. И делать это вполне осознанно. Во имя чего же совершаются подобные жертвы?

Вряд ли найдется человек, который не понимал бы смысла глагола “жертвовать”. Но когда речь

заходит о жертве, требуемой от тебя самого, все гораздо сложнее. В толковом словаре В. Даля мы без труда найдем определение: самопожертвование есть жертва самим собою или своими выгодами, имуществом на пользу других. Человечеству известно немало примеров подлинной жертвенности, жертвенного служения людям, идее, наконец, своим убеждениям. Прежде чем обратиться к некоторым историческим свидетельствам, вспомним о библейских истоках.

В Божественном домостроительстве спасения рода человеческого важнейшее значение имеет жертва, которую принес Иисус Христос своею смертью на кресте. Это жертва особая, единственная в своем роде, неповторимая, с которой ни в коей мере не могут сравниться ветхозаветные жертвы и к которой нельзя применять определения, имеющие отношение к последним. Различные жертвоприношения Ветхого Завета, кровавые и бескровные (всесожжения, жертвы повинности, ритуальные и мирные жертвы, хлебные приношения и другие виды жертв), совершались согласно подробным предписаниям многократно и в зависимости от разнообразных обстоятельств

жизни отдельного человека и всего народа. Кроме того, один раз в год в определенный день, который назывался днем очищения, приносились нарочитые жертвы. Все эти жертвы не избавляли от греха, но питали надежду на прощение и вселяли утешение и отраду в ожидании действительного грядущего избавления. Поэтому все множество жертвоприношений, как и все внешние предписания и обряды ветхозаветного закона, утратили всякое значение, когда Христос принес себя в жертву на кресте, принес единожды и за всех людей, за все человечество.

Вместе с тем библейские тексты о жертве Христовой показывают, что в понятие об этой жертве вкладывается новый смысл — она добровольно принесена самим Христом. И поэтому она, по существу, является самопожертвованием, в основе которого лежит Божественная любовь к людям. Священное писание прямо говорит о том, что во Иисусе Христе Бог изливает на грешный мир “преизобильное богатство благодати Своей в благости” к нему и “по Своей великой любви” оживотворяет и спасает людей, “мертвых по преступлениям и грехам”.

Следует также иметь в виду,

что смерть Христова для спасения мира в слове Божиим редко называется жертвою. Чаше она именуется искуплением. Однако по отношению к крестной смерти это понятие должно иметь более глубокий смысл. Когда речь идет о крестной смерти Христовой как искуплении, необходимо видеть в этом указание слова Божия на то, что она приносит очищение от греха, дарует освобождение и избавление от рабства греха.

Учение Агни-Йоги трактует жертву как власть. Власть есть возможность добра. Следовательно, каждая жертва есть не лишение, а обретение блага. Немецкий философ Ф. Ницше был убежден, что жертвы, которые мы приносим, доказывают лишь, сколь незначительной делается для нас любая другая вещь, когда мы любим нечто. А наш соотечественник Ф.М. Достоевский писал в своем дневнике: "Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая интересы своих братьев и свое отечество". Его мнение целиком разделял и Лев Толстой: "В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее".

Каждый значительный человек оставляет нам свои идеи и свой образ. Образ Януша Корчака, пожилого человека с добрыми, пронизательными глазами, сливается с его идеей. Он прожил красивую жизнь: был известным врачом, лечил раненых в русско-японской войне начала века и в двадцать девять лет сделал окончательный выбор — отказавшись от семьи, от личной жизни, чтобы всего себя посвятить детям-сиротам. В большом доме, отданном детям, он поместился в маленькой комнатке под крышей. Здесь он ночами писал сказки для детей и книги о воспитании для взрослых, а дни проводил в уроках с детьми. Преданность отца детям, преданность ученого науке и преданность писателя литера-

туре были для него одно и то же: счастье, которое знают только педагоги. От выбора, однажды сделанного, Януш Корчак ни разу не отступил.

Вот фрагмент из рассказа очевидца об отправке Корчака и его дома сирот из варшавского гетто в Треблинку: "Я был на умшлаглаце, когда появился Корчак с детьми. Люди замерли, точно перед ними предстал ангел смерти... Так, строем, по четыре человека в ряд, со знаменем, с руководством впереди, сюда еще никто не приходил. "Что это?!" — крикнул комендант "Корчак с детьми", — сказали ему, и тот задумался, стал вспоминать что-то, но вспомнил лишь тогда, когда дети были уже в вагонах. Комендант спросил Корчака, не он ли написал "Банкротство маленького Джека". — "Да, а разве это в какой-то мере связано с отправкой эшелона?" — "Нет, просто я читал вашу книжку в детстве, хорошая книжка, вы можете остаться, Доктор..." — "А дети?" — "Невозможно, дети поедут". — "Вы ошибаетесь, — крикнул Доктор, — вы ошибаетесь, дети прежде всего!" — и захлопнул за собой дверь вагона".

Корчак знал, что до самого конца он должен всем добром, которое еще есть на свете, всеми сказками, всей кровью сердца отбивать, отталкивать надвигающиеся неотвратимо страдания и гибель. Сберегать детей, пока они живы, а потом... Потом вместе с ними умереть.

Он это и совершил. Сказки окутывали страшный поезд, везущий ребят в затянутую дымом газовых камер Треблинку. Жизнь детей продолжалась. И пока это было возможно, до последней секунды, Корчак пытался взять на свои плечи страдания двух сотен доверившихся ему детей. На следующий день Януш Корчак погиб вместе со своими детьми в лагере смерти...

Вспоминаются слова филосо-

фа средневековья Мишеля Монтеня: "Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее". Нас заставляет безмерно страдать смерть близких, чья-то преждевременная или мучительная смерть. Сознательный же выбор мученической смерти обычно становится легендой и принимается как подвиг. Януш Корчак, польский педагог-гуманист, не спас своих детей и не мог их спасти, но он не оставил их перед лицом смерти, точно так же, как не оставлял он их перед лицом жизни. Это, по сути, есть не только любовь к детям, но и любовь вообще (как святость, духовность). Любить — значит не оставлять живое существо перед лицом жизни. Как говорили в античные времена, всякий человек столь же хрупок, как все прочие, всякий одинаково не уверен в завтрашнем дне.

В истории России особенно много замечательных примеров подвижничества и самопожертвования. Так, в XIV в., когда Русь находилась под гнетом татаро-монгольских завоевателей, преподобный отец Сергий в Радонежской пустыни принимал тысячи паломников, помогая им освободиться от "нравственного разорения", причиненного ордой, а затем благословил на подвиг князя Дмитрия Донского, одержавшего решающую победу над завоевателями на Куликовом поле в 1380 году. В условиях крепостной России свой нелегкий выбор пришлось делать многим талантливым просветителям, деятелям науки, культуры, искусства: А.Н. Радищеву, П.Я. Чаадаеву, А.И. Герцену, Н.Г. Чернышевскому, Ф.М. Достоевскому и многим другим, а также представителям последующих поколений борцов за освобождение Родины от гнета самодержавия. Всех их — декабристов, революционных демократов, про-

летарских революционеров — осянела вера в справедливость своего дела.

Представления человека о смысле жизни формируют у него веру в правоту своих поступков. Это придает ему уверенность в себе, которая и позволяет подчас интуитивно, не размышляя, принимать решения, выбирать ту или иную линию поведения. А иногда и сознательно приносить себя в жертву. Впрочем, также сознательно твоей жизнью могут распорядиться и другие. И это не редкость.

Болгарский историк Б. Иосифова подробно описала допрос декабриста Михаила Лунина. В следственной комиссии его допрашивал однополчанин генерал Чернышев. Через три месяца после этого Лунин был отправлен по этапу в Сибирь, через 10 лет — на поселение, где спустя 5 лет погиб при таинственных обстоятельствах. Чернышев через четыре месяца после допроса получил графский титул, через год стал военным министром, через 15 лет — князем, а через 23 года — светлейшим князем. Через 30 лет этот бездарный генерал потерпел поражение в Крымской войне и вышел в отставку. Таковы два выбора жизненного пути, две судьбы. Одна, тяжелая и трагическая, была дорогой в бессмертие; другая, внешне благополучная и даже блистательная, привела к позору.

Если смотреть на жизненный путь декабристов глазами мещанина, обывателя, с позиций потребительской психологии, то действительно может возникнуть вопрос: чего не хватало им в жизни? Ведь А. Орлов в 26 лет стал генералом, генералом был и М. Фонвизин. П. Пестель — сын генерал-губернатора Сибири, А. Ентальцев — подполковник, С. Волконский, С. Трубецкой и А. Одоевский — князья. В доме И. Анненкова было 150 лакеев, 14 поваров... Насколько велика была у

этих людей сила веры, нравственного убеждения, чтобы блестящей офицерской карьере предпочесть виселицу, кандалы, каторгу, голод и лишения!

Какое же место осознанная и добровольная жертвенность занимала в русской армии XIX — начала XX в.? Насколько естественными и внутренне приемлемыми считались в среде русского офицерства соотношение и взаимозависимость долга и самопожертвования?

Чувство долга, разумеется, во все времена следует считать величайшей из добродетелей в глазах государства. Наличие его желательным в каждом гражданине; оно необходимо и врачу, и священнику, и офицеру, но лишь в офицере русской армии выполнение долга равнозначно смерти. Врачи были этичнее адвокатов, потому что в них сознание долга сильнее. Священники были этичнее педагогов, потому что в них сознание долга было более возвышенным. Офицеры были этичнее всех, потому что их осознание долга было напряженнейшим ("не щадя жизни своей") и возвышеннейшим ("душу свою за други своя"). Это не теория и не лирика, это действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства полегла на войне 1914 — 1917 гг., а оставшиеся в живых все, за малым исключением, были многократно ранены. Так, в лейб-гвардии гренадерском полку из 75 офицеров были убиты 64, в Туркестанском стрелковом полку убито 80 процентов кадровых офицеров. Эти два примера взяты наудачу, но все полки являли в то время столь же страшную и восхищающую картину. Были полки, которые, выступив в поход 1914 г. под командою 60 кадровых офицеров, имели через год в строю только трех из них (См.: Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий и др. Российские

офицеры / Под общ. ред. А.Б. Григорьева. М., 1995).

Заметим, что потери России в первой мировой войне составляли 7 млн. 917 тыс. человек: 1 млн. 300 тыс. убитыми, 4 млн. 200 тыс. ранеными (из них умерло 350 тыс. человек) и 2 млн. 417 тыс. пленными. При этом потери в офицерском составе оценивались в 90 тыс. убитыми и ранеными и в 17 тыс. пленными и пропавшими без вести (См.: Н.Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х томах, Париж, 1939. Т. 1).

Выполнение долга вело к самопожертвованию в боях и к добросовестности в будни, в повседневном исполнении обязанностей. Было бы неправдой сказать, что все офицеры были образцом во всех отношениях, но можно утверждать, что небрежных к службе, недобросовестных офицеров почти не было, а если и были, то общим осуждением им со стороны сослуживцев стало слово "ловчила". Ловчить означало неаккуратно посещать службу, уклоняться от тягостных командировок или нарядов и т. д. Но если не обращать внимания на этих одиночек (в семье не без урода), то надо сказать, что офицерство несло службу ревностно, исправно и подтянуто — не было ни внешней, ни душевной расхлябанности. Этим офицерство выгодно отличалось от многих иных профессиональных групп, где внешняя небрежность не считалась зазорной, и от тех немногих профессиональных групп, где основными принципами были: "не обманешь — не продашь" или "от трудов праведных не наживешь палат каменных". Даже та категория офицеров, которая в русско-японскую войну заслужила суровые упреки — интенданты, в последующие годы была приведена в порядок и в войну 1914 — 1917 гг. оказалась на высоте этических требований.

Готовность к подвигу, героическому поступку зависит главным образом от идейной убежденности человека, его нравственной зрелости, силы чувств.

Постараемся представить сам процесс формирования героической поступка, его внутреннюю природу. Личность глубоко осознает возможные последствия предстоящего шага, хотя этот процесс и длится иногда лишь мгновение. Подобное осознание обычно сопровождается проявлением сильных чувств: патриотизма, воинской чести, боевого возбуждения, ненависти к врагу. Истинно героичен тот поступок, который совершается на основе общественного (социального) мотива, непременно ставшего личным. Честолюбие тоже может иногда служить мотивом мужественных поступков, но в известных пределах, если они не противостоят интересам общественным. Если этого нет, честолюбие может перейти в тщеславие, обычно ведущее человека к ложному, показному героизму, а скорее — ничем не обоснованному геройству.

Здесь формируется внутреннее решение, включающее в себя определение цели поступка и средств ее достижения. И наконец, заключительный этап — сознательное мощное волевое действие, бросок к цели: проявление всех духовных и физических сил и способностей для претворения своего решения. Иными словами, героическое есть своеобразное диалектическое единство духовного и деятельно-практического. В духовной сфере доминируют морально-политические, идейные элементы, в деятельно-практической — волевые.

Герой Советского Союза летчик-испытатель Марк Галлай заметил в одной из своих книг, что знания, умения, опыт иногда не только подкрепляют собой эту смелость, но даже принимают часть ее функций на себя. Мастерство, компетентность, про-

фессионализм укрепляют уверенность человека в своих силах, делают более эффективными его действия и поступки. Естественно, возникает закономерный вопрос: а как соотносятся героическое и собственно мужество, и в чем последнее проявляется?

Давно известно, что мужество отражает способность человека подавить чувство страха, отрицательные эмоции, трезво видеть и оценивать опасность. Это важное морально-боевое качество нередко оказывается решающим, особенно в ситуациях, требующих длительного, устойчивого проявления силы духа и воли, настойчивости и упорства. Таким образом, героизм и мужество близки по своей природе и характеру. Мужество создает интеллектуальные и волевые предпосылки подвига. Человек, совершивший подвиг, — всегда мужественный человек. Можно даже сказать, что подвиг — вершина мужества.

В героической истории нашего народа и армии навсегда останется имя Дмитрия Михайловича Карбышева. Фашисты захватили его на поле боя, когда он был в бессознательном состоянии. Они предложили крупному советскому военному специалисту сотрудничать с ними. Советский генерал с презрением отверг это и последующие подобные предложения. Ему сулили большие награды, угрожали, пытали — ничто не сломало воли Дмитрия Михайловича, он геройски погиб, не изменив Родине, не изменив себе. Что же давало патриоту силы сохранить стойкость в невероятно тяжелых условиях фашистских застенков? Ответом могут служить слова Карбышева, брошенные им в лицо врагам: "Мои убеждения не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе".

В годы Великой Отечественной войны многие советские воины шли на самопожертвование, которое является высшим нравственным поступком. Так, политрук

А.К. Панкратов в августе 1941 г. под Новгородом, сержант В.В. Васильковский в начале декабря 1941 г. в период контрнаступления под Москвой, в бою за деревню Рябинки, рядовой А.М. Матросов в феврале 1943 г. в бою за деревню Чернушки, что под Великими Луками, телами своими закрыли амбразуры вражеских дзотов, спасая жизнь товарищей и обеспечивая выполнение боевой задачи. За годы войны такой подвиг совершили сотни героев. Ни одна страна, ни одна армия не знает примеров подобного бесстрашия, героизма, самопожертвования.

Возможно, звучит весьма парадоксально, но жизнь подтвердила: наиболее характерная черта советского (российского) воинского подвига — его глубоко осознанный характер. Легендарный разведчик Н.И. Кузнецов однажды написал в письме своему любимому брату Виктору: "Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. Я и хочу откровенно сказать тебе, дорогой брат, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко осознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины". Николаю Ивановичу Кузнецову было тридцать два года. Всего тридцать два...

Конечно же, самопожертвование тесно связано с честью, поскольку одним из «корней» своих берет начало в чести, «подпитывается» от нее. В книге "Не-

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

воля и величие солдата” Альфреда де Виньи есть такие слова: “Какое-то неизъяснимое жизненное начало присуще этой странной, гордой добродетели, которая стойко держится, невзирая на все наши пороки, и даже как-то соотносится с ними, развиваясь за счет их усилия. ...Эта добродетель исключительно человеческая, словно порожденная самою землею, не сулящая небесного венца после смерти: добродетель эта неотделима от жизни... Это суровая религия, не знающая ни символов, ни образов, ни обрядов... Это убеждение, которое как будто еще свойственно всем и безраздельно господствует в рядах армии, зовется честью” (курсив мой. — А.Щ.).

Понимание чести декабристами не совпадало со взглядами и принципами императора.

Во время допроса Ивана Анненкова Николай I задал ему вопрос:

— Если вы знали, что есть такое общество, отчего вы не донесли?

— Тяжело и нечестно доносить на своих товарищей, — ответил Анненков.

— Вы не имеете понятия о чести, — кричал император. — Знаете вы, чего заслуживаете?

— Смерти, государь.

— Вы думаете, что вас расстреляют, что вы будете известны. Нет, я вас в крепости сгною!..

И снова, в который раз император столкнулся с этим странным для него, наполненным другим содержанием пониманием чести.

...А вот перед ним стоит сын знаменитого генерала Раевского, Александр Раевский, брат Марии Волконской. Александр не был декабристом. Но он знал о существовании тайного общества.

— Что же ваша клятва? — недовольно хмурился император.

— Государь! Честь дороже клятвы. Если презреть первую, человек не сможет жить, а без второй он сможет просуществовать.

“Со всем человек может свык-

нуться, — писал из заключения Александр Иванович Одоевский, — кроме того, что оскорбляет человеческое достоинство”.

Пушкин направил своим товарищам в Сибирь стихи, в которых просил их хранить “гордое терпение”. Хранить с достоинством и гордо.

На следующий день после восстания Иван Пущин мог еще спасти. Его одноклассник по лицу молодой князь Горчаков принес ему паспорт для отъезда за границу, но Пущин отказался...

Мы знаем, что далеко не равным был поединком между декабристами и Николаем I. Формально в нем побеждал всесильный в данном случае император. Но в схватке за человеческое достоинство, за честь и гражданственность победителями выходили молодые честные сыны России. Они с удивительным спокойствием преподносили ему пример другой, не известной до того морали.

Многие отношения между людьми касаются только их самих: они скрыты от общества и поэтому не могут ни направляться, ни регулироваться им. При столкновении различных уровней долга между собой человек вынужден самостоятельно оценивать каждый из них и принимать верное решение. Ситуации в поведении людей настолько многообразны, что общество не в состоянии выработать требования на все случаи жизни. Да и нужно ли это? Наконец, у нравственно развитого человека возникает необходимость делать добро не только по велению общества, но и из внутренних потребностей. Например, человек, спасая другого, гибнет сам. Долг — помочь другому в беде — существует (“сам погибай, товарища выручай”). Но общество не обязывает человека погибать, помогая другому. Что же заставляет человека идти на такое самопожертвование, нередко называемое подвигом?

В конце 80-х в одной из частей внутренних войск случился пожар. Во время его тушения отважно действовал сержант Бахитжан Шакшакаев. Вот что было написано о нем в те дни в войсковой печати: “Нет, Шакшакаев не искал намеренно встречи с опасностью. Просто понимал, что должен быть там, где труднее. Несколькими раз на Бахитжане загоралась одежда. Он обливал себя водой и снова бросался в огонь и дым, чтобы спасти от слепой стихии как можно больше имущества, чтобы помочь воинам, попавшим в трудное положение... Пламя отрезало пути отхода...”

Когда готовились документы для представления сержанта Шакшакаева к ордену Красной Звезды (посмертно), в донесении были такие слова: “...Сержант Шакшакаев погиб героически”. “Героически” — вот самое емкое определение, раскрывающее поведение военнослужащего в ситуации, когда проверялись мужество и самоотверженность.

Увидеть в глазах товарищей по службе упрек, а то и презрение — самое страшное наказание для совестливого человека, которому дорога и своя честь, и честь своего подразделения, коллектива. Не зря говорят, что совесть — это гнев, обращенный человеком внутрь, на самого себя. Но уронив честь своего коллектива, военнослужащий обращает на себя моральное осуждение, гнев всех, а хуже этого для человека, не потерявшего совесть, нет ничего на свете.

... Незадолго до гибели своих детей Януш Корчак написал: “Если бы можно было остановить солнце, то это надо было сделать именно сейчас”.

Солнце остановить нельзя. Можно совершить подвиг...

**Подполковник милиции
Александр ЩЕГЛОВ,
кандидат педагогических наук**

К 200-летию МВД России

ЕГО ЖАЛОВАЛ НИКОЛАЙ II И НЕНАВИДЕЛ РАСПУТИН

В. Ф. Джунковский

«Все документы о скандале сконцентрировались в сейфе шефа жандармов Джунковского; с докладом к царю он пришел в приемную императора, где случайно напоролся на Распутина.

— А-а, ты здесь... Тебя-то мне и надобно!

Нервный генерал по всем правилам бокса нанес острый хук в подвздошину. Распутин от боли открыл рот, но... безмолвствовал. Свинг в челюсть склонил его голову на левое плечо. Джунковский прямым снизу поправил ее — и она повисла на правом плече. Последовал заключительный апперкот — Распутин мешком осел на пол...»

В. Пикуль
«Нечистая сила»

Был ли таким визит жандармского генерала в царский дворец, как то живописует в своем историческом романе известный писатель, история умалчивает. Может быть, все происходило совсем по-другому. Впрочем, автор художественного произведения имеет право на вымысел.

Однако в данном эпизоде допущена одна существенная неточность: Джунковский был не шефом жандармов, а командиром Отдельного корпуса жандармов — специального военного формирования, выполнявшего в составе МВД роль политической полиции. А посему, званием шефа по отношению к блюстителям порядка был облечен министр внутренних дел. Он и должен был, в соответствии со своим статусом, докладывать царю о безобразиях его фаворита. Однако эту неблагоприятную миссию возложил на себя Джунковский — заместитель

министра и сразу же попал в опалу...

К началу 1915 года противоречия, возникшие в высшем свете и окружении императора Николая II, обострились до предела. Одной из главных причин раздоров являлся фаворит царской семьи Григорий Распутин. Полицейское досье на «святого старца» пухло день ото дня — агентурные донесения и всевозможные справки о распутстве проходимца текли рекой в штаб корпуса жандармов. Содержащаяся в них информация была для царствующего дома бомбой замедленного действия. Выплеслись вся правда со страниц газет в общество, и взрыв народного гнева тотчас сметет трехсотлетнюю романовскую династию.

Все донесения, как того требовал артикул, ложились на стол командира Отдельного корпуса жандармов генерал-майора В. Ф. Джунковского. Первым в толстой

папке был документ, присланный из Москвы. Полицейский пристав второго участка суцевской части подполковник Семенов докладывал: «26 марта 1915 года около десяти часов вечера в ресторан «Яр» прибыл в сильной стадии опьянения Григорий Распутин. Заняв отдельный кабинет, вызвал по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости сезона» Семена Лазаревича Кагульского и пригласил женский хор. Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер. Он разделся и в голом виде продолжал вести беседу с певичками хора».

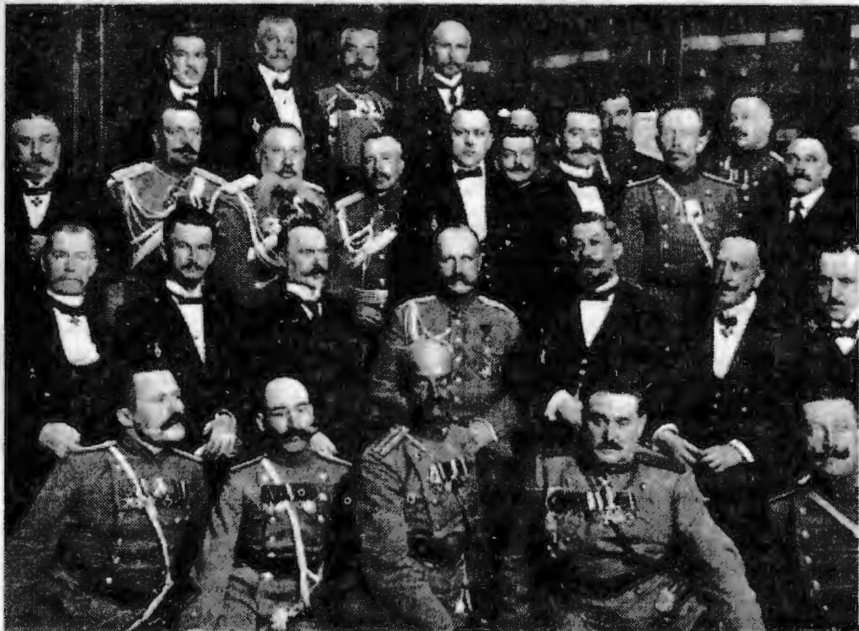
Жандармский генерал брезгливо поморщился: «Кажется, действительно монархия, а с ней и Россия идут к своему концу. Гришка Распутин окончательно подорвал доверие к и без того крайне шаткому царскому самодержавию». С этими мыслями, отложив папку с документами, генерал решил на крайний шаг. Он подготовил подробную докладную записку о скандальных кутежах и пьяных похождениях Распутина, о его непристойных высказываниях в адрес императора и членов его семьи. Не желая подводить министра в случае неудачи, Джунковский представил документ царю от своего имени, как частного лица. Одновременно он отдал распоряжение снять негласное наблюдение за высокопоставленными особами, критикующими царя и его окружение. Генерал как бы признавал их высказывания об императорском окружении совершенно обоснованными.

Визит главы жандармов во дворец состоялся 1 июня 1915 года в 10 часов вечера. Из-за столь позднего времени в царской приемной никого, кроме дежурного флигель-адъютанта, не было. Поэтому боксерского поединка, о котором пишет в своем романе Валентин Пикуль, состояться не могло.

О том, как реагировал Нико-

лай II на неприятную для него информацию, можно узнать из воспоминаний Джунковского: «Сначала, как мне показалось, несвязно, очевидно, от волнения, начал я докладывать Государю, как проводит Распутин время вне Царского Села, но потом, мало-помалу воодушевляясь и видя, что Государь внимательно слушает меня и не останавливает, я все сме-

огда-либо. Однако вскоре императрица сумела убедить своего супруга, что кутил в ресторане «Яр» вовсе не Распутин, а кто-то другой, назвавшийся его именем. Что все изложенное в докладе генерала подстроено врагами престола, которых тот покрывает, дабы скомпрометировать царствующую династию. Неспроста же он снял полицейское наблюдение

Генерал-майор В. Ф. Джунковский (в центре) среди участников совещания по совершенствованию сыскной деятельности полиции. 1914 год

лее и убедительнее стал доказывать все то зло, которое Распутин приносит династии, а тем самым и России. Государь не проронил ни слова, все время пристально смотрел мне прямо в глаза и очень внимательно слушал, только бледность лица выдавала его волнение». Аудиенция затянулась до половины первого ночи. Наконец император, поблагодарив Джунковского за преданность, распрощался с поздним визитером.

После такой объективной информации Распутина на два месяца отлучили от двора. Напротив, с жандармским генералом государь был более любезен, чем

за оппозиционно настроенными к царствующему дому.

Гром над головой жандармского генерала разразился неожиданно. 15 августа министр внутренних дел вручил ему записку следующего содержания: «Настаиваю на немедленном отчислении Джунковского от должности с оставлением в Свите. Николай».

Распутин торжествовал. Свою победу он отметил, как всегда, в ресторане, в кругу друзей. По донесению полицейского агента, кумир императрицы во время пьянки откровенничал со своим другом, князем Андрониковым: «Док-

лад этот вызвал на меня сильный гнев царя. Таким я его никогда до того и не видел. После этого папа долго не пускал меня к себе на глаза. Я об этой сволочи, Джунковском, не могу ни говорить, ни слышать спокойно и очень рад, что его прогнали».

Что же за человек был этот Джунковский, так нагугавший Распутина и осмелившийся высказать царю всю правду о его фаворите?

Как свидетельствует сохранившийся в архивах послужной список «числящегося по гвардейской пехоте» генерал-лейтенанта Владимира Федоровича Джунковского, родился он 7 сентября 1865 года в Санкт-Петербурге в семье дворянина, выходца из Полтавской губернии. Род этот был знатным и своими корнями уходил в глубокую древность. Один из его основателей — воевода Ксендзовский владел в Галиции крупным поместьем Джунковка. Название имения перешло в родовую фамилию, русская ветвь которой пошла от полковника Кондратия Джунковского, жившего в конце XVII века. А по женской линии — от дочери легендарного гетмана П.Л. Полуботка, заключенного в 1723 году в Петропавловскую крепость за приверженность идеям независимости гетманской власти от русского самодержавия.

Отец будущего высокого полицейского чина — Федор Степанович Джунковский был военным. В звании генерал-майора он состоял начальником канцелярии при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче, родном брате императора Александра II. Семья была большой — четыре сына и три дочери. К сожалению, судьбы братьев и сестер Владимира Федоровича остались неизвестными.

Происхождение и положение семьи открывало перед Владимиром широкие возможности в выборе карьеры. Но он пошел по во-

енной стезе, проторенной его предками, служившими Отечеству верой и правдой. Семи лет от роду Володя был зачислен в пажи «к высочайшему двору». А в одиннадцать — поступил в Пажеский корпус, привилегированное военно-учебное заведение закрытого типа, где детей дворянской аристократии готовили для службы в гвардии.

По окончании корпуса по первому разряду в августе 1884 года Джунковского направляют на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, где в течение первого месяца он последовательно получает сразу два офицерских чина — прапорщика и подпоручика. Полком командовал великий князь Сергей Александрович — дядя будущего императора Николая II и его главный советник в государственных делах. А когда любимого преображенцами полкового командира в 1891 году назначили московским генерал-губернатором, он взял себе в адъютанты одного из своих самых образованных и исполнительных офицеров — поручика Джунковского.

Судьба Владимира Федоровича резко изменилась в 1905 году: 4 февраля московский генерал-губернатор был убит разорвавшейся бомбой, брошенной террористом Каляевым. Лишившись своего шефа, Джунковский еще полгода продолжал числиться адъютантом погибшего губернатора. В знак признания верности убиенному великому князю он был сразу же, минуя чин подполковника, произведен в полковники. А в августе того же года следует высочайший указ о назначении Джунковского московским вице-губернатором. Надо сказать, что со своими новыми обязанностями Владимир Федорович справлялся успешно и вскоре заменил московского губернатора Г.И. Кристи, ушедшего в отставку по старости. Сове-

менники справедливо считали, что Джунковский по предыдущему опыту своей работы вполне подходил для этой хлопотной и ответственной административной должности. Потому что, находясь при генерал-губернаторе, он был не просто адъютантом, а прежде всего незаменимым помощником во всех делах: он готовил документы и решения по многим административным вопросам и контролировал их исполнение.

В руках московского губернатора была сосредоточена огромная власть, распространявшаяся на территорию города и губернии. Он возглавлял губернское правление и более десятка различных совещательных учреждений — присутствий, комитетов, комиссий. С их помощью губернатор осуществлял контроль за фабрично-заводской промышленностью и жизнью рабочих, деятельностью губернской полиции, поступлением податей и налогов, набором рекрутов, функционированием крестьянских, земских и городских органов самоуправления.

За годы губернаторства В.Ф. Джунковского в Москве произошли значительные события в культурной и общественной жизни. Были открыты Московский коммерческий институт, университет имени А.Л. Шанявского, педагогический институт, Музей изящных искусств имени Александра III. При его активном содействии устанавливаются памятники Александру III, генералу М.Д. Скобелеву, доктору Ф.П. Гаазу, первопечатнику Ивану Федорову, писателю Н.В. Гоголю.

Джунковский выступал главным организатором юбилейных торжеств, посвященных празднованию 100-летия Бородинского сражения. В связи с этим примечателен такой факт. В селе Горки Можайского уезда был установлен памятник М.И. Кутузову, а участок земли под него Владимир Федорович выкупил у местной

крестьянской общины на собственные сбережения. Тогда же был построен Бородинский музей, причем часть экспонатов была приобретена также на личные средства губернатора. Однако имени Джунковского до сих пор не встретить ни в одном из многочисленных путеводителей по памятным местам Отечественной войны 1812 года.

Шестилетний период губернаторства Джунковского увенчался существенным улучшением состояния всех дел. Это было замечено и высоко оценено императором. В 1908 году он произвел Джунковского в генерал-майоры. А на «всеподданнейшем» отчете, представленном губернатором царю в начале 1912 года, с удовлетворением начертал: «Выражаю мою искреннюю благодарность Джунковскому за блестящее управление Московской губернией». Последовавшее вскоре новое назначение тоже являлось признанием его незаурядных организаторских способностей.

В январе 1913 года высочайшим указом московский губернатор был назначен «товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов». К исполнению своих новых обязанностей Владимир Федорович относился добросовестно, старался служить исключительно закону, а не личностям. В его руках была сосредоточена огромная власть. Как товарищу министра внутренних дел, ему подчинялись Департамент полиции, Технический строительный комитет и Институт гражданских инженеров, занимавшиеся проектированием и строительством объектов для МВД, а также одно из жизненно важных государственных ведомств — Главное управление почт и телеграфов.

Корпус жандармов, командиром которого также являлся Джунковский, был своеобразным

полицейским формированием с военной организацией и дисциплиной. Его численность составляла 12 700 жандармских чинов, предназначавшихся «для исполнения обязанностей по обнаружению и исследованию государственных преступлений». Кроме того, на корпус возлагалась охрана императора, членов его семьи и высших должностных лиц государства.

Познакомившись с деятельностью своего нового ведомства, В.Ф. Джунковский в первом своем приказе писал: «Отметив главные руководящие начала деятельности Корпуса жандармов, выражаю надежду, что в офицерской среде его я встречу те качества, которыми гордится Русская армия, а именно: дух товарищества, взаимного доверия и благородного прямотушия в отношении к начальникам, друг к другу и к подчиненным. Отклонения от этих принципов я не потерплю. С твердой верой в испытанные знания чинов Корпуса и его самоотверженную преданность Престолу и Родине я призываю всех к дружной и энергичной со мной работе».

Однако, как вскоре выяснилось, среди его подчиненных имелось немало вредных для безопасности государства людей, скомпрометировавших себя нечистоплотными методами розыскной работы. Среди таких оказался директор Департамента полиции С.П.Белецкий. По представлению Джунковского его вскоре уволили из МВД.

Ценивший в подчиненных прежде всего порядочность, новый жандармский командир понял, что состоявшие на службе в полиции агенты-провокаторы, работая на нескольких хозяев, приносят больше вреда, чем пользы. В мае 1914 года по требованию Джунковского был вынужден сложить свои полномочия депутата Государственной думы Р.В. Малиновский — член ЦК РСДРП и по

совместительству секретный сотрудник Департамента полиции. «Когда я вступил в должность товарища министра, я первым делом обратил внимание на провокацию и боролся против нее всеми средствами», — заявлял впоследствии Джунковский.

Но подобная «самодеятельность» высокого жандармского чина вызывала недоумение в верхах, особенно при дворе. Высказывались мысли, что, поступая таким образом, он пособничает врагам престола и Отечества. А вскоре Джунковский допускает еще один прокол. На сей раз с Распутиным...

После отстранения от руководства жандармами Владимир Федорович около двух месяцев оставался не у дел. Наконец в ноябре 1915 года его просьба об отправке на фронт была удовлетворена. В действующей армии опытному генералу доверили всего лишь стрелковую бригаду. Но несмотря на такое унижение, Джунковский достойно исполнял свой воинский долг. Любопытна аттестация, данная ему 30 июля 1916 года генерал-лейтенантом А.Е.Редько: «С большим жизненным опытом и пониманием людей. Отлично поставил себя в дивизии, где пользуется общими любовью и авторитетом. Дело военное любит и предан ему до глубины души. В бою очень спокоен, правильно оценивает обстановку. Прекрасно владеет собой, умеет это передать и окружающим. За девять месяцев работы во время войны приобрел необходимые опыт и знания, а потому считаю его заслуживающим выдвижения на должность начальника дивизии».

Повышение, о котором говорилось в аттестации вышестоящего командования, состоялось лишь в декабре 1916 года. За два месяца до февральской революции Джунковский стал начальником 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

ПЕТРОСПЕКТИВА

На его личном счету было более шестнадцати успешно проведенных боевых операций и выигранных боев местного значения. Однако за два года, проведенных на фронте, боевого генерала удостоили всего лишь одной-единственной награды — мечами к уже имевшемуся ордену Св. Владимира 2-й степени...

После февральской революции Джунковский получил чин генерал-лейтенанта. А в июне того же года был вызван в Петроград, где предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией, созданной Временным правительством для расследования деятельности свергнутого режима. К Джунковскому особых претензий предъявлено не было, а недавняя опала стала дополнительным свидетельством в его защиту.

Генерал вернулся на фронт. В сентябре того же года по решению солдатского комитета он был «допущен на должность командира 3-го Сибирского армейского корпуса». Но после октябрьского переворота Джунковского вновь доставили в Петроград. На сей раз в Смольный и по распоряжению В.А. Антонова-Овсеенко заключили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Ему, как царскому сатрапу, грозил расстрел. Но другие члены ВРК сочли арест недоразумением, и генерала вновь отпустили на свободу. В декабре семнадцатого по распоряжению новых военных властей «числящийся по гвардейской пехоте» боевой генерал был уволен из армии «с мундиром и пенсией» якобы из-за неспособности по болезни продолжать службу. Сам же Джунковский свою отставку объяснял иначе: «Продолжать военную службу для меня не имело смысла, участвовать в развале армии я находил противным своей совести». К власти пришли идейно убежденные дилетанты, профессионалы им были не нужны...

Но на этом мытарства Джунковского не закончились. Они только начинались. В 1918 году, после объявления «красного террора», его вновь арестовали. И не расстреляли только из-за той принципиальной позиции, которую он занимал по отношению к царскому окружению. В ноябре Владимир Федорович предстал перед Верховным революционным трибуналом при ВЦИКе как свидетель по делу провокатора Р.В. Малиновского. На вопрос председательствующего о провокаторстве подсудимого Джунковский откровенно ответил: «Когда я узнал, что он состоит в числе секретных сотрудников Департамента полиции и в то же время занимает пост члена Государственной думы, я нашел совершенно несоместимым одно с другим».

Малиновского большевики расстреляли. Но вскоре и Джунковский из свидетеля превращается в обвиняемого. На сей раз по делу о «посылке вооруженной силы для подавления революционного восстания на Ляминской мануфактуре при станции Яхроме» в 1905 году. И хотя в приговоре отмечалось, что по его распоряжению не было расстрелов рабочих, а напротив, он «проявлял мягкость и гуманность», приговор был однозначным — 5 лет лишения свободы за то, что являлся «убежденным монархистом» и «независимо от своей доброты должен был проводить подавление народного пробуждения». Но все же тюремщики проявили к бывшему генералу некоторую гуманность. Из-за ухудшения состояния здоровья ему был ослаблен режим содержания с помещением в больницу. Там он пользовался относительной свободой, вел переписку с родными и близкими.

В феврале 1921 года по постановлению МЧК Джунковского вновь заключают в Таганскую тюрьму. В постановлении подчеркивалось, что больничный ре-

жим, предоставленный арестанту, может «причинить вред Республике». Однако осенью того же года уже по распоряжению ВЧК, подписанному И.С. Уншлихтом, Джунковского освобождают из-под стражи. Он поселяется у сестры и усиленно работает над воспоминаниями, сыгравшими в судьбе их автора роковую роль. Рукопись мемуаров в 1929 году послужила ОГПУ формальным основанием для обвинения бывшего жандармского генерала, а ныне церковного сторожа в участии в «заговоре монархистов». Но на этот раз Джунковский отделался сравнительно легко — его лишь выслали из Москвы.

В 1937 году Наркомат внутренних дел под руководством Ежова добирал остатки дворянства, подлежащего окончательному уничтожению. Теперь поводом для ареста Джунковского послужили доносы двух дворников из подмосковной Перловки, где после выселения из Москвы обитал один из «последних осколков монархии». На следствии Владимир Федорович ни в чем себя виновным не признал. Но это и не играло в те времена никакой роли. 21 февраля 1938 года по постановлению особого совещания УНКВД по Московской области В.Ф. Джунковский был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу «за контрреволюционную агитацию и пропаганду».

В 1989 году бывшего жандарма реабилитировали посмертно. Оказалось, что никакой агитации и пропаганды против большевиков он не проводил и врагом народа не был.

Крепка же была советская власть, если боялась лояльного к ней семидесятитрехлетнего старика...

Полковник
Николай СЫСОЕВ

же мы должны верить всему тому, что вы написали в анкете?

Дождавшись, пока арестант придет в себя, холеный старший лейтенант вновь стал цитировать анкетные данные своего подопечного: «Имею одного брата по рождению — Льва Троцкого. Живет за границей. Род занятий его не знаю, так как я с ним ничего общего не имел никогда, а теперь подавно не имею. Дядей, теток не имею. Все поумирали».

На губах Гутича вновь заиграла дьявольская улыбка, от которой Бронштейну стало не по себе.

— А все ли поумирали? — спросил следователь. — Будем проверять. До тех пор, пока не установим истину.

За Бронштейном захлопнулась дверь камеры. Зловеще лязгнул наружный запор. Внутренняя тюрьма управления госбезопасности УНКВД по Курской области приняла очередного и очень важного, с точки зрения чекистов, врага народа. На следующий допрос не вызывали целую неделю. Этого времени арестанту хватило сполна, чтобы перестать в памяти всю свою жизнь.

За три недели до ареста, 1 марта 1937 года, Александр Давидович вместе с женой Еленой Иосифовной, урожденной Бердичевской, отметил свой 67-й год рождения. Сколько воды утекло с тех пор, как они поженились! После свадьбы его отец, далеко не бедный еврей-земледелец, выделил молодоженам из своего большого хозяйства всего лишь девять десятин земли, две коровы, две лошади и сказал: «Это-таки все». Среди немец-колонистов, составлявших большинство населения херсонского села Громоклей, так было принято: отделяя повзрослевших сыновей, не баловать их солидными наделами. Пусть, мол, наживут богатство сами. Так поступил и старший Давид Бронштейн.

Но стать крепким хозяином у молодого Бронштейна не получилось. А тут подвернулся счастливый случай. В 1915 году сосед-немец порекомендовал его помощником управляющего в хозяйство князя Васильчикова, которое находилось в Воронежской губернии. «Их сия-

тельство» жил в ногу со временем — занимался предпринимательством, имел два сахарных завода. Познакомившись со своей новой должностью, Александр быстро смекнул — это и есть его шанс без особых усилий достигнуть успеха. Он продал все и со своей многочисленной родней поехал на новое место. Управляющий имением Животовский хмыкнул, увидев неказистого с виду нового помощника. Однако Бронштейн вскоре обснакал управляющего и все прибрал к своим рукам.

Приходя домой с работы, Александр Давидович наслаждался тем, о чем мечтал: дом — полная чаша, доверие хозяев, подобострастные поклоны крестьян, за обеденным столом собираются пятеро детей — наследников. Советская власть тоже не сказала отрицательно на благосостоянии семьи. Все дети выбились в люди. Старший, Борис — большой человек в Москве. Сначала работал в Главсевморпути, носил шикарный морской мундир с красивыми нашивками. Теперь ответственный работник Наркомпищепрома. Другой сын — Лева — кинорежиссер. Все три дочки удачно вышли замуж. Муж Матильды — М.Б. Менкес высоко взлетел по линии журналистики, был заместителем заведующего ТАСС, сейчас работает в самих «Известиях». У второй дочки тоже все хорошо, ее муж — П.Г. Успенский имеет солидный кабинет в Главсахаре. Младшенькая Анна учится на рабфаке, будет образованной, тоже замужем за хорошим человеком.

...Воспоминания старика оборвал резкий окрик надзирателя: «Бронштейн, на допрос». В кабинете следователя Александру Давидовичу вновь пришлось вспоминать своих родственников.

«Вопрос: Расскажите, в каких взаимоотношениях вы находитесь с вашим братом Троцким Львом Давидовичем и о ваших связях с ним.

Ответ: Брат мой Лев Давидович Бронштейн — Троцкий родился после меня лет через 12 или 13. Я в то время жил вместе с отцом. Когда моему брату Льву было около 10 лет, отдали его учиться в город Одессу. Учился он там лет 8 и приезжал домой только на каникулы. Вскоре после окончания реального училища

его арестовали. В каком это было году, не помню. И после ареста я его не видел до 1917 года.

В 1917-м, в марте месяце, я ездил с отчетом по сахарному заводу в Петроград и тогда встретился со своим братом Троцким Львом в Смольном, в его кабинете. Был я у него очень мало и говорил с ним только как с родственником, с которым долго не виделся.

Второй раз я встречался с братом в 1919 году, когда он приезжал на Воронежский фронт. Я ходил к брату на вокзал, в его вагон. Эта встреча тоже была непродолжительной».

Расписываясь в протоколе допроса, старик понял, что сделал первый шаг в бездну. Но он и не предполагал, что его судьба была предreshена еще 26 августа 1936 года. В ту ночь заведующая парткабинетом Курского горкома ВКП(б) Екатерина Лашина не могла уснуть. Она писала заявление в облуправление НКВД о том, что под боком у чекистов «свил осиное гнездо» родной брат самого Троцкого. Автор доноса была давней знакомой семьи Бронштейнов. Хорошо знала главу семьи и его жену Елену Иосифовну — еврейку с замашками барыни. В детстве играла с их детишками. Часто слышала там фамилию «Троцкий».

Она писала всю ночь: «С 1928 года я Бронштейна не видела, но уверена, что он по своей подлой натуре способен на всякие пакости, хотя за последние годы, примерно с 1925 года, он держит себя тише воды и ниже травы». И в газетах, и по радио коммунистов призывали безжалостно выжигать троцкистскую заразу каленым железом. Что и делала доносительница с чистой совестью.

Однако в органах письму бдительной коммунистки почему-то не придали значения. Почти год оно пролежало в оперативном деле УГБ. Но в начале марта 1937 года заместитель начальника управления майор госбезопасности Самойлов вспомнил о доносе, когда почувствовал, что план по разоблачению троцкистов не выполнится. Он вызвал начальника 4-го отдела старшего лейтенанта госбезопасности Шувалова, вручил ему донос и рас-

порядился: «Реализуйте. Представьте все как результат вашей работы. Даю вам шанс отличиться».

Машина политических репрессий заработала в полную мощь.

«Вопрос: Расскажите следствию о местонахождении ваших родственников.

Ответ: Мой брат Лев Давидович Троцкий проживает за границей. Выслан. Он женат, его жена — Наталия Ивановна, фамилию ее не знаю, где находится, не знаю. В квартире у Троцкого в Москве не бывал, так как он жил в Кремле и посещение его было связано с большими хлопотами. У Троцкого два сына — Лев и Сергей, которые являются моими племянниками. Лев Львович Троцкий, он же Седов, находится за границей. А Сергей Львович проживал в СССР и примерно лет пять тому назад работал инженером на Урале. Это я слышал от кого-то из своих родственников».

Прочитав материалы дела, майор Самойлов вызвал на ковер всех сотрудников отделения. Выражение его лица не предвещало для подчиненных ничего хорошего.

— На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), — с пафосом начал майор совещание, — было отмечено, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на четыре года. А насколько запоздали мы? У нас под носом с 1928 года свил осиное гнездо родной брат врага народа Троцкого. И вот он у нас в руках, а товарищ Кожевников с ним либеральничает, вместо того чтобы сорвать с него маску. Нужно поднять не только все его связи, но и собрать доказательства виновности перед советской властью. А мы уже неделю топчемся на месте.

Спустя полчаса Бронштейн уже находился в кабинете следователя и читал обвинительное заключение. В нем черным по белому было написано, что он, «будучи братом врага народа, террориста Троцкого Л.Д., был с ним связан. Также был связан с его сыном Седовым. Кроме того, работая на Дерюгинском и Кисляйском сахарных заводах,

проводил контрреволюционную деятельность, направленную против мероприятий советской власти», то есть обвиняется в преступлениях, предусмотренных статьей 58-10 УК.

— Распишитесь, — сухо произнес лейтенант госбезопасности и отвел взгляд от дрожащего от страха арестанта. Следователь понимал, что предъявленных обвинений недостаточно: они надуманны и неконкретны. Ну что значит «проводил контрреволюционную деятельность»? В чем эта деятельность заключалась? И какие последствия наступили? Надо бы этого Бронштейна еще попытать.

Дополнительные показания обвиняемого от 3 апреля 1937 года: «Кроме сыновей, у Троцкого было две дочери от его первой жены Соколовой. Имя и отчество Соколовой не помню. Где она находится, не знаю. Знаю, что Троцкий с ней расстался еще до революции, когда они бежали из ссылки за границу. Его дочери Зина и Нина умерли несколько лет назад».

Дополнительные показания обвиняемого от 5 апреля 1937 года: «Моя сестра Ольга Давидовна Каменева была замужем за террористом Каменевым Львом Борисовичем, но последнее время с ним не жила. У нее было от Каменева два сына, которые являются моими племянниками. Где они сейчас, мне неизвестно».

Следователь торжествовал. Вон как все обернулось! С самим Каменевым, расстрелянным еще в прошлом году, находится в родстве. Как все переплелось! А сначала юлил: не помню да не знаю. Все, мол, поумирали. Маскировался, троцкистская гадина.

А тут еще оперативники того райотдела внутренних дел, где жил Бронштейн, постарались. Подбросили любопытный материал. Оказалось, что Бронштейн был высокомерен и груб с работниками сахарного завода, на котором до пенсии трудился управляющим. И не дай Бог стать на его пути — сотрет в порошок. Крестьяне тоже в один голос утверждали, что при расчетах за поставки сырья и продуктов Бронштейн их обвешивал и обсчитывал. Ну чистая контра.

Еще один компромат был неожиданно обнаружен в газете «Известия». В одной из статей рассказывалось о записках английского шпиона и диверсанта Дориана Блера. В ней говорилось, что в 1917 году во время наступления Юденича на революционный Петроград он, иностранный агент, раздобыл «лимузин для брата Троцкого». Все, последняя точка, и очень жирная, в этом важном деле поставлена. Враг, умело скрывавшийся под маской честного совслужащего, изобличен.

25 апреля 1938 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством диввоенюриста Горячева приговорила Бронштейна Александра Давидовича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно. А до убийства главного «троцкиста» — Льва Троцкого оставалось еще два года...

Вместо послесловия. Из заключения, подписанного 15 ноября 1991 года прокурором по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональным и международным правовым вопросам Прокуратуры СССР В.И. Ежовым: «В соответствии со статьей 1 Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов», приговор в отношении Бронштейна А.Д. признан незаконным, и он по настоящему делу реабилитирован». Курьез истории: один Ежов подвергал людей жестоким репрессиям, другой, его однофамилец, спустя годы эти жертвы реабилитировал.

Что же касается Александра Давидовича Бронштейна, то, выходит, он был честным советским служащим и «троцкистских» убеждений своего брата не разделял. Ну а за грубость и высокомерие с подчиненными, обсет и обвес клиентов не расстреливают.

**Майор милиции
Владимир АГАПОВ**
(По архивным материалам
Управления ФСБ России
по Курской области)

К 200-летию со дня рождения
А.С.Пушкина

ШАГАЮЩИИ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Каких только портретов Пушкина не довелось мне увидеть в жизни, но более других в памяти запечатлелся тот, давний — на ученической тетрадке. Вот и сейчас словно держу ее, серую, в руках: на оборотной стороне таблица умножения, на лицевой — Пушкин. А прошли эти школьные годы мои в другом по нынешним меркам государстве, на Украине, где месяц февраль называется лютым — из-за крепких морозов и метелей.

Мне же этот месяц казался лютым еще и потому, что именно тогда, десятого числа (а по старому стилю 29 января), остановилось сердце великого поэта.

Как-то, давненько уже, готова в эти дни цикл стихотворений для очередной своей поэтической книги, взглянул в окно. Крепчайший уральский мороз и такая же вьюга. Но припомнилось совсем иное: знойный день в горящем Сталинграде.

*Дом этот выживет едва ль —
прямое попаданье.*

*Чернеет в глубине рояль
с оторванной педалью.*

*Но вижу, вижу до сих пор —
стоят друзья... солдаты...*

*Здесь все врагу наперекор:
винтовки, автоматы
и чудом уцелевший том
на деревянной полке,
где Пушкина портрет*

*лицом —
к врагу,
спиной —
к Волге.*

Я вспоминал, а в это время по телевизору показывали столичную молодежь, фланирующую вокруг пушкинского памятника. На просьбу тележурналиста припомнить хоть несколько строк гениального поэта большинство пожимало плечами, а какой-то юноша отрубил: «Ненавижу стихи Пушкина». Правда, тут же нашла молодая женщина, которая наизусть прочитала несколько строчек, но сбивчиво, неуверенно. И припомнились мне слова Александра Блока о том, что если бы, допустим, из всех библиотек вдруг пропали стихи Пушкина, то никакой трагедии не было бы: он, Блок, восстановил бы их по памяти!

Мне не удалось разглядеть лицо юного неведжы — не выдержал, тут же выключил телевизор. И долго потом сидел в раздумье. Правильно ли поступаем мы, родители и учителя, приобщая детей к стихам классика? Может быть, руководимые лучшим навигационным прибором — сердечным влечением — подростки сами способны выбирать своих кумиров?.. Думается, ничего тут ломать не надо. Надо и в дальнейшем учить их красоте. А если встречаются «неподдающиеся», то, как известно, в семье не без урода... Кто-то, а Пушкин не нуждается в «проталкивании».

Пастернак, лучше других понимающий, что «Цель творчества — самоотдача, /А не шумиха, не успех. /Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех», иронично писал:

*Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, —
Известно у нас подхалимам
Властительным только одним.
Не знал бы никто, может статься,
В почете ли Пушкин или нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.*

С такой же легкостью и изяществом, как его стихи, Пушкин перешагивает через десятилетия и века, оставаясь при этом современным, как никто другой — даже в чисто прикладном аспекте. Многие его строки обретают нынче новое и почти злободневное звучание. словно бы время нарочно перекинуло мостик из первой трети 19 века к нам, в конец 20-го.

Вот, казалось бы, далекое от политики стихотворение «Зима. Что делать мне в деревне?» Однако читаю:

*У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой,
над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется,
холодный и туманный.
Усталый, с лиройю я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах...*

Ну и ну! И там, значит, какие-то выборы. Куда? В сенат? Но сенаторы выбирались или просто назначались царем? Куда ты подевалось, мое университетское образование?! Даже на

такой пустяковый вопрос не могу себе ответить.

Да, мы слишком ленивы и нелюбопытны, думаю я, и думаю опять же словами Пушкина. А как, к примеру, сейчас, когда ежедневно поступают тревожные сообщения из югославского Косово, остро воспринимается начальная строка стихотворения «Восхода Милош»:

Над Сербией смилуйся ты, Боже!

А как звучат сегодня заключительные строки «Делибаша»:

*Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.*

Здесь неизбежно вздохнешь, припомнив сразу же ситуацию на вечно бурлящем Кавказе. Тем более что перья наших классиков неизменно прикасались к кавказской теме — традиция продолжилась и в 20 веке.

А вот еще один мотив, эхо от которого не утихло и в наши дни. Речь идет о предательстве Мазепы, столь убедительно заклеянным в поэме «Полтава». Нынешние украинские власти обеляют гетмана, зачисляют его в национальные герои. Но ведь само слово «Мазепа» испокон веков считалось на Украине ругательством, и не в последнюю очередь благодаря колоритному, психологизированному образу изменника, убедительно и беспощадно выведенному в пушкинской поэме.

Ну а чем не совет нынешним людям: «...Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»?! Не забудем, что слова эти относятся и к поэтам. А настоящий поэт, по Пушкину, это не двусторчатый моллюск, не парнокопытное, а Личность! Что же касается стихоплетов, то он изображал их довольно язвительно — как, например, в стихотворении «История стихотворца», написанном в 1819 году:

*Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!*

С доброй улыбкой, весело потирая руки, вспоминаю строки:

*Я не ропщу, что отказали боги
Мне в сладкой участи
оспаривать налоги.*

Сколько существует литературное творчество, столько лет, пожалуй, и диалогу (спорам!) с издателями, фискальными органами и т.д. Достаточно вспомнить Маяковского, Есенина. Вот и у Пушкина книгопродавец распускает:

*Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть...*

На протяжении многих лет мы были свидетелями, когда тот или иной комментатор, рхнувшись в скороговорку, смущенно останавливается перед строкой: «Поэт! Не дорожи любовью народной». Можно лишь пожалеть плечами. Вчитайтесь, тут нет презрительного отношения к народу. Иное дело глупцы из народа — Господи, сколько их и в наше время! Даже среди тех, кто рядится в тогу знатоков и ценителей поэзии. Через сто лет после гибели Пушкина другой писатель с другого континента Фрэнсис Скотт Фицджеральд, чьими романами зачитывались несколько поколений американских и не только американских читателей, писал: «Ни один настоящий писатель не полагается на вкусы публики, и со временем привыкаешь делать свое дело без оглядки на чужой опыт и без страха».

Пушкин отлично понимал, что за судейским столом сидит народ — и только он! И вовсе не случайно преудал:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые
я лирой пробуждал.*

Оставаясь национальным достоянием России, Александр Сергеевич Пушкин будет и впредь одним из самых уважаемых долгожителей в мировой литературе.

Михаил НАЙДИЧ,
член Союза писателей
России

г.Екатеринбург

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

КРЫША

Рассказ

Механизатор Картузов, подавшийся в фермеры, как распался колхоз, где он проработал, считая с малолетства, три десятилетия, ждал дорогу в город. От его глухой сибирской деревушки ее пробивали к большаку до райцентра плугами на конной тяге, а оттуда, знал он, тремя имеющимися там бульдозерами тянули к шоссе, ведущей к областному центру.

Обычная для тамошних мест февральская ме-

тель отбушевала пару суток назад, но снега навалило столько, что на очистку дороги понадобится дня три, не меньше, и Картузов, чтобы не терять времени даром, решил освободить крышу избы от накопившейся на ней за зиму тяжести. А то не дай Бог потечет с потолка — солнце, обметенное метелью, очнулось наконец от зимней спячки, и снег на крыше враз набух, потемнел и вот-вот готов разродиться капелью.

«Да оно наверху тем еще хорошо, что вперед всех углядишь, когда прибежит маршрутный автобус, если вдруг дорогу пробьют раньше расчетного», — думалось Григорию, пока забирался по шаткой лестнице все выше и выше. Но вышло иначе. Он сорвался, ударился головой о ледяную тропку, выбитую за зиму от дома до колодца и обратно. Упал не плашмя, иначе бы свернул шею, удар пришелся вскользь, и не будь голова травмированной раньше, отделался бы Гриша только рваной раной на затылке, какую заштопала бы и местная фельдшерка. Однако и скользящего удара оказалось достаточно, чтобы потревожить металлическую пластину, вживленную в череп Картузова в армейском госпитале.

В госпиталь он попал перед самым дембелем, вырубленный арматурным прутком в совместном с милицией рейде. Солдатскую лямку Картузов тянул в бригаде внутренних войск, и хоть не часто, но ее бросали на очистку города от начавшей плодиться шпана, нападавшей на вечерних прохожих, потрошившей первые кооперативы и лавчонки. Это было несерьезное занятие, считал Григорий, поскольку шпана, попадающая в облавы, не сопротивлялась. Достаточно было окрика, чтобы поддавшие или обкурившиеся пацаны безропотно плелись к подогнанным автобусам, сразу же утратив гонор, каким только что отличались в стае. Тут хватало бы и еще не успевших разбежаться дружинников. Правда, случалось Картузову пару-тройку раз попадать и в крутые переделки. Бандиты встречались и не голорукие. Но и против лома есть приемы, если приемами владеешь. Гриша владел. Натасканный на спецподготовке в бригаде, он к дембелю владел ими даже лучше некоторых инструкторов. Мастер рукопашного боя капитан Мирошников, измывавшийся над Картузовым на тренировках, сказал как-то ему: «Через пару лет, «деревня», ты и меня подтомишь, если на гражданку не свинтишь. Ты боец от природы, только жалостливый пока, без злости, но злость я в тебя вобью. А останешься на сверхсрочную — в люди выведу, если себя жалеть не станешь, а уже тем паче других, когда дело требует».

Картузов себя не жалел, но даже вредных инструкторов укладывал без лишней для них боли, а уж салага, только что сменивших гражданскую робу на армейскую, и вовсе не считал за груши, как другие «старики». А в тот вечер, когда ему череп повредили, он сам подставился, намеренно. Интуиция подсказала, что не успеет он на выручку капитану. Ни с ног сшибить бандюгу, ни руку с прутком, уже опускающимся на капитанскую голову, перехватить. И Гриша принял прутком на свою, неприкрытую и беретом. Схватка тогда случилась внезапно. Не паца-

нами оказались бандиты, принятые за пацанов. Им, объявленным во всесоюзный розыск, светили, как выяснилось позже, предельные сроки, если не вышка. Так что терять им было нечего. Впрочем, еще неизвестно, что хуже: смертный приговор или существование, поддерживаемое лишь лекарствами. Ведь Мирошников, вырванный Картузовым, как увидел, что его «деревня» с железякой, из башки торчавшей, землю царапает, всю ту братву гнилую успел до милицейской подмоги изметелить в труху. Потом, как Картузова медики с того света вытащили и дырку в черепе заклеили, капитан не проведать пришел — виниться: «Плохо я тебя учил, Гриша...» В госпитале Картузов до дембеля и провалялся, а провожали его всей бригадой, вручив на плацу перед строем медаль «За отвагу».

Голова и звякнула, как медаль в граненом стакане, когда Картузов с крыши свернулся...

Очнувшись, он не сразу сообразил, что находится в больнице. Вокруг были такие же беленые стены и потолок, как и в единственной огромной комнате его избы, еще не разбитой перегородками на зал и спальни. Только вот сыновних кроватей по углам он насчитал не четыре, а три, и его кровать, какую он делил с женой Дусей, стояла как-то странно — не за печью в будущей светелке, а как бы на месте печи, невесть куда исчезнувшей. Как сквозь пол печь провалилась! И Дуси, что еще страннее, под боком не было.

— Дуся! — позвал Картузов, но голоса своего не услышал, в уши точно пробки вбили, и он позвал еще громче, но вместо жены почему-то появился кривоносый тип картузовского примерно возраста.

— Чего орешь? — склонился он над Гришей. — Ты не дома, не у бабы своей под бочком, а в реанимации. Очухался, так радуйся молча. Или крыша поехала?

— Крыша не поехала, это я с крыши съехал, — разумно возразил Картузов, вдруг вспомнив все, что выбил удар из его головы: и как снег с крыши вниз сдвигал, и как поскользнулся, и как до «похода» на крышу зашила Дуся в его исподнее половину пая, вырванного за выход из колхоза в одиночники, чтобы, случись преждевременный автобус, он был в полном сборе, и где спрятала в избе оставшиеся еще «пол-лимона». На нем ли исподнее, на месте ли деньги, как-то сразу не подумалось.

— Я вот про эту крышу толкую, а не про которую тебе горкой стала, — постучал себя по забинтованной голове кривоносый незнакомец, тотчас, впрочем, представившись: — Сеня. Коммерсант.

— Гриша, — отозвался Картузов, подивившись

фамилии Сени. Раньше даже созвучных такой он не слышал.

Коммерсантом, однако, Сеня оказался не по фамилии, а по трудовой деятельности. Держал, как он хвалился, магазинчик. Не то чтобы большой, но не хуже, чем у других. По-вашему, по-деревенски, пояснил, — лавка. А по-городскому ежели — комок. Поскольку товары в таком магазинчике всяческие, на любой вкус и потребу, слеплены, как в снежном коме, если образно, отсюда и комок. Но комок, знал Картузов по собственному опыту, лепят из грязи, а из снега — снежок. Можно, конечно, и из грязи, легко соглашался Сеня. Но это я так, для доступности, обрисовываю, а на самом деле комок — сокращенное название коммерческого магазина, открыл наконец истину. И таких коммерческих магазинов, рассказывал Сеня, теперь на каждом шагу как собак нерезаных. И удивлялся неподдельно:

— Ты что, Гриша, с Луны свалился?!

— С крыши, — уже автоматически вздыхал Картузов, дивясь неведомым ему городским преобразованиям.

Последние десять лет в областном центре он не был. Газет в их таежной северной глубинке не выписывал даже бывший председатель, тоже заделавшийся фермером, но отхвативший, не в пример Картузову и другим односельчанам, не денежный пай, а мастерскую с машинным двором и ток с фермой. Провода, по которым бежал живой звук в приемники, кто-то отцепил от столбов и смотал еще в начале перестройки. Приезжих с новостями не бывало... И Картузов слушал Сеню разинув рот. Двое других томящихся в их палате, может, что и возражали бы, но находились в беспамятстве. А так, по словам Сени, очень убедительно получалось, что нынче не жизнь, а малина, особенно в торговле, дающей возможность достойного существования.

— Так если все будут покупать, а затем продавать, кто ж тогда машины делать будет или сеять

рожь, бычков выращивать да свиней, как я, как другие в Роговке нашей? — недоумевал Картузов. — А носки вязать, обувь шить?..

— Развивающиеся страны, каких на наш век для России хватит. В Африке, скажем, или в Латинской Америке, — втолковывал ему Сеня. — Они производят, мы приобретаем по бросовым ценам, а перепродаем втридорога. Но все равно очень дешево, если сравнивать с ценами на нашенькие товары. А в твоём навозе, Гриша, жемчужины не сыскать...

Действительно, неохотно, но все же соглашался с ним про себя Картузов. Сколько с Дусей ни вкалываем от темна до темна, особого прибýtка нет. Избу, конечно, новую срубили, так тайга рядом — на сруб почти не потратились. А вот купить магазинной пищи им уже не по карману. Едва одеть-обуть сынов денег хватает. Дусе никак вот новое пальто не осилит, пусть и ходить в нем некуда. Клуб вон, и тот прикрыли. Но в гости к деверю, к сватам, в райцентр выехать — не в фуфайке же бабе переться... Он, конечно, миллионер, вспомнил Картузов про выданный пай, но этот «лимон», как называл такую сумму Сеня, они с Дусей определили на хозяйственные нужды. «Крота» — мотокультиватор — надобно купить, для чего и зашили половину пая в исподнее. Исподнее в целости и сохранности отдали Дусе в больнице, куда она сопровождала Гришу, как он ударился головой. Сначала до райцентра на маршрутном автобусе, ставшем частично «скорой помощью», а от него уж вызванным срочно из города санитарным «кукурузником» — чтобы Картузов ума не лишился или вовсе не загнулся.

Обо всем этом Дуся подробно расписала в письме, полученном Картузовым незадолго до выписки. Еще Дуся писала, что встретить не сможет — не на кого сынов и скотину оставить, а исподнее с зашитым в нем доставит бывший председатель, собравшийся днями в город. «За товаром, — пояснила она его вылазку. — Сельмаг-то наш, Гриша, прикрыли,

Омский писатель Николай Васильевич Березовский родился в 1951 году в семье военнослужащего. После школы служил во внутренних войсках, затем окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Пишет стихи и прозу. Автор нескольких книг, вышедших в Москве и Омске. По рассказу «Три лимона для любимой» поставлены одноименные фильмы на киностудиях «Мосфильм» и «Ленфильм». Член Союза писателей России.

так председатель его у кооперации откупил, надумав с земли в лавочки пересест. Коммерцией, говорит, выгоднее заниматься, и гоголем ходит».

— Гоголем будешь ходить, из навоза выбравшись, — подытожил Гриша, перечитав в очередной раз письмо жены.

— А иначе новой России не построить, — точно с трибуны, декламировал Сеня, хотя кружил вокруг койки Картузова, стоящей, как печь посередине избы, в центре палаты, поскольку четвертый и дальний угол занимала тумбочка с телевизором. Гражданская, сразу видно, больница, а не армейская. Там кровати строго в ряд, как в казарме.

— А у тебя, Сеня, что с крышей-то? — наконец поинтересовался Картузов.

— А-а, — поморщился тот, — бригада конкурентов наехала. — И вернулся к любимой теме о коммерции. Уточнять детали Картузов постеснялся, а «бригада конкурентов», решил, — это, наверное, машина товар в соседний с Сениным комок привезла и нечаянно на него наехала бортом или бампером...

Сеню выписали первым. Прощаясь, он объяснил, как его найти, пообещав непременно помочь, если Гриша все же надумает удариться в малый бизнес. Потом выписали и Картузова. Как Дуся обещала, его встретил бывший председатель, передав исподнее и верхнюю одежду, чтобы вернуть больничное. Обвешанный с ног до головы коробками, с огромным рюкзаком за плечами, с сумками, занявшими обе руки, председатель торопился поспеть на обратный автобус. Картузов вызвался ему помочь.

— Магазин открываю. Комок, по-здешнему, — разоткровенничался, сразу подобрев, бывший председатель, а теперь в прошлом и фермер. И сплюнул. Картузов поехал бы с ним, да держало некупленное.

Переночевав на автовокзале, Гриша отправился за «Кротом». Цена этого механизма, заменяющего добрый десяток человек с лопатами и граблями, ударила в глаза так, что подломились колени. Не только половины пая, зашитого в исподнее, но и другой, спрятанной в избе, на эту покупку не хватило бы. Уняв у буфетной стойки дрожь в коленках стаканом водки, Картузов подался по другим магазинам, но купил лишь по игрушке малолетним сынам-погодкам да тряпочку с застежками на Дусину грудь. Точно такую же, совсем прозрачную, он видел на девице по телевизору в палате, откуда телевизор не сломался. Стоимость всяческих товаров сначала ошеломляла Картузова, а после как бы и пришибла. Со своим «пол-лимоном» в исподнем он ощущал себя последним нищим. Даже и после доба-

вленных ста граммов возле универмага «Детский мир».

Рядом, укрывшись чуть ли не с головой за поставленными друг на друга деревянными ящиками, о чем-то вдохновенно кричала расфуфыренная бабенка, очень схожая с той, к которой в пору своей солдатской юности Гриша набегал в увольнениях. Теперь она уже, верно, на пенсии, прикинул Картузов, и по-мальчишески смутился, обданный жаром давнего, точно изменил сейчас Дусе. А из-за ящиков продолжал звенеть женский голосок, призывая к чему-то. Картузов прислушался.

Кали бедный, налетай

На билеты «Каравай»! —

разобрал он, прежде чем подошел к торговке и удержал уже какие-то яркие бумажки, сложенные на манер почтовых конвертов. Только эти были гораздо меньших размеров.

А богат коль — это значит,

Станешь ты еще богаче! —

кричала складно деваха, и к ней хоть не часто, но подходили люди, покупали конвертики, терли монетками или ногтем по гляncy и порой, приглядываясь к происходящему Картузов, возвращали конвертики торговке, а та взамен без слов отсчитывала деньги. Иногда большие, как мальчишке, совсем соплювому, — ажно полста тысяч.

— Слышь, как это ты так? — придержал его Картузов.

Мальчишка, шмыгая оттаявшим по весне носом, небрежно сунул деньги за пазуху и объяснил все очень подробно и толково:

— Ну и лох ты, дядя! Это ж лотерея областная — «Каравай». Даешь десятку, соскребаешь, где написано «стереть здесь», а там или выигрыш, или кукиш без масла. Пролет, словом.

— И сколько можно выиграть? — чувствуя в голове неясное брожение, уточнил Картузов. — Как ты, скажем?

— А-а, у меня это не выигрыш, — пренебрежительно ответил пацан. — «Лимон» бы — еще куда ни шло. А можно и десять «лимонов», и сто. А еще лучше — квартиру. А машину вчера, передавали по радио, кто-то уже отхватил...

Мальчишка убежал, а Гриша, понаблюдав еще с полчаса, как проигрывают и выигрывают в необычную для него лотерею, захмелев не столько от выпитого, сколько от разыгравшихся фантазий в только что зажившей голове, укрывшись за ближним киоском, вытащил и пересчитал деньги. Потратить успел он мало, и оставалось у него ровно четыреста пятьдесят тысяч. «Полтинник грохну», — решил Картузов и для храбрости опрокинул еще «сотку», закусив дорогой конфетой. «Гулять — так гулять!» —

расширялось в его груди сердце, а голова наполнилась картинками: как он въезжает на «Жигулях» или «Волге» в деревню, или входит с мешком денег за плечами в избу, или, что еще лучше, покупает не «Крота», а трактор марки «Беларусь» со всеми к нему навесами, и вагон комбикорма для свиней, и полвагона всяких хитрых питательных добавок для скотины и птицы, от которых те растут как на дрожжах, и...

— Давай сразу пять! — подкатил он колобком к бабенке.

Все продолговатые оконца, в каких Картузовоскреб краску, оказались с надписью «без выигрыша».

— Ничего, повезет в другой раз, — по-свойски пожалела его продавщица, сразу показавшаяся Картузову не очень-то и расфуфыренной.

— А чего нам другого раза ждать?! — расправил он по-молодецки плечи, как когда-то в строю при поднятии флага, и купил уже не пять, а десять билетов лотереи. Два из них выиграли, но оправдывая лишь самих себя.

— Давай еще! — разобрало Картузова. Вокруг него и лотерейщицы сбилась уже толпа любопытных, отговаривающих и подзадоривающих разошедшего мужика. И Картузов, никогда не ведавший такого внимания, исключая, конечно, время, проведенное в госпитале, не успевал менять деньги на билеты, а ноготь, соскребающий краску, даже запыл, перетруженный.

— Во дает! — восхищались одни.

— Придурок! — обзывали, явно завидуя, другие.

— Пить надо меньше, — соблезновали третьи.

— На то мы и Россия! — гордился Картузовым невесть откуда прибывший к нему мужичишка в драной фуфайке, но такой родной, будто из его, Картузова, деревни. Потом он исчез, довольный, а Картузов обнаружил, что денег у него осталось совсем ничего. А ведь не только проигрывал, но и выигрывал. Дважды по десять тысяч, хорошо помнил, единожды — пятьдесят, а уж позволяющих взять дополнительный билет — несчетно. Но отступить было поздно. И стыдно. Толпа, увидев, что разошедшийся мужик обеднел, почти рассосалась. И лотерейная бабенка, совсем уже не расфуфыренная, а просто уставшая и озабоченная, как всегда к вечеру его Дуся, посоветовала мотать домой.

— А то и на хлеб у тебя не останется, — высморкалась она, сочувствуя обнищавшему Картузову.

— А-а, где наша не пропадала! — обреченно выпендрился Гриша и купил три билета на последние. Первые его подвели, а вот оставшийся...

У Картузова сделалось что-то с глазами. Написанное в освобожденном от краски оконце, сначала

резкое, начало вдруг двоиться, троиться, расплываться, и Гриша, боясь свихнуться, попросил жалко бабенку:

— Глянь-ка сама, а...

Та глянула, вернула билет Картузову, подхватила толстую свою сумку, набитую деньгами и немногими оставшимися в ней лотерейками, затем вцепилась в локоть Картузова.

— Ты чего? — не понял он.

— Айда отсюда, скорей... скорей... Айда! — потянула она его за собой, порушив баррикаду из ящиков. — От греха подальше... Квартиру ты вытянул... Трехкомнатную, — нашептывала она, утягивая Картузова от своего торгового места, и он поддался ее напору, еще не осознавая свалившегося на него события, но проникаясь тревогой, звучащей в голове женщины. — Мы еще поспеем, — посмотрела она мельком на часы, — здесь рядом, мост лишь перейти...

— Куда перейти? — послушно семенил с ней рядом Картузов.

— В областную администрацию. Чтоб оформить твой выигрыш как надо. Чтоб не кинули, как других кидают, — объясняла, задыхаясь на бегу, лотерейщица.

— Куда чтоб не кинули? — шла голова кругом у Картузова.

— Не обули, значит...

— Да я обутий вроде... — глянул на всякий случай вниз Картузов — не бежит ли босой.

Женщина едва не зашлась истерическим смехом от его непонятливости...

Поздним вечером Картузова, полностью отрезвевшего, показывали по областному телевидению. Он стоял, растягивая рот в дурацкой улыбке, в сквере перед огромным зданием бывшего обкома КПСС и призывал земляков покупать билеты лотереи «Каравай».

— И тогда, — вещал он не своим голосом, — и всем остальным подвалит не меньшее счастье.

— Как вам нравится трехкомнатная квартира со всеми удобствами всего за десять тысяч рублей? — спрашивал его сытый малый в дубленом полушубке, напыленном несмотря на тепло, чуть ли не втыкая Грише в рот толстый и пористый, как губка, микрофон.

— Как вам... как нам... как мне, да, — наконец прорезался и настоящий голос Картузова, вылупившего глаза на обком, превращенный в областную администрацию. Здесь он частенько по молодости патрулировал вечерами с одним штык-ножом на поясе. А теперь, когда еще далеко даже не вечер, на бывшем обкомовском обширном крыльце

расхаживали ребята с взвэшными нарукавным знаками на камуфляже и уже с автоматами. Картузов разглядел их только теперь, а тогда, когда лотерейщица пропихивала его в здание, вроде бы милицейские не пускали. Может, подумалось, проведали уже, что он бывший взвэшник, и прислали ему нынешних однополчан на поглядение. В голове у Картузова замкнуло, и он грянул прямо в микрофон, перестав жевать кашу и заикаться:

— Служу Советскому Союзу!

Эти кадры, конечно, вырезали, и никто, кроме телевизионщиков, их не видел. Как, впрочем, не видел самого себя на телевизионном экране и Гриша. В это время он уже сладко спал, покачиваясь на мягком заднем сиденье «мерседеса». По распоряжению самого главного администратора области иностранка катила в его родную Роговку. И путь, обыкновенно пробегаемый маршрутным автобусом за двенадцать часов, они проделали за пять с небольшим. Обидно, что подбросили его не до самой деревни, как было велено водителю, а до райцентра: дальше ехать шофер не рискнул из-за распутицы. Поэтому оставшиеся пятнадцать верст Гриша покрыл пешкодралом, гадая, когда его вызовут в область телеграммой, чтобы в торжественной обстановке вручить ключи от халавно свалившейся на голову квартиры. В больнице Картузов поднабрался современных слов от Сени, но употреблял их чаще мысленно, чем вслух, поскольку звучание одних его смущало, а смысла некоторых он просто не понимал, сколько коммерсант ему ни растолковывал. Еще в администрации области сказали, что, может, и не телеграммой вызовут, а пришлют за ним машину. «Вы для нас как палочка-выручалочка, — признался Картузову один из свиты главного начальника. — Теперь после вашей удачи народ поверит, что в лотерее разыгрывается жилье взаправду».

«Хорошо бы!» — заранее радовался Гриша, но не прозревшему с его помощью народу, а возможности покрасоваться перед односельчанами: вот он я, уезжающий за дурным счастьем в иностранном автомобиле. И даже ноги, с которых он снял ботинки, чтобы не портить их в апрельской грязи, — даже ноги грела мысль о такой возможности.

Не видели Картузова на телеэкране в его деревне: изображение от ближайшего ретранслятора не долетало даже до райцентра. Но земля, как известно, слухами полнится. И лишь только большак подсох, к Картузову зачастили незваные гости: когда начальники районного масштаба, когда и вовсе ему неизвестные, но значительные даже внешне люди. Поздравляли, жали

руку, похлопывали по плечу, лезли порой с поцелуями и выставляли затем непременно гостинец — бутылки с заморскими причудливыми наклейками. Но Картузов предпочитал первачок. С начала же посевной и до конца уборки урожая он не пил вовсе. Поэтому, может, так и не сумел никто его, трезвого, уговорить продать за большие деньги право на выигранную в областном центре квартиру. Не смутили Гришу даже щедрые посулы обеспечить его скотный двор кормами и необходимой в хозяйстве техникой на всю оставшуюся жизнь, не смутили и обещания пристроить ребятишек в специальную школу для особо одаренных детей. Гости уезжали посмурневшими, а Картузов, провожая их, тоже не ощущал облегчения, не зная, на кой ляд сдалась ему городская крыша, если есть своя здесь, где жили его рано помершие родители, где он появился на свет, вырос и дал жизнь четверем сынам.

— Голова у тебя просто свихнулась, как ударился, от таких денег и благ отказываешься! — не понимала его, укоряла даже Дуся. И тогда Картузову вспомнилась Клава — так звали женщину, у которой он вытянул счастливый билетик, а одновременно и очень похожая на нее сорокалетняя вдовушка, у которой он скрашивал часы увольнений во время срочной. Тепло и маняще вспомнились...

Отсеявшись, Картузов взял первый хороший укос трав, а телеграммы насчет получения ключей или выехавшей за ним машины все не было и не было.

«Ну и ладно, не до того сейчас», — успокаивал он себя.

Виды на урожай были отменные. Телята стремительно набирали вес. Свины уже не бегали, а ползали, залившись жиром. А значит, осенью можно надеяться на расчет с районным сберегательным банком, где брал кредит, припаси на зиму комбикорма, прикупить элитных семян ржи и льна, порадовать сынов и жену обновами. Даже бывший председатель, поглядывая то на небо, то на Гришины старания, сетовал, что поторопился заделываться коммерсантом. В его лавке покупали не часто, живых денег у деревенских почти не водилось, а натуральный обмен, признался однажды Картузову, приносил сплошные убытки. «Слишком уж макле-ры в райцентре шустрые, шустрее меня, старого», — плакался он, подсчитывая, сколько бы мог выручить за рожь да лен, на которые вдруг резко подскочила цена, кабы отселялся, как другие, по весне, а не купился на подставку кооператоров, потратив последние сбережения. Насчет его последних сбережений Картузов, однако, сомневался, поскольку бывший магазин потребительской кооперации достался ему в обмен на комбайн «Нива», причем в

прицепе со всем содержимым — от конфет из крашеного сахара, прозванных «дунькиной радостью», до пожелтевших от старости сигарет «Памир». Опять же, о каких тратах можно было вести речь, если ходили слухи, что председателю отвалили бешеные деньги за сданный в аренду машинный двор, который оборотистые люди превратили в склад лесоматериалов и полностью забили стволами кедров, что споро валили в близкой тайге пришлые ребята, нанятые кавказцами. Брал суммы, и немалые, нынешний лавочник и за помол зерна, соорудив на зернотоке меленку. Да и техника, ему доставшаяся и пока не развалившаяся, приносила пока стабильный доход: ее он сдавал в аренду бывшим колхозникам. Так что по лоснящейся физиономии «кулака» не было видно, чтобы он бедствовал.

Врезать бы ему правду-матку, да как-то неловко: вроде бы одного поля ягодой стали. Дружбы Картузов никогда прежде с председателем-фермером, а теперь лавочником не водил, но после лотерейного выигрыша деревенские, даже друзья-приятели, сделали к нему какими-то подозрительными, перешли в обращении на «вы», а за глаза костерили почем зря, равняя с лавочником. И Картузову все чаще вспоминался Сеня...

В середине июля солнце ошалело, не пекло разве что ночами — и посеы выгорели напрочь. Пересеивать было поздно. Не светил больше людям и без того призрачный осенний достаток. А что скотина передохнет с голоду еще до наступления зимы, если деревне не поможет район, а району — область, — это понимали и несмышленные ребятишки, враз поскучневшие и забывшие о своих вольных играх. В близком урмане не уродился кедровый орех, а значит, не разжиться и зверем, даже белкой. Самые отчаянные, оставив семьи, подались на близлежащую Тюменщину подсобниками к нефтяникам и газовикам, другие, кто помоложе, завербовались в армию, и опустевшая вконец деревня притихла, сжалась, точно по ней прошел мор. Спасали сельчан лишь пенсии стариков и старух.

Картузов жил с огорода и надеялся перемочь неминуемую зиму со своей заначкой. В эту-то пору и прикатила за ним без предупреждения машина.

— Я там осмотрюсь, в городе-то, ты жди, может... — сказал Дусе, прощаясь, Картузов, и она его поняла, не возражала, чтобы не обидеть, не зацепить нарочком все чаще посещавшую мужа мысль о переходе в коммерцию. Это в деревне развернуться негде, людей мало и все безденежные, а в городе обеспеченных невпроворот, только крутись, к тому же и

прислониться есть где, да и нужно же наконец принять и обжить даровое жилье, на какое, оказывается, столько охотников...

И опять было телевидение, а к нему и радио. Газеты писали о Картузове, как и о других счастливицах, поджидающих вручения ключей. Словом, шума и звона было много, а квартира Картузову не поглянулась. Высоко, на одиннадцатом этаже двенадцатиэтажной башни, комнаты, как клетки, на кухне не повернуться, а за окнами пыхающие огнем и дымом трубы нефтекомбината. Как фортку откроешь — задыхаешься, закроешь — вовсе дышать нечем. Однако, понятно, дареному коню в зубы не смотрят, тем более когда в паспорте рядом со штампом деревенской прописки и городскую тиснули, назвав это дело по-новому — регистрацией. Точно он с квартирой, как с Дусей, зарегистрировался. При коммунистах, писали в газетах, такое было бы невозможно, а вот в демократическом обществе — пожалуйста. А скоро и совсем, писали, регистрацию места жительства отменяют: живи где хочешь и как хочешь, хоть в ста квартирах сразу. Двойная прописка, сообразил Картузов, давала ему возможность устроиться в городе, не порывая окончательно и с деревней. Но сунувшись, чтобы заработать, в грузчики, он тут же и разочаровался: высчитывали за пропадающие товары и продукты больше, чем начисляли зарплаты, а воровать, чем без зазрения совести промышляли собригадники, Гриша и не умел, и не желал. Разбираясь в технике, он мог бы пристроиться на какой-нибудь завод, да на заводах, какие еще не закрылись, не принимали. Там не знают, куда своих рабочих распихать, чтобы не увольнять или не сокращать, до тебя ли?

Вторая половина пая, на всякий случай прихваченная Картузовым, таяла на глазах. А ведь он ничего лишнего не покупал, разве что железную кровать, без которой (дошло вскоре) сумел бы перебраться — не барин, спать можно и на полу, на матрасе. Питался же он в основном хлебом, запивая его молоком. Молоко, по сравнению с его, деревенским, было вода водой, и Картузов, как только молоко подорожало, перешел без сожаления на чай. Правда, вода из-под крана пахла не водой, а железной флягой, когда ее забудешь промыть после барды.

За месяц городской жизни Гриша дважды дырвил ремень, чтобы не спадали штаны. И все с большей завистью и уважением посматривал на раздобревшие лица тех, кто хозяйничал за витринами натъканных по улицам магазинчиков, называемых комками. Он понял, что без опоры в городе ему не опереться, и ноги в конце концов сами привели его к Сене.

— Слышал, читал, видел по телеку! — с распростертыми объятиями встретил его Сеня. — Жируешь? — присмотрелся он к Картузову, и тоска в его глазах, не замеченная Гришей, сменилась оживлением, смешанным с холодным расчетом.

— Жирую, — печально признался Картузов. А Сеня, закрыв ставенкой витрину, уже резал колбасу и хлеб, ставил на столик бутылки с пестрыми наклейками, стаканы, вскрывал консервы, жадно внимая жалобам простодушного Картузова на его деревенскую, а теперь вот и городскую неустроенность.

— А я тебе че талдычил? — кивал Сеня сочувственно. — Давно пора за ум братья! — одобрил он желание Картузова завести собственное дело. И возгласил, подняв первый стакан: — За тебя! Нашего полку, надеюсь, прибыло! А как у тебя, Гриша, с начальным капиталом? — спросил, как бы походя, потом.

— А никак, — пожал плечами Картузов: от денег, взятых из дома, у него не осталось и половины.

— Врешь! — радовался Сеня, наливая по второй, и по третьей, и по пятой. — Врешь, сам того не ведая... Есть у тебя начальный капитал! Да еще такой, что другим начальным капиталам не чета!..

— Нет у меня начального капитала, — упирался Картузов, продолжая пировать, кажется, уже дома у Сени.

— А я говорю: есть! — стоял на своем тот.

— Вот мой начальный капитал! — рассыпал Картузов оставшиеся деньги по столу уже неведомо где. Теперь он и Сеня были не одни, а с Сениными друзьями, которые, урывками понимал Картузов, и помогут обратить недвижимость в живые деньги, чтобы он, Григорий Картузов, обретя начальный капитал, заимел комок, какой совсем задешево побратски уступит ему Сеня.

— А недвижимость — это что? — попытался врубиться в происходящее Гриша уже черт знает в каком заведении, похожем на ресторан и театр одновременно. Рестораном Картузова пару раз баловала когда-то вдовушка, переодевала в оставшийся от мужа костюм, когда он навещал ее в увольнениях, а билетами в театр награждали и поощряли за хорошие показатели на стрельбах и в караулах, вообще за службу без замечаний. Только ресторан был теперь не строгий, а театр не торжественный, как прежде. Дым стоял коромыслом, а артистки прыгали между столиками почему-то полуголыми.

— Эт-то кто? — забыв выяснить про недвижимость, продолжал спрашивать Гриша, показывая,

как ему казалось, на девиц, а на самом деле тыкая рукой в тарелку с чем-то съестным.

— Твоя квартира — вот что, а не кто! — отвечал ему почему-то женский голос, и Картузов, как ни странно, сообразил, что говорят о его квартире. У него, по-деревенски практичного и хозяйственного даже по пьянке, на мгновение прояснилось в голове.

— А где я жить стану? — задал он резонный вопрос, и тут же ему на колени уселась Дуся в той самой прозрачной тряпочке на груди, купленной им после выписки из больницы, и что совсем уж не удивило Картузова, она показала ему клетушку:

— А вот здесь!..

— Здесь?! — взревел Гриша, сбросил с колен Дусю, но тут же перед ним запрыгал черт, самый настоящий, хотя и без шерсти, копыт и рожек. Гнусава, он пропел:

— Зато на первом этаже, зато с большой кухней, зато без чадящих труб за окнами!..

И точно, глянул Картузов: труб за окном не было, как, может, и самого окна, поскольку глаза застилала непроницаемая темь.

— Подписываешь? — Темь сменилась вдруг чем-то белым и шуршащим, похожим на платежную ведомость, после росчерка в которой выдают деньги.

— Подписываю! — услышал себя Картузов, очнувшись снова в комке Сени, точно никуда из него и не выбирался.

Сеня был трезв и светел, как стекло, даже шрам на его лбу бледновато светился.

— Поздравляю! — торжественно произнес он, протягивая стакан для опохмелки.

— С чем? — Картузова едва не вывернуло при виде водки.

— И правильно, — одобрил Сеня Гришин отказ выпить. — Пить не только здоровью вредить, но и коммерции. А ты теперь, Гриша, коммерсант! С чем и поздравляю. Теперь мой комок — твой! Со всем, что в нем есть. Новую свою квартиру ты видел. Документы на все оформлены как надо, не придется решаться. Все по закону, ты не сомневайся. Три дня на оформление понадобилось — всего делов. Вот что значит иметь настоящих друзей, — похвалился Сеня, передавая Картузову картонную папку, видимо, с документами.

— Три дня пили?! — ужаснулся Картузов, обжигаясь о папку.

— Ну, кто пил, а кто дело творил, — увильнул Сеня от прямого ответа и по-деловому озаботился: — Лавку-то свою будешь открывать?

Картузов хотел что-то сказать, но только всхлипнул. От безысходности своего положения. От понимания непоправимости всего того, что натворил,

покуда не ведая в точности, что именно, но интуитивно догадываясь. От болей в голове, словно он вновь врезался ею в лед.

— Да-а, сегодня, вижу, ты не работник, — почувствовал ему Сеня. — Ладно, — вдруг проникся он жалостью к деревенскому обалдую, — подброшу тебя до новой твоей хаты, отлежись, а уж завтра принимайся зашибать бабки. Поехали, — и закрыл собственноручно недавно свой, а теперь картузовский комок.

В машине он отдал Грише ключи, объяснил, какой из них от дверей, какой от замка, запирающего ставни, какой от сундука, что под лежанкой, где он обычно хранил резерв.

— Резерв, — пояснил Сеня, — это то, что не на витрине: сигареты и спиртное левых фирм, порнуха, интимные штучки. Для всяких проверяющих, начиная с ментов и налоговой полиции и кончая санэпидемстанцией. Сам, как заторгуешь, разберешься...

Еще Сеня сказал, что сматывает удочки.

— На рыбалку, что ли, собрался? — тупо спросил Картузов.

— На кудыкину гору! — хохотнул Сеня. — А вот и твой дом, — подрулил он к обшарпанной кирпичной трехэтажке. — В твоей связке ключ от квартиры — самый длинный. Квартира, если номер запамятовал, третья. На первом, значит, как ты и желал, этаже. Ну, Гриша, прощай, — потянулся он обниматься.

— Прощай, — уклонился от обниманий Картузов. Он о многом хотел бы спросить Сеню, да язык настолько отяжелел, что не ворочался, а тело и вообще как не свое. Так бывает не с похмелья, а после наркоза. Или когда отходишь от таблеток, которыми напичкали в больнице...

Новая квартира была совсем старой. Кухня и вправду чуть ли не больше комнаты, но не настолько большая, как показалось по плану. Краны проржавели и текли, ванна и унитаз побиты, к тому же из них разило так, что Картузова наконец-то вырвало. Но документы на квартиру, лицензия на торговую деятельность и право владения торговым киоском были, кажется, действительно в полном порядке.

Картузов отлеживался три дня и три ночи, изучая бумаги с печатями и штампами вдоль и поперек, и понял, что отступать некуда. Хоть марш бригады запевай, не забытый с годами:

Служа во внутренних войсках,

'Пусть не воспетые в стихах,

Всегда мы на передовой.

И отступить никак нельзя,

*Ведь служим Родине, друзья,
Доверившей свой охранять покой.*

Только теперь ощущение Родины было не обязательное, как прежде, а до боли сжавшееся в сердце прямо до размеров семьи, оставшейся в четырех сотнях верст отсюда в не доведенной до ума избе. Дуся небось все глаза выплакала, его ожидаючи, а сыны у окна сбились-сгрудились, выглядывая папку. Гадают, верно, как приедет: чтобы остаться с ними или забрать с собой? А куда теперь забирать?!

Он обвел взглядом комнатушку и едва не завыл от безысходности, но заставил-таки себя забыть на время о семье, переключившись на близкие заботы. Ведь могло случиться и хуже. Сеня, вдохновлял он себя, неплохой человек: не только его фанерный чемоданчик с вещичками перевез на новое место жительства, но даже новую железную кровать прихватил. «А мог бы и кинуть», — вспомнилась ему лотерейщица Клава, которую по приезду в город он искал, но не нашел.

Отлежавшись, Картузов выбрился до синевы, напялил пусть помятый, но чистый выходной костюм, в котором красовался, получая ордер на квартиру и ключи, прихватил папку с документами и отправился обживать свою лавку. Дело-то нехитрое, размышлял он: тебе — деньги, ты — товар, а прибыль, вспоминал наставления Сени, в оборот, на закупку подешевле, чтобы затем, продавая подороже купленное, что-то и себе, и детишкам на молочишко оставалось.

Сенина («моя!» — спохватился Картузов) лавка располагалась в ряду других, выстроенных сразу за остановкой общественного транспорта почти в центре города. Другие давно и бойко торговали, притягивая взгляды яркими наклейками на товарах, и только закрытая ставнями торговая точка Картузова портила обский вид.

«Сейчас, сейчас!» — поторапливал себя Гриша, но, едва отомкнул дверь, чтобы затем распахнуть и ставни, был точно вбит в свое еще необжитое заведение тремя невесть откуда взявшимися парнями в кожаных, несмотря на жару, куртках.

— Вы чего, чего? — не столько испугался, сколько растерялся Картузов, уже зажатый в дальний от двери угол лежанки так, что не вздохнуть и не охнуть.

— А вот сейчас и рассудим — «чего», — доброжелательно сказал самый молодой из троицы, садясь на единственную табуретку напротив лежанки, чтобы лучше видеть Картузова, а тому — его. Двое

других, постарше и с угрюмыми физиономиями, плюхнулись прямо на лежанку, продолжая вдавливать Картузова в угол.

— Угмонитесь, — посмотрел на них молодой, а затем спросил постепенно приходящего в себя Гришу: — Как у тебя, батя, с крышей?

— Не очень было, — простодушно отвечал Картузов, купившись на внешнюю доброту молодого. — Но теперь вроде оклемался, — потрогал он голову. — Работать вот вышел.

— Ты три дня назад выйти должен был, — укорил молодой. — Простой по твоей вине мы во внимание не принимаем. Так что процент отстегнешь и за свои прогулы — не на заводе вкальваешь. С крышей-то у тебя, батя, сам говоришь, — усмехнулся молодой, — не очень...

— А-а, так вы крышу пришли ремонтировать? — Картузову показалось, что он догадался наконец, о чем идет речь. — Но Сеня не говорил, что она течет или что...

И тут же, не ощутив удара, выплонул на столик перед витриной два своих зуба. Ударил кто-то из вжимающих его в угол, но кто — он даже не углядел. Кровь, стекая по подбородку, капала на столик, как из прохудившегося крана в его новой старой квартире.

— Не надо дуру гнать, батя, а то и на счетчик поставим, — доброжелательно посоветовал Картузову молодой, неодобрительно посмотрев на своих подчиненных. — Крыша — это мы, если хочешь, чтобы у тебя все ладненько было. А чтобы ты врубился окончательно, штрафую тебя за подлую несознанку. Триста «штук» сразу потянешь?

«Бандиты!» — вспыхнуло в мозгу Картузова, но желания сопротивляться он не ощутил. То, что растолковывал когда-то Сеня, что он слышал от других и изредка узнавал из газет, радио и телевидения, — все это наконец совместилось, оформилось в сознании, и Картузов будто в яму упал, из которой никогда не выбраться.

— Так что, батя, триста «штук» потянешь? — услышал, открыв на дне ямы глаза, Картузов повторный, только уже с нотками угрозы вопрос. Но опять ни испуга, ни гнева не почувствовал. Все происходило как бы не с ним, а с кем-то другим, только на него похожим.

— Вот все, что у меня есть, — выгреб он из брючного кармана деньги, сунутые туда утром. Это был весь его наличный капитал. Сеня, выходит, с приятелями деньги эти не заныкал, а собрал, когда Картузов сорил ими в каком-то неведомом заведении, и вернул. Вот только как и когда — этого Гриша не помнил.

— Не хватает немного, — пересчитал деньги молодой. — Ну да ладно. Мы натурой возьмем, — свел

он густые, как у одного из покойных генсеков, брови, и вжимающие Картузова в угол молодцы, вскочив, рассовали под куртки несколько снятых с полок бутылок.

— А теперь утрись и торгуй, — поднялся с табуретки молодой. — Если что, звякнешь, — бросил он на столик глянцевоый, почти как лотерейный билет, картонный прямоугольник с номером телефона. — Бывай. До следующей пятницы, батя...

Бандиты ушли.

«Рэкетир!» — вспомнил их название Картузов. Утерев кровь ладонью, он накиннул на дверь крючок и дотемна просидел почти без движения, вслушиваясь в себя, но ничего, даже стука сердца, не слышал. Так, помнится, было, когда он очнулся в госпитале после принятого на свою голову арматурного прутка. Там, где-то глубоко внутри, было пусто, как в канистре, из которой горючее — все до капли — слито в бензобак. Пусто — и все. Так пусто, помнится, было и в барабане, разобранном однажды в детстве на две половинки. Тогда он хотел углядеть, как рождается звук в его нутре после удара палочками или просто рукой. Звук там, обнаружилось, возникал вроде бы из ничего. И теперь Картузов ждал, когда что-нибудь зазвучит из ничего и в нем. И дождался, незаметно для себя задремав.

— Папа, папа! — звали его сыны.

— Гриша! — окликала Дуся.

Замычали в летнике коровы. Ветерок принес запах недалежней тайги.

— Я скоро, скоро! — вскочил Картузов. И в грудь кольнуло, прямо под сердце, не больно, но ощутимо. — Не пустой, значит, — сказал сам себе Гриша, оживая, когда кольнет снова, а не дождавшись, сообразил, что кольнуло его не изнутри, а снаружи. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, и прохлада не согретого телом металла обдала его пальцы.

Это была медаль «За отвагу» с раскрывшейся булавкой на колодке. Медаль вынесла ему в дорогу Дуся, чтобы в городе, как станут вручать выигранную квартиру, все увидели, что ее мужа отмечали и за дело. Но Картузов как спрятал медаль в карман, так больше ее и не вынимал, стесняясь выпячиваться перед другими. Не стал он прилаживать ее к отвороту пиджака и сейч с, а вернул на прежнее место, застегнув лишь булавку, чтобы не кололась. И засуетился, отыскивая папку, а отыскав, выбросил из нее на лежанку, сначала смяв, как в уборной, листы документов, нашел на одной из полок большой коробок спичек, чиркнул одной и поднес пламя к бумаге. Едва она, желтея с края, загорелась, вышел из комка, закрыл на два оборота дверь и швырнул ключи на дорогу. Они даже не звякнули, упав, на верное, на мягкий, запыленный газон...

С тыльной стороны лавочного ряда было темно, лишь из распахнутой двери крайнего комка падал прямоугольник света. Дорога на север, к дому, интуитивно вычисленная Картузовым, лежала как раз через этот свет, и, ступив в него, он невольно скосил взгляд в раскрытые двери. Скосил и остановился, тотчас признав в сидящих внутри за бутылками своих утренних незваных гостей. Четвертый в их компании тоже оказался знакомым, хотя его утром с ними и не было. Они пили, негромко переговариваясь и не замечая уже ступившего на порог Картузова.

Гриша не то чтобы осмелел, он просто сделался прежним, каким родился и ушел в солдаты, каким был дома, пока не вытянул свой несчастный счастливый лотерейный билет и не связался по собственной дурости с Сеней...

— Пьете? — шагнув за порог, сказал Картузов.

— А, батя, — узнал его молодой, перестав потягивать из стакана. — Что, должок принес? Так ты нам вроде уже не должен.

— Кто это? — спросил смутно знакомый Картузову, но пока не признанный полностью и наверняка годящийся сидящим рядом с ним в отцы, а Картузову в старшие братья.

— Да так, Сенин крестник, — небрежно, но вежливо ответил молодой. — Тот, которого он с квартирой обул. И мы в накладе не остались. Я вам рассказывал, Сергей Павлович...

«Начальник бандитов», — подумал о смутно знакомом Сергее Павловиче, сидящем к нему вполоборота, Картузов. Но сказал, обращаясь к нему, явно не желая зля:

— Вы бы вышли, Сергей Павлович, чтоб под расчет с вашими ребятами не попасть.

— Какой расчет? — не дошло сразу до молодого, а тот, кого он называл по имени и отчеству, отозвался с интересом и удивлением, повернувшись лицом к Грише: — Что? Что такое?!

«Мирошников!» — внутренне ахнул Картузов, признав в нем своего капитана, и растерялся, не зная, верить ли собственным глазам. Однако на этот раз Гриша не упустил мгновения, когда по знаку молодого, наконец врубившегося что к чему, на него бросились слева два мордоворота.

Бросились и тут же легли один на другого, словно манекены в спортзале во время спецподготовки, выбитые от переусердия из держателей-упоров.

Прав оказался Мирошников, не раз повторявший тогда, что вдолбленные им навыки рукопашного боя не исчезнут до гроба. Это как велосипед. Если однажды научился на нем ездить, то не разучишься уже никогда, пусть и сто лет в седло не сядил...

— Чисто сработано, — спокойно одобрил капитан, всматриваясь в Картузова. — Сидеть! — ровно, но напряженно, сказал он же дернувшемуся было за его спиной молодому. А Гришу спросил: — Ты откуда такой взялся, мужик? Школа-то знакомая, а вот ученика, наподобие тебя, что-то не припомню. — Мирошников смотрел в упор на Картузова, пока за спиной вновь не дернулся молодой.

— Сидеть, я сказал!

— Да вы, гляжу, спелись! — взвыл тот от досады, шаря рукой под курткой. — В школе, значит, в одной учились! В лягавой, что ли? Нам твое гнилое прошлое давно не по нутру, Мироха! В гробу видал я тебя с твоей школой!.. — вконец остервенел молодой, нашарив-таки под курткой то, что искал. — Да я вас обоих здесь же положу! — Он вырвал из-под куртки руку, отяжеленную матово-тусклым металлом ТТ.

— Капитан! — крикнул Картузов, понимая, что на этот раз уже не успеет подставить ни себя, ни свою голову, но локоть Мирошникова, и не приподнявшегося, кажется, с табуретки, вмиг переломил стоящего за спиной. Оружие, выпав у того из руки, тупо ударилось об пол.

— Отдохни, — сплюнул капитан, поднявшись. И почти вытолкнул Картузова из комка. Затем, закрыв дверь, сказал: — Погоди. Только в сторону чуть отступи.

Он скрылся за ларьком. Потом все это строение скрипнуло, шатнулось раз, другой и медленно повалилось, ломая о землю раскрывшуюся в падении дверь. Звякнули, словно лопнувшие гитарные струны, электропровода, полетели искры... А рядом с Картузовым вновь оказался капитан, обтирающий руки о кожанку.

— Я тебя узнал, Гриша. Не сразу хоть, но узнал, — наконец сказал он. — Ты куда теперь?

— Туда, — махнул Картузов рукой на север. — Домой.

Из Сениной лавки, так и не обжитой Картузовым, уже вырывались языки пламени. Курилась дымком и эта, только что поваленная Мирошниковым.

— Я б к тебе в попутчики напросился, да после всего случившегося нельзя, — вздохнул капитан. — Не эти, если, конечно, выкарабкаются, так другие из-за меня и тебя, Гриша, достанут. Так что бывай, «деревня», до лучшей поры.

— Бывай, капитан.

Они обнялись. И пошагали каждый в свою сторону.

Владимир БАРАНОВ

Концерт был в самом разгаре. Самодеятельные артисты, невзирая на мелкий дождик, вдруг посыпавшийся с небес, продолжали демонстрировать свое непритязательное творчество. Благодарные зрители — солдаты сводного мотострелкового полка и бойцы-сарбазы афганского батальона «коммандос» бурными аплодисментами отмечали каждый номер. Большая часть зрителей расположилась прямо на земле перед импровизированной сценой, остальные — на броне, уже готовой к завтрашнему маршу обратно в пункты постоянной дислокации. Все машины стояли рядом, и только «Уралы» батареи реактивных минометов «Град» оставались несколько в стороне, находясь в боевом положении. Возле них сутились расчеты.

В роли конферансье выступал замполит этой батареи. Шутки, а порой и экспромты так и сыпались с уст старшего лейтенанта. Зрители хохотали до слез. «Коммандосы» в этом случае смеялись с некоторым опозданием, пока переводчик, стоявший рядом со сценой, переводил остроты замполита на фарси.

Командир взвода специальной разведки лейтенант Марченко также сидел в общей массе. Надялся — настроение улучшится. Сегодня утром у него состоялся нелицеприятный разговор с начальником разведки дивизии майором Сайтовым. Они не сошлись во мнении о методах работы с подчиненными, и в частности, со старослужащими. Говорили на повышенных тонах, и поэтому лейтенанту теперь было не до веселья.

Причиной стычки с майором стали события вчерашнего дня. Воспоминания о них и мешали лейтенанту сосредоточить свое внимание на сцене, где два солдатика-таджика под аккомпанемент дутара исполняли что-то тягуче-жалостливое о несчастной любви юноши, возлюбленную которого отдал замуж за другого. Песня так щемила душу и задевала за живое, что сарбазы прямо-таки пожирали глазами исполнителей таджикского фольклора. Но любовные страдания несчастного юноши, о которых информировал русскоязычную часть зрителей переводчик, не трогали лейтенанта. Думы его были о вчерашнем...

Дом, с которого они начали операцию против опорного пункта моджахедов, стоял на отшибе кишлака и ничем не отличался от себе подобных в окрестностях Кандагаля.

Подошли тихо и в ворота стучали недолго. По ту сторону дувала слышались шаги, и мужской голос что-то недовольно спросил их на пушту. Однако услышав в ответ русскую речь, калитку открыл незамедлительно. В свете электрического фонарика Марченко увидел тщедушного мужчину средних лет, его испуганное лицо. Пожимая по восточному обычаю ладони хозяина дома, лейтенант под своими пальцами ощутил на руке афганца массивные часы с металлическим браслетом.

— Читорасты? Хубасты?¹ — спросил Марченко хозяина дома и, не дождавшись ответа, оттеснил его в сторону, вошел во двор. За лейтенантом последовали его разведчики, также приветствуя хозяина рукопожатием.

Потом начался шмон.

Но в доме ничего интересного для себя разведчики не обнаружили. Семейство афганца — его молодая жена и трое ребятишек — тихо сидело на женской половине. Сам же хозяин дома с кероси-

новой лампой в руках с готовностью представлял для досмотра все комнаты и подсобки своего жилища, включая и помещения на женской половине.

Тем временем пробило четыре часа утра, и лейтенант решил заканчивать с осмотром этого дома и перейти к двум другим, стоявшим дальше, метрах в четырехстах. До 5.30 ему предстояло досмотреть окраину, чтобы затем, к 6.00, выйти к месту встречи с батальоном «коммандос». Такую задачу поставил лейтенанту начальник разведки дивизии.

— Ну все, мужик, хуб². Мы уходим. Фамиды?³ Бро⁴, — стал объяснять Марченко хозяину дома, прощаясь с ним. Но на сей раз пальцы лейтенанта не ощутили холода браслета на запястье афганца. Лейтенант заподозрил неладное.

— Э... мужик, а где часы? Соат, спрашиваю, где? Афганец понял.

— Соат бакшиш. Шурави аскер⁵ бакшиш.

Глядя на Марченко, он пытался улыбаться. Но улыбка выходила какой-то вымученной, и в глазах сквозила тоска. Лейтенант побагровел.

— А ну все выходи строиться! — приказал он подчиненным.

Разведчики, не особо торопясь, выполнили приказ командира. Последним стал в строй рядовой Артяков. Он долго не мог оторвать глаз от фирменных мужских ботинок, извлеченных из сундука. Луч его фонарика так и замер на толстых, литых подошвах заграничных «шувов».

Все разведчики, за исключением двух, были «дедами», лишь на год по возрасту младше своего лей-

¹ Как дела? Нормально? (афг.).

² Хорошо (афг.).

³ Понимаешь? (афг.).

⁴ Идти (афг.).

⁵ Советский солдат (афг.).

За плечами Владимира Петровича Баранова Казанское суворовское училище и Ленинградское общевоинское училище им. С.М.Кирова. Два года войны в Афганистане, где он командовал взводом разведки, был дважды ранен и дважды награжден — орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». По возвращении в Союз командовал разведротой, был начальником разведки полка, учился в Военной академии им. М.В.Фрунзе. Подполковник запаса. Последние шесть лет службы прошли во внутренних войсках. В нашем журнале состоялся и его литературный дебют. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию очередной его рассказ из афганского цикла.

тенанта. В потемках Марченко не видел лиц подчиненных. Но то, что они стоят, привалясь к дуvalu да еще и курят...

— Кто взял часы?

Ответа не последовало. Разведчики продолжали молча курить, исподлобья поглядывая то на лейтенанта, то на хозяина дома, остановившегося рядом с ним и в волнении перебиравшего четки.

— Ну хорошо! У кого сейчас найду эти часы — под трибунал отдам!

В ответ на угрозу из строя слышались лишь смешки да хихиканье.

Марченко полоснул светом своего фонарика по лицам подчиненных. Все разом стихли. Только у некоторых продолжала блуждать усмешка на губах.

— Кто снял, я спрашиваю?! — Лейтенант заорал на разведчиков, нисколько не стесняясь присутствия хозяина дома.

Молчание продолжалось.

— В общем, так, — взяв себя в руки, попытожил Марченко. — Пока часы не будут возвращены, ни одна б... с этого места не сдвинется.

Последняя угроза подействовала на подчиненных несколько отрезвляюще. Перспектива застрять в этом занюханном дворе, когда времени и так в обрез, их нисколько не устраивала: разведчики лелеяли надежду, что те два оставшихся дома все же будут побогаче. Ведь это их последняя возможность прибарахлиться перед дембелем.

— А откуда вы знаете, что это мы взяли? Может, он врет. Пусть покажет, кто у него с руки снял, — буркнул из строя рядовой Бычков. Остальные поддерживали его.

Лейтенант обратился к хозяину дома, указывая на строй:

— Соат, кто взял? Соат, говорю, кто взял?

Марченко подталкивал афганца к строю. Тот примерно понимал, чего от него добиваются.

— А... а... — лепетал он, растерянно всматриваясь в лица солдат. Разведчики в свете фонарика шурили глаза и отворачивали лица. Повторный обход также не дал результатов. Хозяин дома посмотрел на командира шурави и виновато пожал плечами.

— Понятно. Темно было. Не может признать. Тем не менее часы у кого-то из вас. Ну что ж, будем стоять до половины шестого, — стараясь оставаться спокойным, объявил лейтенант.

В строю слышалось что-то похожее на сдавленное мычание. Кто-то смачно сплюнул. Обстановка накалялась. Но Марченко понимал, что если сейчас он спасует и не добьется своего, то перестает

нет уважать себя. Среди разведчиков тем временем началось легкое шевеление, послышался шепоток. Марченко продолжал выжидать, и тогда из строя вышел сержант Коряковский, здоровенный детина с пудовыми кулаками и бритой наголо головой. Он протянул лейтенанту свою открытую ладонь, буркнув при этом:

— Ну вот они, эти часы. Может, хватит?!

— Пока да.

Когда разведгруппа отошла от этого злополучного дома метров на двести, лейтенант остановил своих людей в низинке, где предрассветный туман надежно скрывал их от постороннего глаза.

— Все! Остальные дома смотреть не будем, — объявил Марченко.

В ответ — ни звука.

— Выдвигаемся к месту встречи с «коммандосами», — уточнил лейтенант.

— Так ведь еще и пяти нет! — взвился вдруг рядовой Михайлов. — Полгруппы один дом возьмет, полгруппы — другой. До 5.30 управимся.

Лейтенант понимал, что провести попутный шмон домов перед началом основной операции его дембеля уговорили самого начальника разведки дивизии. С ним они когда-то первыми входили в Афганистан. Он знал каждого из этих солдат поименно — ведь был тогда капитаном, начальником штаба разведбатальона. И вот теперь, поддавшись на уговоры своих любимчиков, он официально поставил задачу по досмотру этих трех домов якобы на предмет наличия оружия и возможной засады против батальона «коммандос».

Всех этих тонкостей Марченко не знал. Внутри него боролись два чувства. Исполнительность обязывала к одному, но чувство омерзения при виде, когда его подчиненные в поисках оружия шарят по сундукам, набитым тряпками, приказывало другое.

— В 6.00 у нас встреча с батальоном «коммандос».

— Успеем! — вставил реплику Михайлов.

— А я сказал — не успеем! — не сдерживаясь, крикнул лейтенант ему в лицо.

— А что ты на меня орешь? — демонстративно спокойным тоном спросил Михайлов, перейдя вдруг с лейтенантом на «ты».

Марченко словно оглушило чем-то. В голове у него зашумело, сердце бешено заколотилось в груди, а ноги стали ватными. Налитыми кровью глазами он смотрел на рядового Михайлова и что-то пытался сказать.

— Ты что?.. На офицера?.. Да я тебя...

Но Михайлов с напускным равнодушием, не обращая внимания на лейтенанта, отступил в сторону и уселся на землю, закурил, поставив автомат между ног. Заметно было, что его трясло от нервного возбуждения.

— Встать! — заорал на него Марченко. — Встать, я приказываю!

Михайлов смерил лейтенанта презрительным взглядом и только сплюнул перед собой.

Вполне осознавая, что он делает, Марченко поднял свой автомат и направил ствол в лицо Михайлову.

Тот продолжал сидеть.

— Что, стрельнуть решил? Стреля-ай... — протяжно выдохнул он, демонстрируя равнодушие.

Еще секунду назад Марченко хотел что-то сказать об ответственности за воинские преступления, которые в боевой обстановке караются... Но теперь лишь передернул затвор.

В то же мгновение чья-то рука опустила ствол лейтенантского автомата и выдернула оружие. Причем рывок получился такой сильный, а самое главное — неожиданный, что взводный не удержался на ногах. Его АКМ перешел к сержанту Коряковскому, который незамедлительно отделил магазин. Остальные разведчики молча, с осуждением смотрели на своего командира, тяжело поднимающегося с земли.

— Так, значит... Бунт на корабле, — отрешенно произнес Марченко, окидывая вдруг повлажневшими глазами подчиненных. Потом посмотрел на часы. Было без четверти пять. — Ладно. Можете идти шмонать. Я никого не задерживаю.

Затем, уже внешне спокойный, он шагнул к Коряковскому, забрал свой автомат, магазин и обратился ко всем:

— Говорю в последний раз. Кто со мною — вперед, шагом — марш!

И Марченко в одиночку, не спеша зашагал вверх по горной тропе. Секунд через двадцать он оглянулся. Его разведчики стояли на прежнем месте, что-то горячо обсуждая. Марченко продолжал удаляться от них. Но вскоре он услышал приближающийся топот. Разведгруппа в полном составе догнала своего командира...

Когда они прибыли на место, батальон «коммандос», как понял Марченко уже пошел на штурм населенного пункта Кандагаль. Это было заметно по отсутствию большого количества сарбазов на месте встречи и начавшейся артподготовке. По плану командования

первая и вторая роты батальона, используя обходные пути, должны были охватить противника с флангов, третьей роте предстояло атаковать кишлак в лоб. Внимание командования к Кандагалю объяснялось тем, что именно через него шел основной поток оружия и боеприпасов из Пакистана в Панджшерскую долину боевикам Ахмат-шаха Масуда.

Других подразделений для взятия кишлака не привлекали, тем более что соотношение только в живой силе было, по данным агентурной разведки, шесть к одному в пользу «коммандосов». Далее планировалось, что батальон станет в Кандагале гарнизоном до весны.

Разведывательная группа лейтенанта Марченко была придана третьей роте для оказания помощи при «зачистке» кишлака.

Действия батальона поддерживала минометная батарея сводного полка.

Под развесистым деревом, неподалеку от командно-штабного бронетранспортера, сидела группа офицеров в афганской форме. Они наблюдали за приближением разведчиков. Со стороны кишлака доносилось глухое уханье мин. Марченко, оставив своих людей возле «кашээмки», отправился доложить старшему о прибытии. Он извинился за опоздание, потому что заплутали немного. Но старший, майор по воинскому званию, советник командира батальона, оборвал его на полуслове:

— Да ты не суетись, командир. Догонишь свою роту. Она недалеко ушла.

Рядом с майором вокруг расстеленного на земле солдатского одеяла из верблюжьей шерсти, на котором возвышались пиалушки, заварной чайник и тарелки с леденцами, возлежали двое — капитан, советник заместителя командира батальона по политической части, и переводчик, старший лейтенант. Оба они, как и майор, были без знаков различия. Но Марченко после вчерашнего обсуждения плана операции знал их и в лицо, и по званию. Чуть поодаль, у небольшого мангала, копошились двое сарбазов, и оттуда явственно доносился запах поджариваемого на углях мяса. Рядом на огне закипал чайник.

Марченко невольно сплотнул сплуну. На самой «кашээмке» и возле нее расположились еще с десяток «коммандосов». Они смешались с разведчиками, и между ними завязалось нехитрое солдатское общение. Разведчики угощали собратьев по оружию своим казенным куревом, те, в свою очередь, предлагали им «Кент» и «Мальборо» в обмен на незамысловатые «Охотничьи» и «Донские». Для сар-

базов это было новое ощущение вкуса табака: экзотика!

Лейтенант не понимал идиллии, царившей здесь. Батальон ушел воевать, а советники решили устроить чаепитие. Бросили батальон? Но майор уже заметил недоуменный взгляд Марченко и жестко осадил его:

— Да ты не сверли меня глазами, лейтенант. Не сверли! Мне ихние междусобойные разборки до одного места. Лично мне и им, — майор кивнул на своих товарищей, — до замены месяц остался. И мне мои яйца еще дороги. Они и жене моей пригодятся. А афганцы пусть сами между собой разбираются. Это их дело. Я не воевать сюда приехал, а советовать, как надо воевать. А это — когда знаешь, где друг, а где враг. Здесь же черт-те что начинается. Народ против нас поднимается...

Майор было разошелся, но, спохватившись, умерил свой пыл.

— А ты давай догоняй роту. Там и комбат. Я с ним связь держу. Да смотри сдуру людей под пули не бросай. Афганцы пусть первыми идут...

Свою третью роту они увидели метров через четыреста, пробежав по руслу высохшего ручья в сторону кишлака. По обеим сторонам оврага темнели деревья и кустарник с уже осыпавшейся листвой. Меж деревьев мирно паслись коровы.

Пока бежали, кроме разрывов мин слышали еще недолгую, но довольно активную стрельбу из автоматического оружия. Поэтому приняли меры предосторожности: рассыпавшись цепью, перебежали от дерева к дереву.

О происшедшем инциденте все как бы позабыли. Реально осязаемая опасность заставляла разведчиков выполнять приказы взводного без промедления.

А третья рота отступала. Среди сарбазов были и раненые. Двое шли своим ходом, одного несли на носилках. Командир батальона, узбек по национальности, в запыленном камуфляже устало брел вместе со своими подчиненными. На довольно сносном русском языке он объяснил, что большая часть второй роты вместе с замполитом батальона перешла на сторону противника и преградила третьей роте путь на Кандагаль. Дело дошло до огневой стычки. Последние слова комбат подытожил отборным русским матом.

Марченко смотрел на проходивших мимо «коммандосов». Ни тени уныния он не заметил на их лицах. Сарбазы, хотя и уставшие физически, шли, весело переговариваясь друг с другом. Они знали,

что зимовать гарнизоном в Кандагале им уже не придется, потому что послезавтра сводный полк отправляется обратно в Кабул. А без него им Кандагаль по новой не взять. То, что сослуживцы из второй роты переметнулись к противнику, — так это был их выбор. Отсюда им до своих кишлаков рукой подать. Толпу отступавших замыкали трое. Двое сарбазов тащили за собой упиравшегося всеми четырьмя копытами молодого бычка, а третий погонял скотинку сзади, теребя хворостинкой промежность...

Между тем концерт, посвященный дню рождения комсомола, приближался к своему логическому завершению. На сцене теперь блистал начальник штаба батальона, пышноусый ингуш — капитан Аушев. Он выдавал что-то очень зажигательное. Грациозно раскинув покрытые маскхалатом руки, он выделял ногами такое, что у зрителей от восхищения ноги сами ходили ходуном. Сарбазы самозабвенно, не жалея ладоней, подзадоривали капитана на еще более быстрый темп танца. Аушева на бис вызывали два раза.

Потом на сцену снова выскочил конферансье с красным флажком в руке. Выждав, пока все утихнет, старший лейтенант с пафосом объявил:

— А сейчас... Наша гвардейская, реактивная, минометная батарея... — замполит выдержал паузу, пока его слова переводились на фарси, — в ознаменование очередной годовщины Ленинского комсомола... — замполит продолжал чеканить фразы с еще большей патетикой, подняв правую руку с флажком вверх, — внесет свою лепту... в дело борьбы с врагами Апрельской революции... и нанесет комсомольский залп... по скоплению душманов... в деревне Кандагаль!

Замполит сделал отмахку флажком, и восторженный рев толпы слился со свистящим шипением выходящих из стволов реактивных снарядов, чьи ярко-оранжевые хвосты быстро растворялись в жмари осеннего неба.

На следующий день, еще затемно, огромная махина сводного полка и батальона «коммандос» устремилась по одному маршруту в сторону Миттерлама, административного центра провинции Лагман. Войска уходили, оставляя изрядно потрепанный, израненный, но не покоренный край. Пуштунское племя нури показало, что не потерпит над собой насилия, тем более чужеземного.

Машины шли по грунтовой дороге, поднимая

шлейф пыли. Они пронеслись мимо обезлюдивших кишлаков, жители которых бежали от войны в соседний Пакистан. Там, где жизнь продолжала теплиться, технику провожали чумазые, босоногие ребятишки да седобородые старики взглядами, полными укоризны.

Марченко сидел наверху своего бронетранспортера в командирском люке. Его подчиненные дрыхли внутри БТРа. Начальник разведки майор Сайтов ехал впереди в командно-штабной машине. Лейтенант опять вспомнил вчерашнюю разборку начальника с ним. В ответ на предложение Марченко уволить рядового Михайлова в качестве наказания с последней партией майор пообещал уволить его самого из разведки после возвращения в пункт постоянной дислокации.

Колонна шла напрямиком на Джелалабад уже второй час. По обеим сторонам дороги расстилалась равнинная полупустынная местность. Ничто не предвещало неожиданности, как вдруг машины остановились и в небе послышался гул звена вертолетов. «Вертушки» сделали круг, и после этого одна из них приземлилась на площадке, обозначенной дымами. Марченко видел, как подполковник Томинский, командир сводного полка, побежал к вертолету, из которого выходила группа военных. По крайней мере, один из них, как показалось лейтенанту, был генерал.

По колонне объявили «Сбор» для командиров отдельных рот и выше. Совещание длилось недолго. Уже через полчаса Ми-8 стали раскручивать винты, и группа прилетевших снова погрузилась в вертолеты. Все, кого вызывали для экстренного совещания, стали расходиться по своим подразделениям. Майор Сайтов направился к БТРу разведчиков. На его лице блуждала хитрая азиатская улыбка. Он с ходу ошарашил лейтенанта:

— Ну что, командир, «отставка» твоя пока что отменяется. В общем, возвращаемся обратно. Приказано — до ноябрьских праздников Кандагаль взять. Батальон «коммандос» от нас убирают.

Потом Сайтов добавил чуть помягче:

— Ты это... О переводе не думай. А со своими дембелями найди общий язык. Слишком уж ты прямолинейный. А к людям нужен подход. И не строй из себя святошу! В общем, дерзай. Отличись — к ордену представим.

Марченко смотрел в спину уходившему к «кашэ-эмке» майору. Несмотря на произнесенное, как ему показалось, не слишком справедливое «святоша», чувствовал, что камень все же свалился с души. И лейтенант уже предвкушал возможность доказать в деле, кто есть кто и чего стоит.

«Разберемся... В бою разберемся», — повторял про себя он.

Из соседнего люка вылез разведчик Пожидаев с заспанным лицом и краюхой хлеба в руках.

— Чего стоим, товарищ лейтенант? Случилось что?

Марченко сплюнул:

— Случилось!.. Обрато возвращаемся. Приказано — до седьмого Кандагаль взять.

У Пожидаева от неожиданности округлились глаза:

— Шутите, товарищ лейтенант?!

— Какой там шучу! Смотри, что делается. — Он указал на головные машины, которые, уже развернувшись, катили навстречу. Следом идущие повторяли их маневр.

Пожидаев перестал жевать краюху. Он тупо глядел на происходившее, а когда убедился, что все это действительно наяву, расцвел в широчайшей улыбке:

— Во клево! На ноябрьские опять концерт посмотрим! — Он тотчас же скрылся в чреве БТРа, чтобы осчастливить погодков, которым, как и ему, до приказа оставалось еще шесть месяцев.

Вначале под броней несколько секунд стояла тишина. Но вскоре дикие вопли и ругательства «дедов» грянули оттуда, и вся орава повысовывалась из люков, чтобы убедиться в правдивости услышанного.

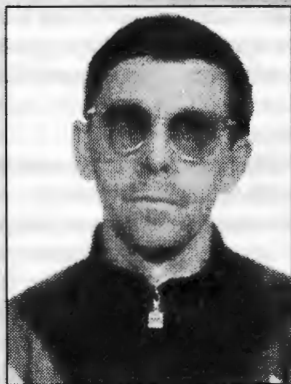
Когда общий поток машин сводного полка на полной скорости мчался в сторону Миттерлама, из БТРа разведчиков под аккомпанемент гитары уже неслось отчаянно-залихватское:

*Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля...*

Марченко слушал песню и не без ехидцы улыбался. А его подчиненные, надрывая глотки, продолжали изливать свою тоску по дому:

*И куда ни взгляни
В эти майские дни,
Все счастливые ходят они.*

Юрий ТОСКАЛЕВ

Уважаемая редакция! Пошляем вам стихи бывшего нашего сослуживца старшего прапорщика в отставке Юрия Викторовича Тоскалева. Судьба его сложилась трагически: прослужив 27 лет, он в одночасье лишился зрения, и врачи оказались бессильными помочь. Несмотря на тяжелый недуг, Юрий Викторович не утратил силы духа, желания жить. Он не замкнулся в себе, а наоборот, сам ищет дорогу к людям. В 1993 году ему пришлось заново учиться ходить, а сегодня он довольно свободно передвигается по городу, ежедневно делает физзарядку, пробежку — три-пять километров на стадионе. Раньше он как-то и не помышлял, что когда-нибудь будет писать стихи. А вот теперь пишет, и за три года их у него накопилось много. Они помогут ему жить. Представляем на ваш суд некоторые из них. Будем рады, если хоть что-нибудь напечатаете.

С уважением —
прапорщики Надежда АКСЕНОВА
и Лариса ШАЙМОВА.

г. Златоуст
Челябинской области.

«Я научился видеть сердцем...»

Утро вставало росой умыться.
Надо же было такому

случиться:

Кони купались на ранней заре,
Кони катались по алой траве.

В зыбком рассвете
рождались картины
С реченькой
в зарослях красной рябины,
С дальним покосом
на склоне горы,
Где журавли
оставляют «курлы».

С домом на хуторе,
с садом веселым,
С запахом лета —
жарким, медовым,
С рыжим мальцом
у открытой калитки —
Рот белозубый
в счастливой улыбке.

С матушкой,
пьющей чаек в палисаде —

Сахар вприкусочку,
блюде в помате.

С батеи в шинели —
как крылья, погоны.
Встречи, разлуки,
рельсы, вагоны...

Ах, эти милые добрые лица,
Надо же было
такому присниться.

Только вот сердце заняло
в тревоге:

Кони мои притомились
в дороге.

Им бы, родимым,
в траве порезвиться,

Им бы водицы
из речки напиться,

Им бы в табун
да на вольную волю —

Сбросить с копыт
неизбывную долю.

Опять призывно
ветер затрубил

И, до рассвета
разбудив подворье,
В оконце постучал и поманил
С собой туда —

в осеннее приволье.
За Уреньгу в покосные луга,
В охотничью избушку
у подножья,

К останцам,
где в прогалинах тайга
Теснится по карнизам
бездорожья.

Иль, может быть,
на дальний Таганай —
За клюквой

в Киалимские болота,
На Малую Тесьму,

где, то и знай,
По чернотропу катится охота.
Иль вот еще —

пойти за перевал,
На Филинском ключе
шалаш поставить

И брать по крутизне
Большой Урал,
И запись на скале

о том оставить.
Закат бы встретить с другом
у костра,

А утром от поверженной
вершины —
Под ветра заунывное «пора» —

Спускаться с гор
в озябшие долины.

Ну что ж, прощай,
бродяга Таганай.

Прощай, тайги
веселое раздолье.

Я к вам вернусь,
когда нагрет май,
В мое родное
Златолукоморье.

Опрокинула летняя
звездная ночь
Чашу лунного света
в оконце избушки,

ПОЭЗИЯ

И тоска —
одиночества блудная дочь —
Оттащила меня
от бессонной подушки.

Тихо скрипнула
кем-то открытая дверь.
Уж не леший ли это стоит
у порога?

Нет, то, видимо, старая ель
Покачнулась от ветра,
что тянет с отрога.

За избушкой моей
Костроминка-гора
Прячет гордую статью
под ночным покрывалом.
Бледно смотрит луна.
Под ногами тропа
Поднимается к звездам
крутым перевалом.

Лес полуночным шорохом
сердце томит,
Силуэтами странными
разум тревожит.
К речке Каменке
путь мой недолгий лежит,
Где туманы пьянят,
гулко филин ворожит.

Разведу костерок
на крутом берегу,
Зачерпну котелком
родниковой водицы,
Час-другой отдохну,
солнцу встать помогу
Под негромкий концерт
щебетуны синицы.

Ну а речка?
Все так же куда-то бежит,
Спотыкаясь на мхом
отороченных камнях,
Намывает песок,
на порогах ворчит,
Ускользая от взгляда
в березовых ставнях.

Не стремился бы я
в суету городов,
А остался бы здесь
под зеленым покровом
Пить нектары богов
из криницы веков,
Наслаждаясь Урала
чарующим словом.

Ах, сколько еще
мне осталось на свете
Любить эту синь вечеров,
Искать откровенья
в осеннем рассвете,
В кукушкином скорбно
пропетом ответе
И ждать не дожидаться

Покров.
Ах, сколько еще мне осталось,
скажите,
Идти по болотным ржавцам
К далекому могилам
в покинутом ските,
Где пращурь молят:
«Найдите, найдите
Дорогу к забытым жрецам».

Ах, сколько еще мне осталось
с друзьями
Веселых зазданных пиров,
Цедить медовые настои
устами,
Слегка прикасаясь друг к другу
сердцами,
Под пенье призывных ветров.

Ах, сколько еще мне осталось
на вдохе
Лелеять землю свою
И дымку на небе
в багряном сполохе.
Коль боги не взропнут:
«Везет же пройдохе!..»,
Я, может быть, песнь допою.

Ах, сколько еще мне осталось,
не знаю,
В туманную зябкую новь
Идти, не сгибаясь,
по самому краю
К вороньему
иссиня-черному граю,
Где стынет на выдохе кровь.

Он как-то мимо проходил
И белой тростью выводил
В песке узоры.

Что ищешь ты перед собой,
Что потерял, скажи, друг мой:
Земли просторы?

А может, реченьки разлив?
Заката сказочный мотив?
Любимой взоры?..

Но рассмеялся он в ответ:
«На этом свете счастья нет,
Лишь разговоры.

Вот разве встретишь на пути
Образ — мостов не навести —
Кругом заборы.

Да приголубят иногда,
Когда под сердце без стыда
Вонзают шпоры».

Ну что я мог ему сказать?
У жизни есть изнанка, знать.
Задернем шпоры.

Не называй меня слепым.
Поверь, я тот же,
что и прежде, —
Витаю в призрачной надежде
И впредь быть ангелом твоим.

Не называй меня слепым.
Во снах я вижу буйство красок,
На лицах нет угрюмых масок,
Твой образ памятью храним.

Не называй меня слепым.
Я научился видеть сердцем.
А ты — на раны солью,
перцем...

Как будто стал тебе чужим.
Не называй меня слепым.
И даже в час последней
встречи

Не называй...
Пусть пышут свечи.
Пусть будет выбор несудим.

Ты назовешь меня святым
В тот самый день,
когда, как гостью,
Я встречу у порога с тростью
С молитвой на устах, седым...

Не называй меня слепым.

К ДНЮ КОСМОНАВТИКИ

ГАГАРИНСКОЕ ДРЕВО

Шла весна 1963 года. Мне, начинающему военному журналисту, проходившему тогда службу на Камчатке, вручили предписание с предложением в трехдневный срок сдать дела и убыть в Хабаровск на должность ответственного секретаря войсковой газеты.

... В обрамлении малахитового зарева город на Амуре предстал необыкновенно ухоженным. На главной улице набирали цвет тополя, среди зелененьких стебельков пробивались фиолетовые язычки цветов сакуры. В воздухе витал будоражащий запах буйного мая.

Вечером ознакомился с телефонограммой коменданта гарнизона, в которой говорилось о прибытии в Хабаровск первого космонавта Земли Юрия Алексеевича Гагарина. К официальному документу прилагался также перечень подготовительных мероприятий в связи с этим знаменательным событием.

Радость была ошеломляющей! Не секрет, что в те годы космо-

навты представлялись нам, людям земным, небожителями. А сама их профессия считалась самой романтичной. Это теперь, на пороге третьего тысячелетия, наши дети и внуки мечтают стать банкирами и коммерсантами. Вот так трансформировался еще не забытый нами романтизм под прессом пошлых, прозападных идеологов. На космонавтику и культу-

ру, на воспитание духовности, как, впрочем, и на достойную жизнь соотечественников, у государства, оказывается, нет средств.

В те далекие годы руководство Хабаровска решило на пустующем массиве у Краснореченского шоссе разбить молодой парк и назвать его именем Юрия Гагарина. На это торжество слетелись газетчики всех краевых и

военных изданий. Довелось присутствовать и мне.

Что запомнилось в молодом полковнике Гагарине? Безусловно, его «трансконтинентальная» улыбка. Крепкий, белозубый, он по-детски шурился от яркого солнца и, казалось, светился сам. В приподнятом настроении Юрий Алексеевич то и дело заводил непринужденный разговор с командующим армией ПВО дважды Героем Советского Союза генералом Боровых. Именно тогда первый советский космонавт в присутствии тысяч горожан посадил молоденькую сосенку и маньчжурский орех...

У кавказских народов есть прекрасная традиция: старик, отдавший сыновьям «поводок арбы» и ушедший на покой, стремится своими силами сделать что-то полезное для аула — построить, к примеру, мостик через

бурный поток, проложить тропинку в горы или к роднику и, конечно же, посадить деревья на пустыре, чтобы оставить о себе добрую память на все времена.

... Какой же ошеломляющий, светящийся вечной добротой след оставил на планете Земля Юрий Гагарин — это счастливое и трагическое дитя России! И все, наверное, потому, что каждый день своей жизни он не прожил с расчетом. Черновой набросок какого-то отрезка судьбы был для него неприемлем и разрушителен. Он жил набело. Как Пушкин, как Есенин, как Высоцкий.

А сколько этот человек посадил деревьев в дальних и ближних уголках земного шара! Если собрать их воедино, образовался бы чудесный и уникальный парк дружбы. Поистине разрослось гагаринское древо жизни...

В конце 90-х годов мне, как в

счастливой лотерее, выпала командировка в город моего корреспондентского детства. На «Волге» коллеги прокатили с ветерком по знакомому до боли Краснояреченскому шоссе Хабаровска.

Вот и повзрослевший парк имени Гагарина. Подернутый серым пеплом предвечерья, над Амуром дотлевал закат. Березы роняли прощальный желтый дождь. Гагаринский орех из некогда хиленькой лозы превратился в величественное дерево с тонким масляничным запахом листьев. Они были ярко-зеленые, как будто покрытые лаком, и казалось, что тлен скоропалительной дальневосточной осени их не тронет.

**Полковник в отставке
Юрий ДУРНЕВ**

МЫ ПОМНИМ ЕГО...

В древности родилась мудрость: «В мире так живи, чтобы не кончалась жизнь твоя». И он, Юрий Гагарин, жил так, что и после смерти его жизнь продолжается. Ведь даже сейчас, когда позади космические этапы исключительной сложности, все еще удивительным кажется факт полета человека за пределы своей планеты.

Да, был первый спутник, была обитаемая лаборатория с Лайкой, были старты ракет к Луне. Рокот космических стартов все чаще сотрясал Землю, но специалисты не были единыдушны в вопросе о возможных сроках полета человека. Говорили о десятилетии, называли и более отдаленное время

и... ошибались. Люди мечтали о полете к звездам столетия назад, хотя технических средств для осуществления этой дерзновенной мечты не было. Но вот над планетой появились спутники, а о полете человека все еще говорили с осторожностью. Сознание было не подготовлено к наступлению эры полетов человека в космос. Наверное, потому и восприняли мы первый полет как чудо.

Ну а как отнесся ко всему этому космонавт № 1? Вот его слова:

— Чуда не было, была реальная действительность. Коммунистическая партия, советский народ создали замечательную космическую технику и

доверили мне, рядовому летчику, первый полет в неизведанные дали.

В Звездном есть музей, где бережно хранятся реликвии подвига: теплозащитный голубой костюм из шелковистой ткани, в который был одет Гагарин, приказ министра обороны СССР о присвоении ему внеочередного воинского звания майора. Здесь же партийный билет космонавта № 0890-9627, пятигранный значок «Летчик-космонавт СССР» с порядковым номером «1» на обратной стороне, удостоверение личности офицера, пропуск в Звездный с грифом «Проход везде». Последние письма, дипломы, подарки, лунный глобус, карта...

Михаил РЕБРОВ
(Из книги «Советские космонавты»)

Знаменательные даты

Ветеран Великой Отечественной войны Лука Григорьевич Чернодубровский уже многие годы занимается исследованием жизни и творчества великого поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко. Это увлечение вряд ли можно назвать случайным. Родное село Чернодубровского находится всего в одиннадцати километрах от села Кирилловки (ныне Шевченково) — там проходили детство и юность знаменитого кобзаря.

В нынешнем году, когда исполняется 185 лет со дня рождения Тараса Шевченко, ветеран принес в редакцию журнала материалы о жизни и творчестве великого земляка, поделился своими воспоминаниями и наблюдениями.

Сказать, что сегодня имя и творчество Тараса Шевченко предано забвению, нельзя. И в наши дни найдется немало поклонников и почитателей его таланта. К ним отношусь и я.

Увлечение творчеством народного поэта, интерес к его биографии появились у меня еще в школьные годы, благодаря моим учителям. Они первые познакомили нас, школьников, с произведениями Шевченко, организовали экскурсии в хату-музей в Кирилловке.

В годы моей юности (конец 20-х — начало 30-х годов) поэма "Кобзарь" была самой популярной книгой на Черкащине. Ее чита-

Он был живая песнь

ли стар и млад. Каждый год в городах и селах проводились шевченковские дни. Проводились они и в родном селе поэта, в Кирилловке, где мне довелось учиться в техникуме. Студентом часто посещал хату-музей. Не раз встречался со старожилами, которые лично знали поэта-земляка. В шевченковские дни устраивались литературные вечера, читали стихи поэта, пели песни на его слова, слушали воспоминания о нем наших земляков.

Я благодарен судьбе, что мне довелось хаживать теми тропами и дорожками, по которым юный Тарас ходил к местному дьячку учиться грамоте. Бывал и там, где парубок с чернобровкой Ок-

саной пас ягнят. Старожил Маломуж поведал мне, что шестилетний Тарас мечтал найти столбы, на которых держится небо.

"Не за этой ли горой, напротив старого сада, стоят железные столбы, на которых держится небо? — спрашивал маленький Тарас. — А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его подпирают? Пойду посмотрю, ведь это же недалеко", — решил он однажды.

Прошел через леваду и долину за околицей села. Затем взобрался на вершину огромного кургана — этих насыпей над древними могилами было немало разбросано по всей Украине. Поглядел вокруг, а столбов нет. Только села видны окрест.

Вечерело.

"Сегодня, верно, уж не успею я дойти до них. Выберусь завтра", — размышлял мальчик, возвращаясь домой.

Студентами в сопровождении седовласых дедушек мы посетили и этот курган. Читали там "Кобзаря". Так из года в год обогащал я свои познания о жизни и творчестве поэта-земляка.

Неоднократно посещал музей поэта на Тарасовой горе возле Канева. После войны несколько раз бывал в Государственном музее Т.Г. Шевченко в Киеве. Познакомился там с его директором Ольгой Ивановной Поляничко — замечательным человеком, большим энтузиастом музейного дела. От нее узнал, что первая экспозиция музея была открыта в доме 12 на бульваре Шевченко еще в 1949 году. Рядом с музеем находится Государственный университет имени поэта. В парке напротив учебного заведения стоит памятник ему.

Сегодня в двадцати двух залах Государственного музея находятся свыше четырех тысяч экспонатов. Они повествуют о жизни и творчестве поэта и художника, борца за счастье народное.

Государственный музей Т.Г.Шевченко — своего рода книга о необыкновенной жизни и плодотворной творческой деятельности Тараса Шевченко. С помощью сотрудников музея, опытных и отзывчивых, прочитал я ее страница за страницей. В залы и запасники музея приходил не из праздного любопытства, а дабы обогатить свои познания о великом земляке.

С этой же целью посетил и музей Т.Г.Шевченко в переулке Козье болото, возле Крещатика. Там в 1846 году снимал он квартиру. Ныне Козье болото — Шевченковский переулок. В этом музее тоже богатая экспозиция, и здесь работает прекрасный творческий коллектив.

К сожалению, сегодня такого массового интереса к творчеству Т.Г.Шевченко не наблюдается. Мне приходится встречаться с современной армейской молодежью. Она мало что знает о человеке, имя которого известно во всем мире.

Да это и не удивительно. Ведь сейчас в российских школах знакомятся с творчеством поэта начинают только в седьмом классе. С творчеством человека, всю сознательную жизнь боровшегося против деспотизма, тирании, произвола, царивших в Российской империи, мечтавшего о великой, вольной семье народов.

Литературное наследие поэта в хрестоматии для седьмого класса представлено всего четырьмя произведениями. К сожалению, создатели учебника не нашли места на его страницах для таких замечательных произведений поэта, как "Сон" и "Кавказ". Они очень актуальны в наши дни.

Шевченко с полным правом

называют не только украинским, но и русским поэтом. На Украине прошли детство и юность великого кобзаря и лишь четыре года творческой деятельности. В России же он жил и творил двадцать восемь лет.

Сегодня, когда два великих славянских народа переживают сложный период в своей истории, как никогда прежде, полезно обращаться к творчеству Шевченко. Трудно переоценить его значение для России и Украины. Поэт до конца дней своих вынашивал идею единения не только славянских — всех народов мира. И прежде всего он думал о судьбах простых трудовых людей. Его стихи дышат горячей любовью к народу. Думы народные — его думы.

Одно из знаменитых его произведений — сатирическая поэма "Сон". В ней показана ужасающая картина помещичьего произвола в России времен Николая I. Поэт преклонялся перед мужеством народов российской империи и призывал их к совместной борьбе против угнетателей. Эту же тему развивает он и в поэме "Кавказ".

Вы боритесь — поборите!

С вами правда, с вами слава

И воля святая.

Известно, что Тарас Григорьевич был единомышленником Чернышевского и Добролюбова, встречался с писателем Акакием Церетели. "Встреча осталась для меня светлым воспоминанием на всю жизнь. Признаюсь, он первый дал мне понять, как надо любить Родину и родной народ" — так описал Церетели впечатления, которые произвел на него великий кобзарь.

Тарас Шевченко относился с любовью к народам не только великой России, но и всего мира. Он был противником любых идей о какой бы то ни было расовой

или национальной исключительности кого-то из них. В Петербурге Тарас Григорьевич подружился с негритянским трагиком Айра Олдриджем. Работая над его портретом, он пел украинские народные песни. Олдридж отвечал негритянскими.

Пламенные шевченковские

строки любили декламировать русские революционные демократы. Шевченко для многих поколений стал примером беззаветного служения своему народу.

Народность поэзии Шевченко в том, что в ней отражены самые прогрессивные идеи эпохи, самые передовые устремления русской общественности, выражавшие заветные думы и чаяния народа. В этом суть великого общенационального значения творчества поэта.

Драма "Никита Гайдай", написанная на русском языке, преисполнена высоких патриотических чувств:

Святая Родина! Святая!

Иначе как ее назвать?

Ту землю милую, родную,

Где мы родились, росли

И в колыбели полюбили

Родные песни старины...

В ком нет любви

к стране родной,

Те сердцем нищие калеки.

Ничтожные в своих делах

И суетны в ничтожной славе.

Слово Шевченко обладает чудодейственной силой. Пламенное, трепетное, дышащее народной мудростью, оно правдиво отражает жизнь народа.

“Воистину народным поэтом” назвал Тараса Григорьевича Горький. Глубокий реализм его творчества заключался в революционной активности, в гуманизме, интернациональной направленности. Обновление жизни общества поэт считал возможным в то время только путем революционной борьбы.

Шевченко по праву считается основоположником новой украинской литературы. Глашатаем грядущего дня, ожидавших Россию революционных событий. Он предсказал гибель монархии. Поэт считал, что только революция откроет перед народом широкие просторы для творческого расцвета:

*Земля моя, распашися
Ты в степи просторной.
Ты прими в себя, родная,
Ясной воли зерна!
...Ты засейся не словами,
А разумом, нива!
Выйдут люди. Время жатвы
Настанет счастливой.
Расстелись же, развернись же,
Убогая нива!!!*

Свободолюбивое творчество Шевченко пережило столетие. Оно было и остается всегда близким и дорогим борцам за народное счастье, к какой национальности они бы ни принадлежали.

Похороны Шевченко в 1861 году в Петербурге превратились в крупную политическую демонстрацию. На могиле поэта друзья установили медную доску с надписью: “Твоя душа, твоя песня не умрет”... А в конце апреля того же года гроб с телом поэта был отправлен на Украину. Последний его путь сопровождался митингами и демонстрациями.

Гражданская панихида в Москве прошла при громадном стечении народа. Многолюдно было при встрече гроба в Орле, Глухове, Нежине. Утром 6 мая похоронная процессия подошла к Днепру, к Цепному мосту. Гроб с телом Шевченко был внесен в церковь на Подоле в Киеве.

Седьмого мая при большом скоплении киевлян гроб был отправлен на пароходе по Днепру и в четыре часа 8 мая прибыл в Канев. Похороны состоялись 10 мая на правом берегу Днепра на горе Чернечьей. Теперь ее называют Тарасовой горой. Ее видно издали, когда плывешь по Днепру. А с вершины горы открываются “ланы широкополи, и Днепро, и кручи”, воспетые кобзарем. Там, на вершине, могила поэта и бронзовый памятник ему. Музей-заповедник Тараса Шевченко за время его существования посетило более двенадцати миллионов человек из 130 стран мира.

... Когда в 1944 году в село Шевченково вступили воины-освободители Красной Армии — русские, украинцы, белорусы, грузины, узбеки и солдаты других национальностей СССР, смотритель музея Т.Г.Шевченко, один из потомков поэта Терентий Трофимович Шевченко показал офицеру музейную книгу отзывов. Он сберег ее во время оккупации. В книге особо привлекла запись: “Мы вернемся, Тарас Григорьевич”. Ее сделал в 1941 году во время отступления наших войск капитан Борисенко. Командир роты, освобождавшей село, записал в книгу: “Вернулись! Лейтенант Жданов, январь 1944 г.”. Эти записи — свидетельство большой любви к поэту.

... В дневнике военного корреспондента Б.Полевого имеется запись: “Новость! Радостная новость! Сегодня освобожден приднепровский город Канев.

Враг изгнан с горы Чернечьей, на которой похоронен Тарас Шевченко”.

Было так. Фронт приближался вплотную к Днепру, и фашисты вырыли на холмах, соседних с тем, где покоится прах Шевченко, окопы и дзоты. За Чернечьей занимали позиции артиллерийские батареи, которые вели обстрел наших войск. Наблюдатель-корректировщик врага даже не маскировался, сидел у окна музея, откуда видны все подступы к Днепру. Гитлеровцы рассчитывали вызвать ответный огонь, чтобы разрушить могилу поэта. Но наши воины проявили гуманность и терпение. Ни один снаряд, ни одна бомба на Чернечью не упали. Наша разведка точно выявила позиции немецкой артиллерии, и по ним был нанесен огневой удар. Советские войска во взаимодействии с партизанами успешно провели боевую операцию и освободили у врага Канев, спасли народную святыню — могилу Тараса Шевченко.

Когда служил, с удовольствием проводили в армейских коллективах творческие Шевченковские вечера. Солдаты и офицеры помогали мне в этом. Сейчас трудно назвать страну, где бы не знали поэта. Везде чтят память о нем. Тарас Шевченко — это мудрость народа, сама его совесть. Песни Шевченко не умерли, живут и поныне. Обращение к творчеству поэта будет всегда современно. Поэт призывал народы к единению, к братству. Жаль, что об этих призывах сегодня, похоже, напрочь забыли те, кто нацеливает свою политику на разрыв дружественных уз между народами Украины и России. Уверен, история не простит разрушителям их неразумной политики.

Встреча для вас

Мастер спорта международного класса старший лейтенант Светлана ГУНДАРЕНКО служит в Московском округе внутренних войск. Она четырнадцатикратная чемпионка России и двукратная чемпионка Европы по дзюдо. Дважды поднималась на вторую ступеньку европейского пьедестала почета, и еще дважды ей вручали бронзу. На чемпионате мира по дзюдо Светлана вновь стала третьей. А в 1997 году в Японии эта женщина завоевала звание чемпионки мира по боям без правил.

С титулованной спортсменкой из общества «Динамо» беседует наш корреспондент.

СВЕТИК - МОТОСВЕТИК

— Светлана, расскажите, пожалуйста, немного о себе: откуда вы родом, где учились, когда начали заниматься спортом?

— Родилась я в Челябинске и до 25 лет жила в этом прекрасном городе. Училась в обычной средней школе. Ростом Бог меня не обидел, поэтому когда к нам в класс приходили спортсмены, тренеры, то обязательно приглашали идти к ним в секции и что-то там метать, толкать... Почему-то заниматься волейболом или баскетболом предлагали реже, хотя мне больше нравились именно игровые виды спорта.

В борцовский зал попала совсем случайно. Мне было 14 лет, и я познакомилась с одним мальчиком, который назначил свидание в... спортзале. Дело в том, что он занимался борьбой, и после его тренировки мы договори-

лись пойти погулять. На улице было очень холодно, поэтому пришлось зайти в зал. Там меня увидел Борис Валентинович Шунькин, который впоследствии стал моим первым тренером.

— Женское дзюдо тогда уже было популярным видом спорта?

— Да не то слово! Середину восьмидесятых годов можно назвать настоящим бумом в женском дзюдо. Сразу же набралась большая группа девочек, и мы переехали заниматься в другой спортзал, потому что тот, где тренировался мой знакомый мальчик, стал для нас тесноват.

— Что вы можете сказать о своем первом наставнике?

— В адрес Бориса Валентиновича я могу сказать только добрые слова. Когда впервые пришла к нему в секцию, то даже кувыряться не умела. Он, будучи к

тому времени призером чемпионата Европы, многое сделал для нас, начинающих дзюдоисток. Его умение работать с подопечными иногда просто поражало. Найти подход к каждой спортсменке не так-то просто. А Шунькину это удавалось.

Его строгость и требовательность во время тренировок незаметно сменялись на мягкость и лояльность после них. Борис Валентинович мог запросто рассказать смешной добрый анекдот и в то же время сурово наказать за несоблюдение спортивного режима. В нем сочетались многие качества профессионального наставника, настоящего мастера своего дела.

За многие годы я ни разу не услышала от этого человека плохого слова. Он не только блестящий тренер, но и отменный психолог. Словом, для нас Шунькин слу-

жил идеалом мужчины. Мы, девчонки, все тайно были в него влюблены.

— **Теперь, наверное, самое время поговорить о первых успехах в большом спорте.**

— В 1987 году меня, шестнадцатилетнюю девушку, допустили выступать на взрослом первенстве СССР. Там я заняла третье место, чему была несказанно рада. Бронзовая медаль чемпионата Союза давала путевку в сборную страны. Год тренировалась вместе с прославленными дзюдоистками Ирой Емельяновой, Валей Сироштан. После этого, в 1988-м, я выиграла чемпионат Советского Союза...

— **С тех пор и по сегодняшний день первое место в тяжелом весе не делите ни с кем?**

— Нет. Ни одного чемпионата страны я не проиграла.

— **Вы все время выступаете за «Динамо»?**

— Начинала тренироваться у динамовца Шунькина. Затем долгое время я выступала за «Трудовые резервы». Когда это спортивное общество стало переживать не лучшие времена (помните, наверное, что сначала его переименовали в «Юность России», затем еще во что-то непонятное), меня пригласили снова в «Динамо». Была в звании «рядовой». Потом стала прапорщиком. Теперь вот офицером.

— **В Москве вы, Светлана, уже четвертый год. Как вас встретила столица?**

— Я приехала из Челябинска в штатную спортивную команду Московского округа внутренних войск. Для меня здесь все было совершенно новым, незнакомым. Когда впервые пришла в штаб округа, волновалась. Но как потом выяснилось, мои переживания были напрасными.

Начальник команды полковник Рашид Гарифзянович Ибра-

гимов встретил доброжелательно, с улыбкой. Оказалось, что он знаком со многими борцами, которых хорошо знаю я. Общий язык мы нашли с ним сразу. Этот человек переживает за судьбу каждого спортсмена: лыжника и гребца, футболиста и пловца. К тому же Рашид Гарифзянович интеллигентный и общительный мужчина, обладающий тонким чувством юмора.

— **Какие качества должны быть присущи женщине, профессионально занимающейся борьбой?**

— Во-первых, как и любой женщине, для того чтобы чего-то добиться в этой жизни, нужно

мы, слезы и все что угодно. И, конечно же, бывают приятные моменты. Например, я никогда не забуду, когда впервые в 1991 году завоевала бронзовую медаль на чемпионате Европы в Чехословакии.

— **Расскажите об этом, пожалуйста, поподробнее.**

— Для меня это была такая радость! Сначала получила поздравление от тренеров и подруг по сборной. Затем, когда все разошлись по номерам в гостинице, мы с подругой (она, кстати, тоже заняла третье место в другой весовой категории) достали из чемоданов свои награды, обмыли их в шампанском.

Светлане Гундаренко вручается главный приз соревнований

иметь характер, силу воли и выносливость. Люди, далекие от спортивного мира, могут подумать, будто победы и титулы нам достаются легко. В народе говорят: физкультура лечит, спорт калечит. Все завоеванные медали — результат огромного труда. Это ежедневные шестичасовые тренировки, нервные срывы, трав-

Потом они еще много раз опускались в бокалы. И пока доехали до Челябинска, ленточки медалей оказались пропитаны шампанским. Для того чтобы прочувствовать радость победы, необходимо ощутить ее.

— **На следующий год вы выиграли чемпионат континента во Франции?**

— Да. Мы поехали туда под руководством старшего тренера Евгения Алексеевича Тюрина. Оказалось, что деньги выделили только на мужскую команду. У Тюрина во Франции были знакомые, и мы жили в их доме в пригороде Парижа. Чтобы не опоздать на взвешивание, которое проходило во Дворце спорта с 7 до 8 утра, ежедневно приходилось подниматься в 5. 30 и добираться до места назначения на электричке.

Однако трудности еще сильнее укрепили веру в победу. Девушки нашей сборной выиграли 4 медали. В их числе была и моя золотая награда. Мы просто ликovali!

— Когда вы снова поднялись на высшую ступень пьедестала почета чемпионата Европы?

— В 1995 году в Англии. Чемпионат был очень тяжелым. Незадолго до его открытия у меня произошла семейная трагедия. Я похоронила близкого человека. Пришлось пропустить сборы. Встал вопрос: брать меня в Бирмингем или нет? Можете представить себе тогдашнее мое моральное и физическое состояние...

Никогда не перестаю удивляться русским людям! Чем больше у них трудностей, тем крепче, закаленнее становится характер. Несмотря ни на что, в сборную меня все-таки взяли. Я поехала и, образно выражаясь, на одном дыхании выиграла чемпионат.

Уже когда вернулась в Челябинск, задумалась: как же мне это удалось сделать?! Вообще, тот год, невзирая на семейные трудности, был очень удачным в спортивном плане. Я хорошо боролась в Германии, выиграла первенство России и два турнира класса «А», наконец, вновь стала чемпионкой Европы.

— Наверняка наряду со взлетами и успехами у вас, как и у каждого спортсмена, бывают срывы и неудачи?

— Безусловно. Знаете, для меня невезучим оказался 1996 год. Я готовилась к Олимпийским играм. Работала, что называется, на износ. Мне так хотелось завоевать золотую медаль! Но... заняла всего лишь пятое место. Это было настоящим шоком.

— Ну почему же? Многие считают, что главное не награда, а участие в Олимпийских играх.

— Так-то оно так. Но для меня это была вторая летняя олимпиада. В 1992 году я уже выступала в составе сборной СССР на Играх в Барселоне и заняла седьмое место.

Поездка в Испанию вспоминается сейчас как большой спортивный праздник. И не более того. Мы с девчонками целыми днями просиживали около столовой (это было своеобразное место тусовки всех звезд мирового спорта) и ждали момента, чтобы обменяться с представителями других континентов значками или взять автографы у кого-то из знаменитостей. Словом, нам было не до борьбы, морально к состязаниям мы не подготовились. Правда, Лена Петрова заняла третье место в своей весовой категории.

Зато здорово выступили тогда наши ребята из сборной по дзюдо. Они завоевали две золотые, две серебряные и бронзовую медали. Мы так радовались за них!

И вот представьте себе: проходит четыре года. Это — отработанный цикл. Я поддерживала хорошую спортивную форму. Выиграла многие турниры, в том числе и международные. Настрой был занять только первое место на Олимпиаде-96. Тем более мой любимый человек сказал

тогда: «Свет, если выиграешь, проси у меня все, что захочешь: «мерседес-600», звездочку с небом...» Но я попросила другое: «Если стану олимпийской чемпионкой, то пусть на всем пути до Москвы будут стоять пионеры в крашенных галстуках и бросать мне в машину цветы». На что мне любимый ответил: «Все будет. И галстуки найду, и пионеров поставлю».

Скажу честно, я не думала даже о втором месте. Хотела завоевать только золото. Первую схватку выиграла с трудом, вторую — тоже. Третья оказалась не менее тяжелой. И вдруг в четвертом поединке неожиданно после броска проигрываю китаянке. Это для меня был страшнейший удар. Такой последовал шок, что просто не могла дышать. Еще бы! В лучшем случае я могла стать лишь третьей. Но меня это не устраивало. Думала: как я людям в глаза смотреть смогу после всего случившегося? За пять часов до следующей схватки за бронзу я, к сожалению, так и не смогла прийти в себя, собраться с силами, настроиться на победу. И быстро проиграла.

Уже потом осознала, что биться надо было до последнего. Ведь стать призеркой Олимпийских игр тоже почетно.

— Что ж, Светлана, остается надеяться, что в 2000 году на олимпиаде в столице Австралии вы победите всех и получите долгожданную золотую медаль. Наверное, уже начали подготовку к состязаниям на сиднейском татами?

— Да, конечно. Кстати, мне из Австралии уже приходят письма с просьбой дать автограф, с пожеланиями успехов. Знаете, очень приятно получать подобные послания от поклонников дзюдо, которые верят в тебя, любят и ждут новых побед.

— **Теперь, наверное, настало время поговорить об особенностях женского чемпионата мира по боям без правил, который состоялся в 1997 году в Японии. Скажите, существуют ли какие-то правила проведения столь необычных состязаний?**

— Правила самые простые: перед выходом на ринг наряду со страховкой необходимо было подписать бумагу, в которой оговорено, что в случае моей смерти родственники никаких претензий к организаторам чемпионата предъявлять не будут. А затем выйти и бить соперника до тех пор, пока тот не сдастся.

— **На мой взгляд, это слишком жестоко, особенно для женщин. И все-таки, сколько схваток вы провели?**

— Действительно, женщина рождена не для того, чтобы участвовать в подобных боях. Она должна быть хорошей матерью, женой, хозяйкой, хранительницей очага. Но, как говорится, каждому свое.

Первый бой провела с девушкой из Англии. Она чемпионка своей страны по боксу. У нее я выиграла без проблем. Затем два последующих поединка тоже были легкими. В одном из них так заехала левой рукой сопернице по лицу, что даже сама не ожидала. Она сразу оказалась в нокауте. Если честно, мне ее жалко стало.

В финале предстояла встреча с японской дзюдоисткой. Перед началом решающей схватки ко мне подошли организаторы чемпионата и сказали о том, что смотрели видеозаписи и тщательно анализировали все бои с моим участием, что выиграть золотую медаль представительнице их страны не удастся, но... И начали упрашивать меня, чтобы я сделала «бум-бум» не одну минуту, а

пять. То есть они заботились о поддержании имиджа своей спортсменки. Увеличили мне гонорар.

И вот в финале мы с ней делали «бум-бум» для публики. Она от меня все время бегала. Потом мне это надоело, и после проведенного броска я применила удивительный прием. Ну и характер у нее оказался! Слышу, уже хрипит, задыхается, но не сдается, рукой по татами не стучит. После боя врачам пришлось ее откачивать... Короче, финал оказался зрелищным.

По окончании чемпионата мне вручили очень красивый кубок, надели корону победительницы. Много было цветов. Затем состоялась пресс-конференция для журналистов. И, конечно же, банкет в шикарном ресторане.

— **Давайте теперь поговорим о том, чем вы занимаетесь сейчас. Где тренируетесь, кто ваш наставник?**

— Чтобы быть в хорошей спортивной форме, тренируюсь каждый день. Утром — часа полтора общефизическая подготовка, затем два часа на ковре. Когда готовилась к первенству России, занималась и в зале комплекса «Самбо-70», и на «Динамо». А вообще тренируюсь на Шаболовке. Мой наставник, покровитель и друг — Шевалье Нусуев.

— **Традиционный вопрос: каковы ваши планы на будущее?**

— Программа максимум — стать олимпийской чемпионкой. Или, по крайней мере, хотя бы завоевать какую-нибудь медаль на Олимпиаде-2000.

Программа минимум — восстановиться после операции, которую мне сделали на шее, собраться с силами. В этом году предстоят чемпионаты мира и Европы по дзюдо. Два старта для меня, конечно, многовато. Но на одном из первенств я смогла бы

выступить. Все будет зависеть от организаторов этих мероприятий.

— **Светлана, что бы вы пожелали читательницам нашего журнала, женам военнослужащих внутренних войск, женщинам — офицерам и прапорщикам?**

— Во-первых, быть любящими и любимыми. Во-вторых, чтобы всегда рядом с ними находился милый, родной человек. Я понимаю, что для жен офицеров постоянное присутствие мужа дома нереально, но все-таки... Надо верить в лучшее и доверять своим возлюбленным.

Конечно же, не могу не посоветовать всем женщинам дружить со спортом. Делайте по утрам физзарядку, и вы будете всегда стройными и красивыми, бодрыми и здоровыми. А такими вас еще крепче станут любить мужчины.

— **Благодарю вас за интервью. И давайте договоримся, Светлана: если вы станете олимпийской чемпионкой в 2000 году, то в первую очередь дадите интервью нашему журналу.**

— Хорошо, я согласна!

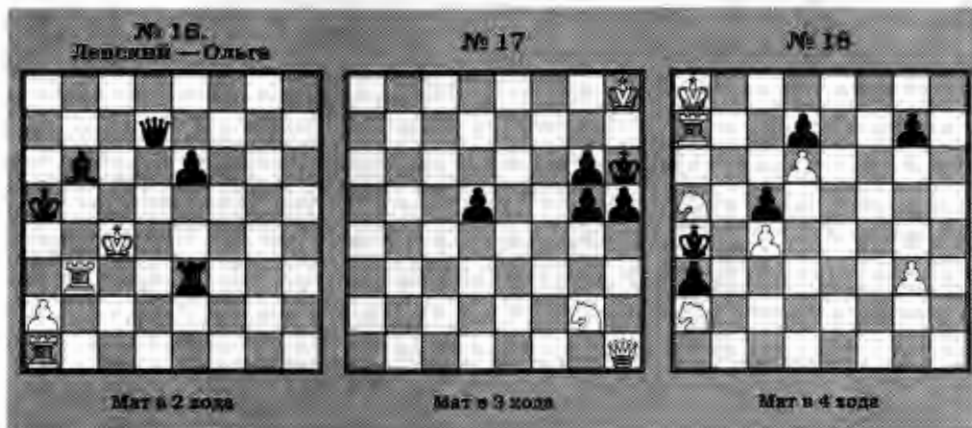
**Беседовал подполковник
Геннадий ШАХОВ**

Фото из альбома
Светланы ГУНДАРЕНКО

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Пушкин любил шахматы

В поэме "Евгений Онегин" Пушкин пишет, что Ленский и Ольга любили играть в шахматы.

*Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко.*

Решение позиции №16 подсказал сам Пушкин. Кто помнит "Евгения Онегина", тот быстро решит. Непомнящие же смотрите решение ниже, в рубрике "Проверьте свои решения".

Задачи №17, 18 относятся к художественному стилю. Надеемся, их секреты читатели откроют без труда.

Решайте гетеродоксы! Они требуют нестандартного мышления, а в художественном отношении не уступают ортодоксальным произведениям.

№ 19. **Kpb2, Jf4, Cb6, п.e2 /4/ — Kpb4, Фb7, Le4, Jd8, Cg8, пп. b5, h7 /7/**, кооперативный мат в 2 хода. В этой задаче белая пешка своим ходом перекрывает сразу три черные дальнобойные фигуры.

№ 20. **Kpf3, Jf4, Kd2, Ke8 /4/ — Кра5, Jh5, nn. b5, c6, f5, h6 /6/**, кооперативный

мат в 3 хода. Жертва и кавалерийская атака составляют содержание задачи!

ЧЕМПИОНАТЫ, ТУРНИРЫ, ПЕРВЕНСТВА

Чемпионат мира среди мужчин. Согласно решению ФИДЕ, первенство мира в этом году состоится с 19 июня по 17 июля в Нидерландах. В нем примут участие 100 сильнейших гроссмейстеров, борьба будет проходить по нокаут-системе. Призовой фонд равен 3 млн. долларов. Кто же станет чемпионом мира? Решено также следую-

щее мировое первенство провести в ноябре — декабре 2000 года.

Как известно, наряду с ФИДЕ чемпионаты мира по своим правилам стремилась проводить небольшая группа лиц во главе с Г.Каспаровым, именовавшая себя Всемирным шахматным советом (ВШС). Она провела отборочные матчи по выявлению претендента на борьбу за звание чемпиона мира. Им стал гроссмейстер А.Широв, проживающий в Испании. Увы, из-за отсутствия меценатов, матч А.Широва с Г.Каспаровым не состоялся. В результате ВШС исчез, будто его и не было.

Чемпионат мира среди женщин. ФИДЕ приняло решение — провести в мае июне этого года мировое первенство среди женщин. Место его проведения еще не определено, но заявки от ряда стран уже поступили.

Турниры на Кубок президента МОК. Президент ФИДЕ Кирсан Илкомжинов объявил об учреждении ежегодного международного турнира на Кубок президента МОК (Международного олимпийского комитета). Время и место его проведения в этом году пока неизвестно.

Автономия Европы. Европа стала первым континентом, добившимся автономии внутри ФИДЕ. Сейчас организуется Европейский шахматный клуб, который будет проводить личные и командные соревнования. Создан особый Кубок для награждения чемпионов Европы.

Первенство России среди композиторов. Российская шахматная федерация (РШФ) объявила чемпионат России среди композиторов. Участники чемпионата присылают в судейскую коллегию свои композиции, опубликованные в 1995 — 1997 годах, которая рассмотрит их и определит победителей. По результатам чемпионата будет издан "Альбом России" с лучшими произведениями всех жанров. Остается надеяться, что в "Альбом" войдут художественные произведения, а не бесчувственные конструкции.

Автор публикуемых композиций — редактор "Шахматного клуба".

На боевом посту № 3, 1999

№ 13. **Kрс8, Jf4, n. b6 /3/ — Kрh1, Jd1, Ce3, Ka8, n. d7 /5/**, ладья. 1. **57 Kb6+ 2. Kpd8! Ce5 3. Le4 Cg3 4. b8Ф! Cxb8 5. Le1+! Le1**, мат! Патовой финал в этой позиции трудно увидеть.

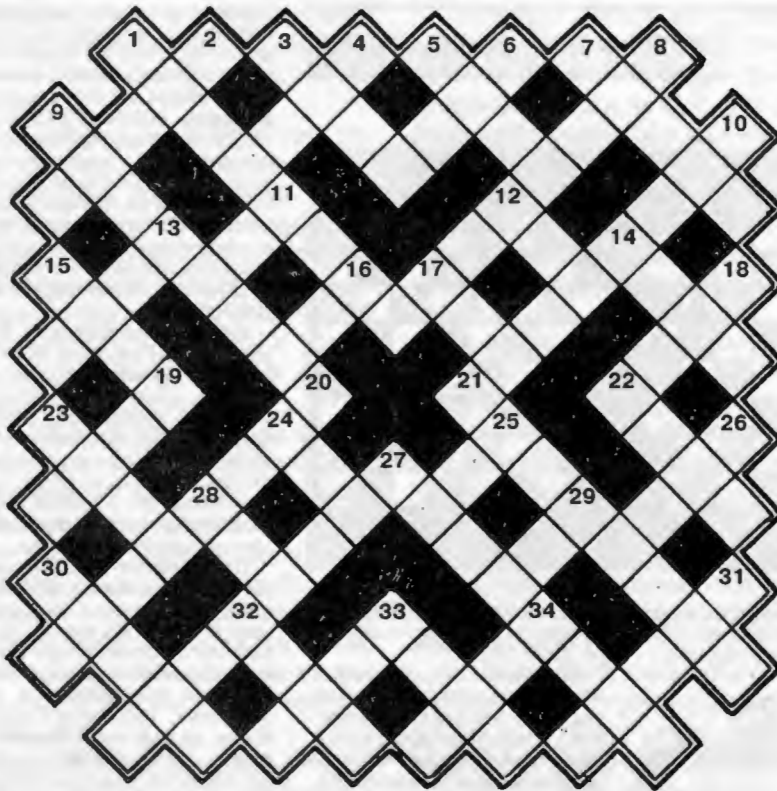
№ 14. **Kpb8, Fe1, nn. e3, f3, g5 /5/ — Kрd4, Фd3, Ch3 /3/**, кооперативный мат в 2 хода. 2 решения: 1. **Ф:d3 Ф:h1! 2. Ф:d3 Ф:c6X!** 1. **Ф:g6 Ф:h6! 2. Ф:d3 Ф:c6X!** Дважды засада!

№ 15. **Kрb8, Le8, n. c2 /3/ — Kрb4, Jd4, Ca3 /3/**, кооперативный мат в 3 хода. 1. **Cb5 Le8 2. Кра4 Le1 3. Jb4 Jd4X!** Общей маневр ладий!

№ 16. **Ленский — Ольга.** Великие слова Пушкина: "И Ленский пешкой ладью берет в расение свое!" 1. **a2:b3+ Фe4+ 2. J:a4X!** Таково решение придуманной позиции, посвященной 200-летию со дня рождения великого Пушкина!

КРОССВОРД

«СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО!»

ВПРАВО ВНИЗ: 1. Вилка для дегустации звуков у музыкальных инструментов в оркестре или в хоровом пении. 3. Потомок аршина. 5. Приставка, делающая человека не первым, а вторым. 7. Река со скалой на берегу, на которую взобрался отец Федор с колбасой в зубах (по Ильфу и Петрову). 9. Бич студента-технаря, осилив который он смело может жениться. 12. Сборник поэтических произведений знатока древнеславянского фольклора Н. Асеева. 14. Общее между Булычевым и Лигачевым. 15. Птица, виноватая в смерти Кашея Бессмертного. 17. Департамент на севере Франции, в Нормандии. 21. Мастер, который сра-

зу выдает свой продукт на прокат. 22. Обманщик, плут, пройдоха. Его девиз: играть без денег и не платить в случае проигрыша. 23. Помещение для дуэта или квартета (железнодорожное). 24. Гость, предпочитающий посещать квартиры в отсутствие хозяев. 27. Отклонение от нормы в природе, от-

ступление от существующих положений, порядков в жизни. 28. Крупа, которая кормит всю Азию (и не только ее). 30. Она не может существовать без обмена веществ, без роста, без размножения, без движения. 32. Звено железной гусеницы. 33. Высокий звук, который издает сногшибательная мода.

ВЛЕВО ВНИЗ: 2. Удавка на современного российского бизнесмена. 4. Футболист, покоровивший мир своей виртуозной игрой и одноименным бразильским кофе. 6. Камень преткновения между греками и турками в Средиземном море. 8. Хоровое пение колоколов. 10. Приседание из вежливости. 11. Первая часть мечты Остапа Бендера. 13. То, что выбивают все ударники при игре. 16. Местоимение, ставшее журналом. 18. Дрова, прошедшие сквозь огонь. 19. Река, рыба, малая планета, любовь — что их всех объединяет? 20. Плод вдохновения в любом виде искусства. 25. Характер поведения, имеющий оттенки от дурного до хорошего. 26. Он воплотил свою мечту о «золотом веке» человечества в двух вариантах, которые хранятся в Мюнхене. 27. Обитатель «одиночной квартиры», избавленный от проблем приватизации и платы за коммунальные услуги. 29. Холодное оружие, против которого нет приема. 31. По революционной терминологии, он лентяй, а по дореволюционной — хозяин усадьбы. 33. Французский «воробышек» с сильным голосом (певица). 34. Детородящая птица, приносящая маленьких детей в клюве.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА ЧАЙНБОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

1. Кокет. 2. Трен. 3. Надя. 4. Ярославна. 5. Аркадина. 6. Аксенова. 7. Алигер. 8. Реглан. 9. Наполеон. 10. Ниловна. 11. Амазонка. 12. Апина. 13. Алена. 14. Агиса. 15. «Аленушка». 16. Афина. 17. Архипова. 18. Адити. 19. Инбер. 20. Розе. 21. Екатерина. 22. Анахит. 23. Торрес. 24. Салоп. 25. Передник. 26. Капот. 27. Тереза. 28. Арина. 29. Амур. 30. Руссо. 31. Одинцова. 32. Анфиса. 33. Анна. 34. Августин.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В Центральном музее внутренних войск МВД России прошел день открытых дверей посвященный 31-й годовщине создания музея и Дню внутренних войск. Музей активно популяризирует их славную историю и боевые традиции.

Ситуация

Издаётся с апреля 1990г.

№ 11-12 (389-390)

ИНДЕКС 73515

27 марта — День внутренних войск МВД России

ДОРОГИЕ БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ!

От имени владельцев Министерства внутренних дел Российской Федерации и от себя лично горячо и сердечно поздравляю Главные командования, весь личный состав внутренних войск МВД России, ветеранов с профессиональным праздником — Днем внутренних войск Российской Федерации.

Сегодня внутренние войска выполняют сложное и ответственное служебно-боевое задание и безупречно выполняют свои обязанности, обеспечивая безопасность и спокойствие граждан, конституционные права и свободы граждан, законность и правопорядок в стране, обеспечивая защиту интересов государства, общественную безопасность, охрану общественного порядка, обеспечение высокой готовности к выполнению задач, возложенных на вас высокой государственной ответственностью. Это малознакомые, но высокоготовые и ответственные специалисты, порыва, воинственности, укрепление организационности, порыва, воинственности, повышение профессиональной деятельности в выполнении возложенных задач.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Не уронить авторитет войск

Индекс для индивидуальной подписки — 70610, для предприятий и организаций — 73175

Для спецвзв... нет пло...

И СНОВА — ПОДПИСКА!

замен... ценою в... жизнь

К... и литературно-художественному журналу внутренних войск МВД России

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

4'99

Войсковой Вестник

Индекс — 73515

Подробности — в каталоге Роспечати

С командующим Северо-Западным округом внутренних войск МВД России генерал-майором Алексеем КЛИМЕНТЬЕВЫМ беседует наш корреспондент

НЕ УРОНИТЬ АВТОРИТЕТ ВОЙСК

— Товарищ генерал-майор, я знаю, что вы недавно вернулись из поездки в Соединенные Штаты. Скажите, пожалуйста, насколько продуктивной и полезной была командировка для вас лично, для округа и для внутренних войск в целом?

— Командировка была в рамках существующей уже более трех лет правительственной программы, которая в свое время получила название «Программа Гр — Чернобырдин». Ее цель — охрана ядерного потенциала, предупреждение несанкционированного распространения радиоактивных материалов и ядерных технологий в неохраемые зоны. Американская делегация сейчас работает на двух наших объектах. На первом этапе они даже вкладывали деньги в оборудование объектов хранения ядерных материалов техническими средствами охраны. Поскольку внутренние войска выполняют задачи по охране важных государственных объектов, в том числе и ядерно-опасных, то все вопросы с их посещением американцами приходилось согласовывать с нами.

После двухлетнего сотрудничества мы вышли с предложением посетить аналогичные объекты в США, ознакомиться с их системой охраны, методикой подготовки сил и средств, посмотреть учебную материальную базу. Проанализировать, насколько их опыт приемлем для наших условий и что нам можно взять на вооружение.

В состав делегации кроме меня входили командир части, которая осуществляет охрану объектов, заместители директоров по режиму и безопасности двух объектов, где работают американцы.

В командировке нам удалось побывать в академии, готовящей кадры для обеспечения охраны и безопасности ядерно-опасных объектов. В течение трех дней на одном из полигонов нам показали учебные классы, пособия и литературу, методику отработки практических действий применительно к условиям охраны. Кое-что в методике у нас есть общее, но имеются и различия. Главная особенность их работы состоит в том, что подготовка сил и средств происходит по единой, целостной системе. У нас внутренние

войска осуществляют охрану и оборону на первом рубеже, по периметру, внутри используются силы и средства самого объекта.

Посетили национальную лабораторию, аналогичную нашему НИИ, посмотрели инженерное оборудование периметра объекта, оборудование КПИ, организацию пропускного режима. Показали нам работу по обезвреживанию террористов, действия охраны в других ситуациях, которые могут возникнуть в процессе службы.

Делегация министерства энергетики США прибывает в Москву и намеревается выйти с предложением открыть учебные центры для частей по охране важных государственных объектов в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге и Новосибирске. Если по этому вопросу будет достигнуто соглашение, то американцы обязуются оказать помощь в техническом оснащении центров для более качественной подготовки личного состава к выполнению задач по охране ядерно-опасных объектов.

— Чем, на ваш взгляд, вызваны инициативы американцев? Есть